

ISSN 2307-2598

Министерство образования и науки РФ
Алтайский государственный университет

СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, ТВОРЧЕСТВО

Сборник статей

Выпуск 9

Часть 1

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2017

УДК 316 (082)
ББК 60.5я43
С 693

Рецензент:

кафедра эмпирической социологии и конфликтологии
Алтайского государственного университета

Ответственные редакторы:

профессор, декан факультета социологии *О. Н. Колесникова*;
профессор, заведующий кафедрой общей социологии *Е. А. Попов*

Техническая поддержка: К. И. Коваль

С 693 **Социология в современном мире: наука, образование, творчество** [Текст] : сборник статей. — Вып. 9 : в 2 ч. / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. — Ч. 1. — 262 с.

ISSN 2307–2598

В сборник включены материалы по широкому кругу социальных проблем, рассматриваемых авторами сквозь призму современного социологического знания и на уровне междисциплинарных научных связей социологии с философией, историей, антропологией, психологией и другими теоретическими и прикладными сферами. Особое внимание уделяется потенциалу социологической науки в развитии социально мыслящего человека, проблемам социологического образования и другим актуальным вопросам.

Издание предназначено для широкого круга специалистов в области социогуманитарного знания — ученых, педагогов, аспирантов и студентов.

УДК 316 (082)
ББК 60.5я43

ISSN 2307-2598

© Оформление. Издательство
Алтайского государственного
университета, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ИНТЕГРАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК И ЗНАНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

<i>Noyanzina O. E., Maximova S. G., Omelchenko D. A., Goncharova N. P., Maratkanova K. A. Transit character of migration in borderland regions as a background of the drug use problem: experience of theoretic comprehension.....</i>	8
<i>Сытых О. Л. Единство в многообразии: взгляд на науку, мифологию и обыденное познание.....</i>	14
<i>Великжанина К. А. Гендерно-чувствительная социальная политика: история становления в России и за рубежом.....</i>	19
<i>Воронина С. А. Междисциплинарный подход как возможный вариант преодоления односторонности исследования гендерного неравенства</i>	24
<i>Гончарова Н. П. Аналитический обзор научных исследований демографического поведения населения</i>	27
<i>Коростелева О. Т. Место и роль социологии в системе социогуманитарного знания как методологическая проблема.....</i>	32
<i>Нагайцев В. В. Конфликтоспособность социальных субъектов.....</i>	36
<i>Неваева Д. А. Электоральная активность пожилых людей в Алтайском крае</i>	40
<i>Петрова Р. Г. Прикладные медико-социологические исследования как инструмент формирования компетенций будущего врача</i>	43
<i>Пустовалова Е. В. Человек и информация: проблема обеспечения социальной безопасности</i>	47
<i>Синцова Л. К. Повседневность и ее отражение в отечественном социогуманитарном познании</i>	52
<i>Стерляева Н. А. Некоторые аспекты самосохранительного поведения.....</i>	57
<i>Сытых О. Л. Человек в обществе потребления: многоуровневые проблемы.....</i>	62
<i>Воронина С. А. Роль современной социологии в изучении латентных элементов социальной структуры общества.....</i>	66
<i>Фаненштиль Т. В. Интеграция междисциплинарных подходов в социально-философском анализе повседневности</i>	70

Нагайцев В. В. Этническая конфликтность в современном мире 75

РАЗДЕЛ II. ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

<i>Попов Е. А., Мукашева М. М. Технологии знаний в условиях подготовки бакалавров социологии.....</i>	80
<i>Бендрикова А. Ю. Образование как фактор трудоустройства выпускников вузов Алтайского края</i>	85
<i>Бускина А. В., Пустовалова Е. В. Практика применения электронных УМК в профессиональном образовании</i>	90
<i>Раззамазова О. В. Формирование активного самостоятельно организуемого и самоуправляемого процесса обучения иностранным языкам в неязыковом вузе</i>	96
<i>Домашев А. Н. Сельская школа как один из факторов социализации школьников.....</i>	99
<i>Замятина О. Н. Функции образования в современном обществе.....</i>	103
<i>Зимирев Г. И., Юдина Н. А. Отношение учителей Забайкальского края к инновационной деятельности в образовании (по итогам социологического опроса)</i>	107
<i>Попов Е. А. Особенности подготовки магистров социологии.....</i>	111
<i>Савельева Ж. В. Социальное и физическое здоровье студенчества в условиях обучения в вузе: к постановке вопроса</i>	115
<i>Семилет Т. А. Дисфункции института образования в современной России.....</i>	118
<i>Сыздыкова М. Б. Система высшего образования Республики Казахстан</i>	123

РАЗДЕЛ III. ПОТЕНЦИАЛ ПРИКЛАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА И КУЛЬТУРЫ

<i>Maximova S. G., Omelchenko D. A., Noyanzina O. E., Goncharova N. P., Penkin S. Transit migration in border regions of Russia: impact on representations about "others"</i>	128
<i>Артюхина В. А. Опросные методы изучения общественного мнения: возможности и ограничения.....</i>	132
<i>Вараксин С. В., Вараксина Н. В., Гончарова Н. П. Применение метода нечеткой линейной регрессии к моделированию демографических процессов</i>	135

<i>Сергиенко А. М., Старосвет Е. А.</i> Стимулы развития социальной ответственности агробизнеса	137
<i>Гончарова Н. П.</i> Основные тренды постсоветских трансформаций горного природопользования в Республике Алтай (по материалам социологического исследования)	146
<i>Даровских О. В.</i> Количественно-качественная стратегия исследования метисов (на материалах Республики Алтай).....	151
<i>Дирин Д. А., Дирина О. В.</i> Социологический анализ отношения сельского населения Кулундинской равнины к возможности развития туризма в районах его проживания.....	156
<i>Качур А. С.</i> СМИ как инструмент формирования имиджа страны и социальных настроений населения	161
<i>Климук Я. А.</i> Социологическая стратификация контингента участников крестьянского сопротивления.....	164
<i>Колесникова О. Н., Чуканова Т. В.</i> Субъективная оценка социального самочувствия и защищенности населения при возникновении рисков протестного поведения.....	169
<i>Кузнецова И. Б., Савельева Ж. В.</i> Прикладное социологическое исследование социальной справедливости и равенства в здравоохранении: теоретические определения и эмпирическая интерпретация.....	174
<i>Неваева Д. А., Черепанова М. И.</i> Гражданская активность молодежи (по результатам социологических исследований в Алтайском крае).....	177
<i>Сергиенко А. М., Иванова О. А.</i> Тренды развития сельского здравоохранения и здоровье сельских жителей.....	180
<i>Трофимова Ю. В.</i> Самоорганизация и доминирующее эмоциональное состояние курсантов вуза МВД России	185
<i>Черепанова М. И., Неваева Д. А., Сарыглар С. А.</i> Этнонациональная ситуация в Забайкалье	188
<i>Шахова Е. В.</i> Профилактика негативных последствий протестного поведения в сфере межэтнического взаимодействия посредством медиапространства регион	192
<i>Вараксина Н. В.</i> Модели и индикаторы демографического поведения.....	196

РАЗДЕЛ IV. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ОБЪЕКТИВЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

<i>Антонович И. В.</i> Социальный контракт как инновационная практика мер поддержки малообеспеченных семей в Алтайском крае.....	200
<i>Артюхина В. А.</i> Абсентеизм как форма социального протеста	204
<i>Воронина С. А.</i> Нарциссизм и Selfi в молодежной культуре	208
<i>Калинина Ю. А., Сиротина Т. В., Чудова С. Г.</i> Методика независимой оценки качества работы организаций социального обслуживания населения в Алтайском крае в 2016 г.	212
<i>Колесникова О. Н., Чудова С. Г., Чуканова Т. В., Великжанина К. А.</i> Два уровня подготовки в высшей школе по направлению «Социальная работа»: общее и специфическое	217
<i>Рехтина Л. С., Соколов Н. В.</i> Миграция на старте III тысячелетия — разрушение границ или начало нового мира ...	221
<i>Сиротина Т. В.</i> Больничная клоунада: история возникновения и развития	226
<i>Стерлядева Н. А.</i> Влияние образа жизни на здоровье человека	230
<i>Фатхутдинова А. А.</i> Три грани «пирамиды» геймерства: субкультура, зависимость, спорт	235
<i>Черепанова М. И., Фокина А. Е.</i> Стратегии самосохранительного поведения молодежи Алтайского края	239
<i>Чудова С. Г., Карачева Т. В.</i> Функциональные потребности кризисных семей.....	244
<i>Чуканова Т. В.</i> Компьютерные технологии в социокультурной реабилитации детей с ограниченными возможностями	246
<i>Шапиева А. В.</i> Молодежные научные мероприятия как компонент развития НИРС в Забайкальском государственном университете	249
<i>Омельченко Д. А., Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Гончарова Н. П.</i> Русский язык в представлениях жителей стран СНГ и Дальнего Зарубежья.....	253
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	258

Раздел I

**ИНТЕГРАЦИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
И ЗНАНИЙ
В СОВРЕМЕННЫХ
УСЛОВИЯХ**

*O. E. Noyanzina, S. G. Maximova, D. A. Omelchenko,
N. P. Goncharova, K. A. Maratkanova (Barnaul, Altai State
University)*

TRANSIT CHARACTER OF MIGRATION IN BORDERLAND REGIONS AS A BACKGROUND OF THE DRUG USE PROBLEM: EXPERIENCE OF THEORETIC COMPREHENSION¹

Introduction: case of borderland regions

For the last decades in Russian Federation fast economic, political and social transformation occurred. Market reforms and changes in political structure caused for radical change in economic condition of life of population and considerable ideological transformations. Inner add inter-state population migration and flow of refugees considerably increased. As a result, a great number of people faces a long periods of separation from family relations, bad condition of living and financial dependence from shadow economic. Economic and political changes occurred simultaneously with change in ideology from collective to individualist as from the point of view of values as their orientation. The open data of FMS for 2016 (Federal migration service, now restructured), show that there are about 10 million of foreigners and stateless persons in Russia, only about 1.5 million of them have work patents or permissions. The number of illegal migrants is several times higher, that heightens the problem of human trafficking and the necessity to update imperfect and incomplete migration policy¹. The leading countries, providing work migrants to Russia are Tajikistan (2.2 million), Uzbekistan (1.1 million), Azerbaijan (600 thousands). In 2014 one of the leading countries was Ukraine (2.5 million), because of foreign-policy and internal aspects of life in this state.

The surface of border regions of Russian covers about 76% of the country's overall area, and the total length of Russian borders exceeds 61 thousand kilometers. Russia borders with sixteen countries, eight of which formerly formed part of the Soviet Union. New borders with CIS countries are characterized by emerging social-economic problems, related to interactions of populations, previously residing in a common social and economic space.

¹ This work was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the State Order for the scientific research "Transit migration, transit regions and migration policy of Russia: security and Eurasian integration" [№ 28.2757.2017/ПЧ].

Though in Russia a lot of system researches, that fixed changes in the field of drug use and sexual behavior and attitudes to them, were realized. It is generally recognized, that the given changes were significant. A number of reasoning factors could be revealed here. Due to its geographic condition, Russia borders with countries of Central Asia on the south. In 2002 the United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC) presented the estimation that 3400 tons of opioids (in cost about 1,19 milliards of US dollars) were manufactured in Afghanistan and consisted 76% of its all-world manufacturing. The production is distributed in free general ways of traffic. "The Northern way" goes through the Central Asian countries to Russia, to the South Caucasus and, then, to the Europe. From the middle of 1990s a considerable redistribution of volumes of drug traffic from western way to the northern one occurred: nowadays about 50% of Afghanistan (35% of all-world manufacturing) products go through the Central Asia to Russia. As a result of transit and traffic the widening of local market lead to the explosion in injection drug use in Russia combined with high risk of blood borne infecting. Although the injection drug users in Russia are registered by government (drug control service), the most of researches agree that the population of registered injecting drug users does not reflect actual condition. The real population of IDUs estimated in the diapason from 1,5 to 3 millions of people or 1–2% of all Russian population.

Directions of actual researches

In Russia a problem of drug use became aggravated: data by the Federal Drug Control Service of the Russian Federation testify about number of persons involved in illegal drug use vary from six to twelve millions of people, number of drug crimes connected with illegal use of drugs and crimes in a result of drug intoxication constantly increase. Process of drug use among population has deep social and economic consequences. Nowadays they raise new tasks for the scientific and practice community working in the field of drug prevention.

A variety of presented researches can be grouped in several directions: methodological and methodical problems of researches of drug use (Afansyev, 1995; Gilinsky, 1992, 1993; Mozgovalya, 2001; Pozdnyakova et al., 2004; Rhodes et al., 2003; Ruschenko, 1999; Sobolev et al., 2000; Tsvetkova et al., 2006); revelation and analysis of social-economic, cultural and individual-personal factors that determine drug use (Zhuravlyeva, 2000; Lichko, 1991, Petrakova, 1995; Sirota et al., 1996; Shurygina, 2002; Maksimova et al., 2007; Chakroun 2004; Leselbaum, 1997, 2003 et al.); sociological and epidemiological monitoring of drug use among different groups of population (Arefyev, 2002; Keselman, 1998; Koshkina et al., 2000; Sillaste, 1994, Sheregi, 2003; Maksimova et al., 2008; Archibald,

1992; Gerstein et al., 1990; Hall, 2000); study on connection between drug use and other social deviations and social pathologies (alcohol use, crimes, prostitution and other) (Golod, 1996; Makshantseva, 1991; Tsymbal et al., 2002; Bourgeois et al., 2005; Labrousse, 1991, 2004, Schaller et al., 1995; Rhodes et al., 2006; Platt et al., 2008); analysis of policy of prevention, preventive measures, measures of treatment, strategies of harm reduction from drug abuse (Akulitch et al., 2002; Shabanov, 2002; Fridman et al., 2000; Barre et al., 2004; Dessez, 2003; Dolan, 1996; Fontaine, 2001; Hautefeuille, 2004; Mattick et al., 1996; Polomeni, 2002); analysis of drug use in the context of public health, comorbidities (tuberculosis, HIV/AIDS, hepatitis, STDs, changes in immunological status and other) (Gilinsky, 2002; Dolzhanskaya et al., 2004; Maksimova et al. 2005; Noyanzina et al., 2006; Rhodes et al., 2003; Platt et al., 2005; Asailly, 2003; Butler et al., 1996, Nelles et al., 1995; Richardson et al., 1993; Page-Shafer et al., 2002; May B., Helmeštaedt, 1975; Heathcote, Taylor, 1981); study on ways, rituals, social and sub-cultural practices, connected with manufacturing and use of drugs (Berezin et al., 2000; Gabiani, 1988, 1992; Zmanovskaya, 2004; Omelchenko, 2000; Salagaev et al., 2004; Grund et al., 1993).

A notion of addition is basic for the understanding of drug use and its negative consequences. It is interpreted as “the intend to lay on somebody of something in purpose of satisfaction or adaptation, obsessive need that provoke a certain activity” (Mendelevitch, 2001, Zmanovskaya, 2005).

Despite abundance of scientific literature and practice researches, there are no any general theory of addiction. It is connected with multi-aspect character of addictive behavior, its complex character and difficulties of transition of specific terminology and conceptual apparatus from one scientific discipline to another, difficulties of use of common methodology.

Social-psychological understanding

A special role in analysis of drug use is paid to social-psychological theories. Most of all they are the precursors of contemporary multifactor complex models because they consider all the spectrum of biological, psychological and social factors.

Thus, *social-cognitive theory* (theory of social learning) explains than the behavior changes are the strict results of observation and interpretation of behavior factors. *Theory of realized action* (Fishbein, Ajzen, 1975) was originally created to explain behavior related with health. The main role paid to cognitive processes, especially to personal dispositions formed in a result of social context and individual experience.

A considerable role in studding the addiction played theories that point out the significance of interpersonal relations in the spread of

different forms of behavior. *Theory of social networks* (Needle et al., 1995) and *theory of social influence* are among them (Ling et al., 1992). The given theoretical models pay attention to natural processes in people's interactions and interactions between their social surroundings, and inside referent groups and allovers, first of all. Authors point out that the nearest surroundings could influence the behavior of separate individual through mechanisms of social comparison threat for condemnation, socialization, modeling and social support. Here the drug use is the "infection" disease inside groups.

Sociological analysis of addiction is based on understanding of drug abuse as deviance from social, legal and cultural norms of behavior.

Theory of social disorganization understands addiction simultaneously as a symptom and as a reaction for the absence of social infrastructure or weakness in the action of social institutes and social relations that are in the ground of social organization (Shaw 2002; Wikstrom, Loeber 2000; Jang, Johnson 2001 et al.). *Theory of social control* bases on the occurrence of addiction because of the weakness of institutes of informal control (Belsky 1993; Bronfenbrenner 1977; Hirschi 1969 et al.). *Theory of intensity* considers addiction as a reaction for social stress, mechanism of adaptation to keep the high status (even temporary one) (Hoffman, Cerbone 1999; Piquero, Sealock 2000 et al.).

Theory of conflict testify that the deviance (including addictions) is the product of a conflict between weak and strong social groups. It studies the influence of labeling, de-labeling and re-labeling on addictions, treatment and rehabilitation (Becker 1963; Kaplan and Fukurai 1992; Hassin 1994 at al.). Besides the Marx' theories of deviant behavior basing on class differences, class conflict present addictions in the structure of deviance and understand them as a self-productive inevitability of capitalist system (Gordon 1994; Meier 1994; Miller 1996).

Constructivist theories are oriented on society's reactions. According to them, similar behavior reactions can be called addictions in some cultures and could not — in the others. The subject of study here is how the process of addiction is categorized by different social and professional groups, and that is the cause of the addiction and the way out of it, how it is became constructed by different actors including those who influence state policy in the field of addiction prevention (Pervova, 2007).

Model by M. Friedman and R. Friedman shows the inefficiency of restrictive policy regarding psychoactive substances, alcohol and drugs, in particular. The restrictive policy creates conditions for consolidation of organized criminality or legal organizations occupied with manufacturing and distribution (for example, transnational tobacco corporations).

Analysis of addictive behavior on base of a *model of demand and supply* consider the idea that the demand for psychoactive substances is rather elastic on price. By this, the elastic demand is very low. This means that the level of demand, for heroine for example, is independent from variations of price. Realization of restrictive policy is closely connected with increase in social charges. In particular, this happens because of the growth in criminality and corruption in law-enforcement bodies. The opposite way of struggle here is the limitation in demand (prophylactic of drug abuse, enforced treatment and so on). The result is the lowering in used quantity of drugs and general costs of users of heroine, the price will fall and the drug became more accessible and the new demand will arise (Koch J., Grupp, 1980).

Model of balance (Wagstaf, Maynard, 1988) bases on the approach of correlation between expenses and incomes and postulates the struggle with drugs as leading to the lowering on external expenses (expenses for medical treatment, expenses as a result of crimes, loose in working time and so on). *Model of irresistible rational addictions* by Becker-Merthy is applicable not only to the drugs, alcohol and tobacco, but to other goods that could be the object of addiction.

Thus, in contemporary researches the deviant and addictive character of the “consuming society” is shown, the ideology of such society bases on the search on new ways of “nontraditional” dependences (Gilinsky, 2009). Consumption of drugs and psychoactive substances is the consequences of the *exclusion* as one of the aspects of the consuming society. Outsiders, marginal persons, excluded people are on the shoulder of social life out of the borders of official structure of society (on in its bottom) and look for comfort in alcohol, drugs or voluntary suicide.

To the construction of the drug use as a social phenomenon and construction of “moral panic” a separate number of sociological works is devoted. In the end of 1990s and the middle of 2000s emerged researches devoted to processes of institutionalization and normalization of drug use among youth until the recreation use of heroin in some Russian towns (Omelchenko, 2005; Pilkington, 2006).

Wester-European sociologists pay a special attention to the integration of drug users (Calafat A. and others 2001; Hirst J., McCamley-Finney A. 1994.; Pape H., Rossow I. 2004; Rodner S., 2005, 2006). Processes of social exclusion in globalizing communities are described in the works of classics of sociology (Sen, 2000; Bauman, 2004; Wacquant, 1996).

Thus, the factors of drug use are the characteristics of social structure, social processes and social institutes that hypothetically determine actual level of deviant phenomenon in society.

Conclusion. Suggested conceptual model of the study of drug use among population in borderland regions of Russia

Basing on the above given theoretical overview we suggest to base on principles of pragmatist, system and integrative approaches to the analysis of social phenomenon and processes, statements of native and foreign deviance theory (V. Afanasyev., Ya. Gilinski, Yu. Komlev, M. Pozndyakova, I. Ruschenko), general statement of theory of risks (U. Beck, N. Luhman, G. Ritzer), theory of social action (M. Weber, E. Giddens, G. Mid, T. Parsons), social-network analysis (R. Bert, M. Granovetter, G. Wight, B. Walman).

Such conclusion is connected with the creation of conceptual model of the study of drug use among population in borderland regions of Russia. New fundamental knowledge in the field of analysis of drug use and spread of STDs is based on complex study and theoretical understanding. Such approach will promote to the explanation of from the one hand, the influence of macro-social factors on peculiarities of drug use among Russian population, and, from the other, analysis of the way how these social influences of groups and individuals prepare the transformation of values and social networks at the level of macro-structure, i. e. transformation of social cultural norms on the level of society. Such understanding of a problem creates new prepositions for development of sociological and economic, psychological and medical, prophylactic and law researches of drug use spread. In the context of reforms and crisis content of contemporary Russia the given strategy of solution of problem of drug use let to determine priorities, concrete effective forms of treatment and prophylactic of drug use and the spread of STDs in borderland territories.

We consider the novelty of scientific research, creating theoretical base for complex and differentiated evaluation of processes of drug abuse among population of contemporary Russia; study on objective situation and subjective condition of drug use among population of bordering regions, the youth, in particular; determination of effective directions and technologies of regulation of considering sphere of borderland regions.

Bibliography

1. Anderson T.J., Roper C. (2005) The origins and spread of antimalarial drug resistance: lessons for policy makers. *Acta Trop* 94: 269–280.
2. Burt R. (1992) *Structural Holes: The social Structure of Competition*. Cambridge: Harvard University Press.
3. CRS Report for Congress. 2005. *Border Security Apprehensions of “Other Than Mexican” Aliens*. Washington, D. C. [Electronic resource]. — URL: <https://judiciary.house.gov/media/pdfs/ERCrsreport.pdf>.

4. Deshingkar P., Grimm S. (2004) Voluntary Internal Migration: An Update. Paper commissioned jointly by Urban Rural Change Team and the Migration Team DFID Overseas Development Institute: London.
5. Lynch C., Roper C. (2011) The Transit Phase of Migration: Circulation of Malaria and Its Multidrug-Resistant Forms in Africa. *PLoS Med* 8 (5): e1001040. doi:10.1371/journal.pmed.1001040
6. Bourdieu P., *Le sens pratique*, Paris, Éditions de Minuit, 1980.
7. Гишинский Я. И., Афанасьев В. С. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения. — СПб., 1993.
8. Голод С. И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. — СПб., 1996.
9. Змановская Е. В. Теоретико-методологическое обоснование девиантологии как нового научного направления юридической психологии // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. — 2005. — № 4 (28).
10. Менделевич В. Д. Клиническая и медицинская психология : практическое руководство. — М., 2001. — 592 с.
11. Наркотизация в приграничном регионе России: вызовы, риски, угрозы : монография / под общ. ред. С. Г. Максимовой. — Барнаул, 2009. — 365 с.
12. Первова Е. Л. Социальный аспект аддикций // *Журнал социологии и социальной антропологии*. — 2007. — № 4.
13. Роудз Т., Стимсон Г. В, Крофтс Н., Болл А., Дене К., Ходакевич Л. Инъекционное потребление наркотиков, быстрое распространение ВИЧ и «рискованное окружение» // СПИД. — 1999. — 13: S259-S269.
14. Уолтер Пауэлл, Лорель Смит-Дор. Сети и хозяйственная жизнь // *Экономическая социология*. — 2003. — Т. 4. — № 3.
15. Шереги Ф. Э., Арефьев А. Л. Наркоситуация в молодежной среде: структура, тенденции, профилактика. — М., 2003.

О. Л. Сытых (Барнаул)

ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ: ВЗГЛЯД НА НАУКУ, МИФОЛОГИЮ И ОБЫДЕННОЕ ПОЗНАНИЕ

Философы, обращаясь к исследованию познания, акцентируют внимание на его различных аспектах. В материалистической философии длительное время было принято считать, что в начале своей истории человек направлял усилия на познание мира, а в более позд-

ний период — на познание себя. В качестве доказательства этой идеи приводили факт более позднего формирования гуманитарных наук по сравнению с естественными. Экзистенциальная философия, рассматривая мир «через человека», снимает эту проблему. Для философов-экзистенциалистов познание мира есть в то же самое время и познание человеком себя. Для представителей феноменологии познание обыденное является более значимым и достоверным, чем научное, через познание феноменов своей жизни человек познает жизнь и мир.

Отметим здесь и несколько различные подходы к познанию в отечественной и зарубежной (западной) философии. «На Западе (в англо- и франкоязычных странах) теоретико-познавательную проблематику чаще всего называют эпистемологической, а в России как эпистемологической, так и гносеологической, хотя есть и тенденция разделения этих понятий. В этом случае термин «гносеология» рассматривают в более широком контексте, чем «эпистемология», считая, что предметом гносеологии являются любые формы познавательной деятельности, в то время как эпистемология рассматривает вопросы только научного познания» [1, с. 8].

Таким образом, существуют разные подходы к исследованию познания, к его пониманию.

Сегодня принято считать, что к числу древнейших способов постижения мира относятся: мифология, религия и обыденное познание. Однако долгое время в истории общественной мысли приоритет в познании мира отдавался науке. Признание многообразных способов познания мира стало характерной чертой современной культуры. Петер Козловски, сопоставляя культуру науки периода модерна и постмодерна, отмечает, что если для периода модерна характерен научный монизм, то культура постмодерна отличается признанием множественности форм знания, которое становится сегодня предметом исследования равным науке [2, с. 51].

В данной статье будут рассмотрены мифологическое и обыденное познание мира. Их анализ будет осуществляться в постоянном сравнении с наиболее изученным в современной философии — научным познанием. Наибольший интерес у философов вызывает мифологический способ постижения бытия. Большой вклад в теоретическое исследование мифов внесли К. Леви-Стросс и А. Лосев. Разработку темы сущности мифа и его познавательной значимости ведут Мирча Элиаде, Курт Хюбнер, Ариэль Голан [3, 4, 5, 6].

Среди многочисленных аспектов исследования мифа, которые интересовали А. Ф. Лосева, следует выделить вопрос о связи мифа и науки. Подчеркивая, что «наука не рождается из мифа, но наука

не существует без мифа», А. Лосев привлекает внимание к вопросу о связи этих явлений культуры [7, с. 20]. О том, что мифы играли и играют существенную роль в познании мира пишут Н. С. Автономова, Ю. А. Урманцев и ряд других современных российских филологов [8, 9].

Современные российские и зарубежные философы в мифах видят основы многих современных научных представлений. «Миф, — пишет современный итальянский философ Паоло Бизоньо, — представляет собой первое разумное упорядочение окружающего мира и ответ на сложные вопросы познания и человеческого духа» [10, с. 9].

Различные по тематике мифы отражают различные стороны человеческого бытия (мифы космические, бытовые, этические и т. д.). Человек осмысливает свою связь с космосом — и рождаются образы Зевса и Геры. Он ищет причины бед, обрушившихся на него, размышляет о добре и зле, о человеческой гордыне — и появляются мифы о Прометее, Геракле и Нарциссе. Образы, создаваемые мифами, со временем стали символами, вплетенными в повседневную жизнь.

Мифы сегодня являются частью явления культуры, и они по-прежнему играют важную роль в существовании человека и в осмыслении им мира. Не до конца установленное, непознанное, не находящее объяснений в науке получает мифологическую трактовку.

Другим древнейшим способом познания мира является обыденное познание, результатом которого является обыденное (повседневное) знание. Сложность его осмысления состоит в том, что, с одной стороны, когда говорят о новом обыденном знании, то имеют в виду принципиально новые явления, попадающие в сферу жизни человека (абсолютно новые), с другой стороны, речь идет об уникальности явлений для отдельных личностей (относительно новые). Анализ «абсолютно новых» и «относительно новых» явлений может дать нам различные результаты. Ниже мы отметим лишь то, что является общим для первого и второго случаев новизны обыденного познания.

Формирование нового обыденного знания напоминает процессы, происходящие в сфере гуманитарного познания, которые сегодня изучены значительно меньше. Новые явления, с которыми человек сталкивается в повседневной жизни и которые требуют объяснения (интерпретации), выступают для него в неразрывном единстве со всем его жизненным миром, или, как говорил Дильтей, имея в виду гуманитарное познание, в нерасчлененном единстве душевной жизни. Только здесь речь идет о единстве духовной и материальной жизни. В поле зрения в обыденном познании попадают, прежде всего, факты, меняющие сам жизненный мир человека, т. е. значи-

мые для его существования. Они могут быть сразу замечены, и человек может задавать по их поводу вопросы, а может сложиться ситуация, характеризующаяся выражением «что-то изменилось», ситуация, в которой еще нечетко выявляется, что именно изменилось. Последний вариант очень тесно связан с бессознательными моментами познания. Скажем так, на уровне подсознания субъект ощущает (дифференцирует) изменение своего собственного жизненного мира и пытается выявить явления, изменившие его, переводя информацию в сферу сознания. И здесь возникает проблема, имеющая место в гуманитарных исследованиях, правильного вычленения явления без нарушения самых существенных его связей. Так как обыденные явления имеют отношение к жизни человека, то уже первое приближение к их осмыслению (верное или неверное) может оказать значительное влияние на изменение комфортности существования человека.

Дальнейшей процесс формирования обыденного знания правильно назвать процессом интерпретаций. Те факты, интерпретация которых осуществляется в обыденном познании, всегда обладают, пусть минимальной смысловой определенностью, которая задается их включенностью в структуру жизненного мира. В отличие от науки, особенно от классического естествознания, основанного на поисках общего и стремлении отрешиться от субъективности, в обыденном познании, особенно на начальном этапе формирования знания, всякое явление, которое человек пытается осмыслить и интерпретировать, уникально и лично для него значимо. Первая интерпретация новых явлений обыденной жизни всегда индивидуальна, дальнейшее развитие познания направлено на интерпретацию явлений с точки зрения общей значимости. Явления, попавшие в сферу обыденного познания, со временем могут стать предметом изучения науки. Но прежде они, как правило, получают общезначимую интерпретацию и определенную оценку. И эта общая, коллективная оценка относится уже не к самим изучаемым явлениям, а к знанию о них, которое представляется человеку весьма убедительным, очевидным, вполне вероятным. Начало же изучения новых явлений в повседневной жизни человека (в обыденной жизни) связано с появлением в его духовном мире некоей неопределенности. Не всегда явления, попавшие в сферу обыденного познания, становятся предметом науки. Здесь значительно важнее, чтобы, дав им определенное объяснение, личность сделала их понятными для себя и чтобы жизненный мир ее был по-прежнему стабильным. С реальной предсказуемостью явлений обыденной жизни, с определенностью ожида-

ний и, наконец, с привычностью событий ряд философов связывает счастливую жизнь, к которой каждый человек стремится. Подобные суждения о счастье высказывает итальянский философ Н. Аббаньяно. «Именно в привычках повседневной жизни, — пишет он, — приобретает плоть и кровь счастье...» [11, 126]. Таким образом, познание, делающее наш мир привычным и предсказуемым, позволяет нам стать и в определенной степени счастливыми. И в этом одна из целей человеческого познания.

Среди мотивов, которые движут человечеством в освоении мира, если выйти на уровень осуществления глобальных научных проектов, например, освоение космоса, глубин океанов, селекции растений и животных, следует назвать, опять же, стремление к обретению уверенности в завтрашнем дне. Интересно здесь заметить и тот факт, что попытки науки уйти от неопределенности будущего, которое тревожит человечество, сами нередко базируются на глубоко скрытых мифах и утопиях, часто подкрепляемых научной фантастикой.

Из всего вышеизложенного вытекает несколько интересных выводов, касающихся познания.

Первый вывод следует из предположения, что познание человеку необходимо для обретения чувства уверенности и состоит в том, что познание, начиная со своих древнейших форм (уже в мифологии это достаточно ярко проявлялось), неразрывно связано с прогнозированием. А отсюда легко понять, почему наиболее важными функциями формирующейся науки становятся объяснение и предсказание.

Второй вывод касается перспектив исследования познавательной деятельности человека. Представляется, что сегодня изучение познания целесообразнее вести в контексте культуры, это предполагает изучение научного познания в неразрывном единстве с различными формами познавательной деятельности человека. Закономерен вопрос: «Каким образом знание, полученное за пределами истории научных идей, может вписаться в сложную структуру уже существующего научного знания? Вопрос из непростых, но он встает неизбежно, если погрузить научное знание в контекст культуры, социума, жизни научного сообщества и лаборатории» [12, с. 40].

Библиографический список

1. Сытых О. Л. К определению понятий: гносеология, эпистемология, познание, знание, истина, сознание, информация // Образование и социальное развитие региона. — 2004. — № 3–4. — С. 8–14.
2. Козловски П. Культура постмодерна. — М., 1997. — 240 с.
3. Элиаде М. Аспекты мифа. — М., 1996. — 240 с.

4. Хюбнер К. Истина мифа. — М., 1996. — 448 с.
5. Хюбнер К. Прогресс от мифа через логос к науке как теоретико-познавательная проблема // Разум и экзистенция. — СПб., 1999. — С. 114–125.
6. Голан А. Миф и символ. — М., 1994. — 375 с.
7. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. — М., 1994. — С. 5–217.
8. Автономова Н. С. Миф: Хаос и логос // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного опыта. — М., 1990. — С. 30–57.
9. Урманцев Ю. А. О формах постижения бытия // Вопросы философии. — 1993. — № 4. — С. 106–115.
10. Бизоньо П., Тисса Н. Память о будущем. Записки об образах науки. — М., 1994. — 303 с.
11. Аббаньяно Н. Мудрость жизни. — СПб., 1996. — 319 с.
12. Маркова Л. А. Истина в классической и неклассической науке // Понятие истины в социогуманитарном познании. — М., 2008. — С. 30–55.

К. А. Великжанина (Барнаул)

ГЕНДЕРНО-ЧУВСТВИТЕЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Исторически понятие социальной политики связано со становлением и теоретической концептуализацией государства всеобщего благосостояния, или, другими словами, социального государства. Это происходило после Второй мировой войны, когда в странах западно-европейских демократий происходило интенсивное осмысление последствий войны и одновременно поиск социального согласия. В это время социальный контракт граждан и государства, лежащий в основе концепции государства всеобщего благосостояния, стал увязываться с вопросами социального долга, конструируя тем самым гражданскую составляющую государства всеобщего благосостояния [1].

По мнению М. В. Рабжаевой, под гендерными аспектами социальной политики чаще всего понимают подход, основанный на антидискриминационных политических практиках в отношении женщин, или же подход, анализирующий положение женщин в рамках семейной политики.

При разработке и реализации гендерных аспектов социальной политики государственные власти, в первую очередь, должны учитывать различия в социальном положении женщин и мужчин, в силу того, что политические решения, оформленные и реализованные в виде социальных программ, существующего законодательства и всей государственной политики, оказывают разное воздействие на социальную жизнь женщин и мужчин.

Кроме того, социальная политика непосредственно связана с необходимостью обеспечения социальной безопасности, о чем пишут некоторые исследователи [2, с. 225–226].

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод, что гендерный подход в социальной политике направлен на выявление, критику и устранение механизмов воздействия социальных программ и политических действий, усугубляющих или воспроизводящих гендерное неравенство [1].

В рамках данной проблематики в системе государственного управления можно выделить два основных подхода к учету гендерных различий, где во главу угла ставится отношение общества к положению и ролевому функционалу женской части населения.

1. Фамилизация — подход, в рамках которого социальное положение женщины рассматривается через призму семейной политики и интересов семьи. При таком подходе государство снимает с себя ответственность за ряд проблем, возникающих в рамках семьи. В таких случаях проблемы домашнего насилия, разного рода зависимости членов семьи от фигуры «кормильца» и т. д. не попадают в поле зрения государства и общества и не решаются [1].

2. Дефамилизация — подход, в рамках которого социальное положение женщин определяется как процесс создания таких условий, в которых они могут поддерживать свой статус и приемлемый стандарт жизни вне зависимости от наличия семьи и внутрисемейных отношений [1].

Государства, проводящие подобную социальную политику, называют «государствами, дружественными женщинам». Этот термин используется для характеристики государств, политика которых стремится к ликвидации всех форм и последствий гендерной дискриминации.

История становления гендерно-чувствительной социальной политики начинается с радикальных мер ряда западных стран в 60-е гг. под влиянием второй волны женского движения. Создание действенного государственного механизма по обеспечению равных прав и равных возможностей обеспечило существенное повышение статуса женщин во всех сферах жизнедеятельности.

Можно выделить два основных этапа развития данного явления.

1 этап. 60–70-е гг. XX в. В этот период выработана стратегия по обеспечению формально-правового принципа равных прав и начат переход к утверждению «гендерно-нейтральной» практики.

2 этап. 80–90-е гг. XX в. Этот период характеризуется переходом к стратегии равных возможностей и утверждается «гендерно-чувствительная» политика «позитивных действий» и специальных прав женщин.

В 60–70-е гг. в центре феминистского либерального дискурса оказалась проблема законодательной дискриминации женщин и формирования антидискриминационных политических принципов. Ключевыми понятиями этого дискурса становится дихотомия «равное» (одинаковое) и «различное» [3, с. 159].

Правовая доктрина, сформулированная Верховным судом США в конце XIX в., давала разъяснение этого принципа. Законным, с точки зрения Конституции США, считалось одинаковое «обращение с лицами, находящимися в одинаковом положении». Соответственно, дискриминационной могла быть признана только практика «неодинакового обращения с людьми, находящимися в одинаковом положении» [3, с. 159]. Ввиду того, что положение мужчины в европейском обществе того времени сильно отличалось от положения женщины этой же формации, отсутствие одинаковых прав не являлось нарушением американского правового государства (мужчины и женщины находятся в неодинаковом положении по своей природе).

Лишь в 1963 г. наметился определенный сдвиг в понимании равных гендерных прав западного общества. В это время появляется первый правительственный документ, анализирующий положение женщин в американском обществе. В рекомендациях Президентской комиссии указывалось, что для формирования антидискриминационной политики следует соблюдать демократические принципы равных возможностей, прежде всего в сфере трудовой практики, отказавшись от «специального обращения в отношении женщин». Первым следствием рекомендаций стало распоряжение президента Кеннеди о найме женщин на гражданскую службу с условием их профессионального продвижения «единственно на основе способностей удовлетворять требованиям рабочего места безотносительно внешних различий» [2, с. 160]. Рекомендации Президентской комиссии нашли свое отражение в соответствующих нормативно-правовых актах. Антидискриминационные законы были подкреплены созданием специальных структур исполнительной власти, отвечающих за утверждение на практике принципов тендерного равенства. Первые, созда-

ваемые в соответствии с законами, были призваны контролировать и регулировать трудовые практики в сфере занятости. Вторые, учреждаемые по президентским указам, осуществляли программы «позитивных действий» [3, с. 161].

На втором этапе (80–90-е годы XX в) становления политики гендерных прав и возможностей в европейских государствах во главу угла встало такое понятие, как гендерное равенство. Оно означало, что различия между мужчинами и женщинами не должны вести к неодинаковости их социально-экономического статуса. Поэтому политика равных прав должна дополняться специальными программами государства по улучшению статуса женщин и удовлетворению их специфических потребностей [3, с. 164].

Именно с этого времени в западном обществе начинают складываться направления и форма гендерно-чувствительной социальной политики. Американские и европейские сторонники новой гендерно-чувствительной стратегии доказывали, что «дифференцированное обращение» является справедливой компенсацией за слишком резкие различия и, в конечном итоге, минимизирует социальные последствия этих различий. Поэтому помимо «позитивных» мер «государство всеобщего благоденствия» должно разделить с женщиной ответственность и бремя обязанностей по рождению и воспитанию детей [3, с. 165]. В рамках гендерно-ориентированной политики обеспечение специальных прав женщин концентрировалось вокруг проблемы предоставления отпуска по беременности и рождению ребенка, государственной поддержки системы детских учреждений, защиты от порнографии и насилия на улицах и в семье, от сексуальных домогательств на рабочем месте [3, с. 166].

Рассматривая вопросы становления гендерно-чувствительной социальной политики в Российской Федерации, хотелось бы обратить особое внимание на тот факт, что большая часть такой идеологии была заложена еще во времена Советского Союза. Следует признать, что советская модель социальной политики была чрезвычайно эффективной при жесточайшей нехватке ресурсов, то есть во время индустриализации, Гражданской и Отечественной войн, в послевоенный период. Так что к 60-м гг. XX в. в СССР была создана одна из самых лучших на тот момент систем социального обеспечения в отношении равенства доступа, объема и качества услуг [1]. Таким образом, вопрос о гендерном равенстве понимаемом как комплексная социальная политика и практика, основанные на законодательно закрепленных правах женщин и мужчин, на равном распределении экономических, политических и соци-

альных ресурсов общества между мужчинами и женщинами, гражданами одного государства; направленные на преодоление структурного неравенства в положении отдельных социальных групп женщин и мужчин, нуждающихся в дополнительных гарантиях для защиты своих прав и интересов, в истории российской политики никогда не ставился [1].

К 60-м гг. в СССР была создана не просто одна из самых лучших систем социального обеспечения в мире, но практически одна из самых первых эмансипаторских и дефамелизационных систем социального обеспечения. Речь идет о широком спектре социальных гарантий и льгот, существовавших в СССР, как всеобщих (их сегодня называют гендерно-нейтральные нормы социальной политики), так и специфически женских (гендерно-чувствительные нормы и практики социальной политики). Сюда можно отнести: гарантированный доступ к всеобщему среднему образованию, бесплатное высшее образование и трудоустройство, помощь в получении квартиры, профессионального образования и роста, существование сети государственных дошкольных и школьных учреждений, системы внешкольного образования и развития школьников, не говоря уже о гарантированных и оплачиваемых больничных, отпусках по беременности, родам.

Таким образом, осознание социальными группами женщин и мужчин своей коллективной идентичности является важнейшим шагом в достижении гендерного равенства и осуществлении гендерно-ориентированной социальной политики в Российской Федерации и странах западной политической формации.

Библиографический список

1. Рабжаева М. В. Гендерные аспекты социальной политики: стратегии и уровни реализации [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/rabzhaeva.htm> (дата обращения: 19.11.2016 г.).
2. Попов Е. А. Проекция социального: человек и социальная опасность // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2015. — С. 224–228.
3. Попкова Л. Н. Политика равных прав и равных возможностей (на примере США) // Теория и методология гендерных исследований : курс лекций / под общ. ред. О. А. Ворониной. — М., 2001. — 416 с.

С. А. Воронина (Барнаул)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД КАК ВОЗМОЖНЫЙ ВАРИАНТ ПРЕОДОЛЕНИЯ ОДНОСТОРОННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА

Обращение к проблеме гендерного неравенства в современной России и его региональных проявлений обусловлено происходящими в стране экономическими, политическими, социальными и культурными процессами. Гендерный феномен значим как для жизни отдельного индивида, так и для организации всего общества. Включаясь в социальные институты, гендер приобретает особое значение и представляет собой одну из множества форм социального неравенства, так как гендерное неравенство — характеристика социального устройства, согласно которой различные социальные группы (в данном случае мужчины и женщины) обладают устойчивыми различиями и вытекающими из них неравными возможностями в обществе. Существующая многоаспектность в методологии гендерных концепций, характерная для российского научного общества, служит почвой для заблуждения не только самих ученых, но и широких общественных масс. На наш взгляд, построение стройных теорий невозможно, если не понимать значение элементарных терминов, позволяя себе отождествлять порой совершенно разные вещи. Постановка знака равенства между квир-теорией и ЛГБТК-исследованиями (исследования, связанные с нетрадиционной сексуальной ориентацией и гендерной идентичностью) может привести к торможению развития обоих направлений, а фактическая смысловая замена понятия «феминизм» на понятие «мизандрия» (ненависть по отношению к мужчинам) формирует неверное представление о целом пласте знания и действий.

К сожалению, в современном российском обществе продолжают сохраняться гендерные стереотипы и патриархальные установки, которые, в свою очередь, препятствуют развитию отечественных гендерных теорий и проведению адекватных гендерных исследований. Особенную актуальность данная проблема приобретает в регионах, не относящихся к крупным промышленным центрам. В силу этого назрела настоятельная необходимость пересмотра традиционной методологии анализа социальной природы и сущности гендерного неравенства как общественного явления и привлечения внимания к данной проблеме. При изучении гендерного неравенства и его ре-

гиональных особенностей необходимо использовать междисциплинарный подход, сочетающий элементы социологического, психологического, биологического и философско-культурологического анализа. Междисциплинарный подход позволяет рассмотреть процессы гендерного неравенства в диалектическом и комплексном их развитии. Согласно данному подходу все причины гендерного неравенства можно расположить на пяти уровнях.

Первый уровень — социальный. К причинам, порождающим гендерные проблемы, относится, в первую очередь, установленная (даже на законодательном уровне) маскулинность современного общества. Во-вторых, биофизические причины. К этим причинам мы относим те, которые связаны с традиционными представлениями (расового, этнического, морфологического планов) в обществе о женщине как об особенной психофизиологической материи, как о существе, более слабом по сравнению с мужчинами. Третья причина индивидуально-психологического плана. Здесь речь идет о таких особенностях общественной психологии и личного опыта, которые обуславливают представления о женщине как о неполноценном члене общества, что приводит к отсутствию предложений на женском рынке труда нормальной работы и полноценной оплаты труда [1, с. 246]

Второй уровень — экономический. Кризисная трансформация социальной структуры российского общества, а именно: рост доли населения, относимого к категории «бедные»; рост безработицы и количества фиктивно занятых; формирование «социального дна» из числа нищих, усилившиеся миграционные потоки; весомая доля неустроенных лиц — привела к эмоциональному дисбалансу населения страны. «В России сегодня асоциальных групп больше допустимого, и количество их растет ежедневно. Россия люмпенизируется масштабно и стремительно» [2]. Это увеличивает вероятность усиления гендерных проблем. К особой группе относятся и этнические переселенцы, например, появление в Алтайском крае мигрантов из разных районов Средней Азии и Кавказа и внедрение их в сферу рыночной торговли породило новые формы гендерного неравенства: нередко случаи, когда исторически закрепленные за женщинами рабочие места все чаще начинают занимать мужчины.

Третий уровень — духовный. На данном уровне проявляются последствия экономических, политических, социальных трансформаций общества, которые приводят к отчуждению от него. Одним из важнейших факторов, влияющих на рост гендерного неравенства в современной России и в Алтайском крае, мы считаем «ценностный вакуум». Нынешний индивид «выброшен» в новые условия

и, как следствие этого, адаптируется к ним скорее иррационально, нежели в результате рационально принятых решений.

Четвертый уровень — микросоциальный. На данном уровне концентрируются причины, связанные с непосредственным социальным окружением: в семье, учебном заведении, в молодежной субкультуре, то есть там, где создаются девиантные, патологические, предрасполагающие к гендерному неравенству модели поведения. Переходя на микросоциальный уровень, гендер становится ограничителем индивидуальной и социальной субъектности. Это приводит к неспособности личности в полной мере реализовать свой потенциал в различных сферах жизни.

И последний, пятый — макросоциальный уровень. В социальном аспекте он для возрастания гендерного неравенства является основным и решающим. Так как патологические деформации на микросоциальном уровне связаны с социальным кризисом и другими негативными социальными явлениями в рамках общества, следствием данных процессов является аномия и девиантное поведение его членов. Сохранение закрытых для женщин сфер труда и разница в его оплате, разница в уровне жизни, множество случаев домашнего насилия и изнасилований, давление патриархальных устоев — с этим современным российским женщинам приходится сталкиваться изо дня в день.

Различия в характере причин и условий, способствующих гендерному неравенству, порождают разнообразие средств, которые могут быть использованы для нейтрализации или устранения данного явления. Эффективным оружием в противостоянии усилению процессов гендерного неравенства являются правовые и, в частности, авторитарные средства, которые способны не только противостоять процессу, но и в значительной мере нейтрализовать отдельные причины данного явления и многие условия, способствующие его проявлению.

Оценивая современное состояние проблемы, мы делаем следующие выводы: в российском обществе существует противоречие между наличием проявлений гендерного неравенства и отсутствием или слабым представлением о нем граждан России. На наш взгляд, современная российская женщина, так или иначе, имеет дело с внутренним противоречием между желанием иметь семью и строить карьеру. Возможно, не сталкиваясь с необходимостью уметь самостоятельно себя обеспечивать, большая часть женщин России сконцентрировала бы свое внимание на создании и сохранении домашнего очага. Однако не стоит забывать и о существующей потребности в самореализации и самоактуализации не только внутри семьи, но и в рамках социума.

Возможной стратегией исследования области гендерных отношений может быть отказ от попыток полного копирования западной методологии изучения проблемы, создание доступного для российского научного сообщества, но не противоречащего мировому методологическому аппарату; ориентация на максимально объективную оценку проблем. Междисциплинарный подход представляет собой один из возможных вариантов преодоления односторонности авторитарных взглядов исследования гендерного неравенства [3]. Использование его методологических установок делает возможным более качественный анализ актуального состояния уровня гендерного неравенства как в регионе, так и в России в целом и на этом основании формулирование адекватного ответа на вопрос о том, как решать глобальную проблему гендерного неравенства.

Библиографический список

1. Рывкина Р. В. Драма перемен. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2001. — 472 с.
2. Можина М. А., Овчарова Л. Н. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. — М. ; Вашингтон, 2008. — 282 с.
3. Попов Е. А. Специфика междисциплинарности в социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2015. — С. 15–18.

Н. П. Гончарова (Барнаул)

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ²

Предметом настоящего обзора является анализ результатов научных исследований проблем, связанных с изучением демографического поведения населения, а также с возможностями теории нечетких временных рядов в его прогнозировании и моделировании. В обзоре кратко рассматриваются результаты исследований различных аспектов демографического поведения населения: брачно-семейного, репродуктивного, самосохранительного, миграционного.

² Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16–06–00350 «Прогностический потенциал теории нечетких временных рядов в построении модели демографического поведения населения».

Вторичный анализ данных проводился на основе результатов социально-демографических, социологических, социально-географических, демографических исследований, реализованных ведущими российскими научно-исследовательскими центрами (Центр независимых социологических исследований, Центр молодежных исследований НИУ ВШЭ, НИЦ «Регион»), центрами изучения общественного мнения (ВЦИОМ, Фонд «Общественное мнение»), исследовательскими институтами в период с 2000 по 2016 гг. Обратимся к краткой характеристике современных эмпирических исследований в русле заявленной проблематики.

Исследования брачно-семейного поведения. Исследования брачно-семейного поведения проводятся на базе Центра независимых социологических исследований, Центра молодежных исследований Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ, НИЦ «Регион», Самарского центра гендерных исследований, Института социально-экономических проблем народонаселения РАН и др.

В 2010–2011 гг. под руководством Е. Омельченко был реализован проект *«Молодые семьи в столице и провинции в условиях экономического спада»*. Результаты исследования показали, что традиционный брак не исчезает и не подвергается коренной трансформации, оставаясь привлекательной формой совместного сосуществования, но приобретает новые смыслы в контексте рефлексивного биографического проекта молодых людей [1]. В 2004–2007 гг. под руководством Е. Здравомысловой и А. Роткирх был реализован международный совместный проект с Гендерной программой факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге и Университетом Хельсинки *«Новый быт»: формы семейной организации и изменение домашнего пространства»*. Результаты исследования продемонстрировали, что постсоциалистический быт создается на фоне социального расслоения, иерархизации заботы и коммерциализации повседневности. Изменяются частное пространство и потребительские практики, формируются новые идентичности и стратегии репродуктивного и сексуального поведения мужчин и женщин [2].

Исследования репродуктивного поведения. Исследования репродуктивного поведения проводятся на базе ВЦИОМ, Центра независимых социологических исследований, Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, Европейского университета в Санкт-Петербурге и др.

На протяжении последних ста лет в России произошли огромные изменения в уровне рождаемости, отражающие переход от тра-

диционного к новому, современному типу репродуктивного поведения значительной части населения. Об этом, в частности, свидетельствуют и результаты исследований, проводимых ВЦИОМ «Демографические процессы современного российского общества (трансформация института семьи, отношение россиян к проблеме детей-сирот, восприятие института усыновления)». В репродуктивных установках молодежных когорт практически сформировались устойчивые представления о желаемой модели семьи, где максимальное число детей не превышает двух [3].

В 2005–2006 гг. под руководством А. Темкиной и Н. Нартовой был реализован проект «Сексуальные и репродуктивные практики в России: свобода и ответственность (Санкт-Петербург, начало XXI века)» (2005–2006 гг.). Результаты исследования показали, что сексуальные и репродуктивные практики современных женщин репродуктивного возраста (19–45 лет) существенно отличаются от практик поколений их матерей и бабушек. Их жизненный опыт включает сознательный выбор сексуальных и брачных партнеров, планирование семьи, ответственные безопасные сексуальные практики, информированный выбор контрацептивов и контроль сексуального/репродуктивного здоровья [2].

В 2003–2007 гг. под руководством Э. Хемминки (STAKES) реализован международный междисциплинарный совместный проект с Национальным центром исследований здоровья и благосостояния (STAKES, Хельсинки), Университетом Хельсинки и Медицинской академией последипломного образования «Факторы репродуктивного здоровья в сравнительной перспективе». Целью исследования стало сравнение изменения различных показателей репродуктивного здоровья мужчин и женщин в трех странах (России, Эстонии, Финляндии) [2].

Исследования самосохранительного поведения. Исследования самосохранительного поведения проводятся на базе Центра независимых социологических исследований, Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, Института социологии РАН, Центра развития некоммерческих организаций и др.

В 2004–2007 гг. под руководством П. Аарва (Университет Тампере) реализован совместный проект со Школой общественного здоровья Университета Тампере «Ценности здоровья и изменяющееся общество России». В рамках проекта анализировались социальные и культурные факторы, влияющие на здоровье российских граждан, проводился анализ дискурса о здоровье в политических документах, в средствах массовой информации, а также общественных установок

на здоровье [2]. Многочисленные исследования самосохранительно-го поведения в период с 2000 по 2011 гг. были связаны с изучением проблем наркопотребления и инфицирования ВИЧ.

Результаты исследований *Сектора социальных проблем здоровья Института социологии РАН* показывают, что в настоящее время здоровье россиян ухудшается, и при этом недостаточно изучается влияние на поведение людей таких факторов, как: формирование потребности в заботе о здоровье в системе образования, в семье, роль экологического сознания для поведения в сфере здоровья. Новым для изучения аспектом является здоровье мигрантов. Россия переживает первоначальный этап адаптации к феномену миграции, и здоровье мигрантов важно, прежде всего, как источник негативного воздействия на здоровье местного населения (показатели заболеваемости туберкулезом среди трудовых мигрантов в четыре раза больше, чем среди российского населения) [4].

Исследования миграционного поведения. Исследования миграционного поведения проводятся на базе Центра миграционных исследований, Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, Института демографии НИУ ВШЭ, Центра независимых социологических исследований, Института социологии РАН и др.

Среди главных направлений исследований *Института демографии НИУ ВШЭ* — трудовая миграция, представляющая наиболее массовый миграционный поток не только в России, но и на всем постсоветском пространстве. В последние годы все больше внимания уделяется также исследованию внутренней трудовой миграции, пространственной мобильности населения, проблемам управления миграцией в России. Одним из основных направлений работ стал анализ и прогноз внутренних миграций, в том числе на региональном уровне [5].

Сектор изучения миграционных и интеграционных процессов ИС РАН занимается проведением исследований по следующим направлениям: анализ и мониторинг миграционных процессов и миграционной политики, исследования процессов адаптации и интеграции трудовых мигрантов, анализ этносоциальной стратификации мигрантов и их социальной мобильности, сетевых связей и адапционных возможностей мигрантских этнических меньшинств, проведение мониторинговых исследований в регионах России распространенности мигрантофобий, изучение взаимосвязей мигрантофобий и ксенофобии [6].

В *Центре миграционных исследований* проводятся исследования по таким направлениям, как: миграционная ситуация в странах СНГ и Балтии, урбанизация и миграция в период трансформации соци-

ально-экономических систем, трудовая и коммерческая миграция как средство адаптации к экономическому кризису, трудовая миграция и ее влияние на образ жизни городского населения в странах СНГ, миграция и рынок труда, свободная трудовая миграция как фактор социальной безопасности и стабильности в СНГ, трансформация постсоветского пространства: отражение в миграциях, новая миграционная политика России и права мигрантов, управление миграцией в условиях демографического кризиса. На основе результатов исследований разработаны принципы, критерии и методы управления миграцией в России в условиях демографического кризиса с учетом международного опыта, взаимосвязей между внешней и внутренней миграцией, обеспечения прав участников миграционного процесса [7].

В заключение важно отметить, что в статье представлена лишь незначительная часть исследований по рассматриваемой проблематике. Вместе с тем обзор научных исследований показал, что проблемы, связанные с изучением демографического поведения населения в целом и его отдельных компонентов, всесторонне изучаются в социально-демографических, социологических, социально-географических, демографических исследованиях с применением как количественных, так и качественных методов научного познания. При анализе полученных результатов количественных исследований часто используются методы математико-статистического анализа данных: дескриптивный статистический анализ, многомерный анализ данных (факторный, кластерный анализ, многомерное шкалирование, множественная регрессия), регрессионно-корреляционный анализ, моделирование и др.

Однако, несмотря на многообразие научных работ в этой сфере, данная проблема остается практически неизученной в естественно-научном знании. Практически отсутствуют работы по использованию естественно-научных методов в изучении демографического поведения населения, в частности не встречается исследований, направленных на выявление прогностических возможностей теории нечетких временных рядов в построении модели демографического поведения населения. Настоящее исследование призвано закрыть пробел в этой области.

Библиографический список

1. Научно-исследовательский центр «Регион» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.regioncentre.ru/>
2. Центр независимых социологических исследований [Электронный ресурс]. — URL: http://old.cisr.ru/projects_urban.html

3. Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. — URL: http://wciom.ru/research/research/socialno_ekonomicheskie_issledovaniya/

4. Сектор социальных проблем здоровья Института социологии РАН [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.isras.ru/sspz.html>

5. Институт демографии НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. — URL: https://www.hse.ru/demo/research_projects

6. Сектор изучения миграционных и интеграционных процессов Института социологии РАН [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.isras.ru/cikipe.html>

7. Центр миграционных исследований [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.migrocenter.ru/projects>.

О. Т. Коростелева (Барнаул)

МЕСТО И РОЛЬ СОЦИОЛОГИИ В СИСТЕМЕ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Значимость вопроса о месте и роли социологии в системе социогуманитарного знания для теории и методологии современной науки определяется, как минимум, следующими обстоятельствами. Во-первых, социология призвана изучать все общество как целостную систему, и в этой связи она, с одной стороны, сама базируется на конкретно-научных знаниях о различных сферах и подсистемах социальной реальности, а с другой — помогает интегрироваться отдельным наукам о человеке и обществе, каждая из которых нуждается в понимании связи изучаемых ею процессов и проблем с более широким социальным контекстом. Еще Г. Зиммель, отводя социологии особое место в ряду социогуманитарных дисциплин, подчеркивал ее зависимость от получаемых различными науками данных. Социология, по мнению Г. Зиммеля, «является наукой эклектичной, поскольку продукты других наук составляют ее материал. Она пользуется данными исторических исследований, антропологии, статистики, психологии как полуфабрикатами, она не обращается непосредственно к сырому материалу, который перерабатывают другие науки, но, будучи наукой, так сказать, второй степени, она творит новый синтез из того, что уже является синтезом для первых» [1, с. 302]. При желании можно без труда существенно расширить список дисциплин, «оставляющих» материал для «нового синтеза» в рамках социологиче-

ской науки: это и экономика, и политология, и культурология, и этнография, и демография, и религиоведение, и многие другие сферы научного знания. Во-вторых, несмотря на то, что термин «социология» при прямом переводе означает науку об обществе, возникновение ее в 30–40-е гг. XIX в. связано с зарождением в Европе основ гражданского общества и формированием механизмов взаимного опосредования и взаимной зависимости общества и живущего в этом обществе человека. В этой связи центральная проблема теоретической социологии — проблема соотношения личности и общества. Будучи фактически в **равной степени** наукой о человеческом обществе и о социальном человеке, социология может сыграть важнейшую интегративную роль в системе социогуманитарного знания, способствовать обретению более глубинного и сущностного единства тех составляющих этой системы, которые традиционно имеют теоретико-методологический статус и самоидентификацию как «наука об обществе» либо «наука о человеке».

О сложностях обретения подлинного взаимопроникновения наук о человеке и обществе рассуждает, в частности, Е. А. Попов: «В каком-либо ракурсе исследования в равной степени можно и сближать общество и человека, и расставлять их по разные стороны баррикад. В этом скорее проявляется комплексный характер исследований — найти грани такого соприкосновения в новом ключе или, напротив, засвидетельствовать разрыв отношений или их кризис. Единство социальных и гуманитарных наук не может быть адекватным без третьего обязательного элемента; помимо общества и человека, это культура» [2, с. 17]. Последний вывод представляется нам очень важным и вполне обоснованным. Действительно, культуру можно рассматривать как субстанцию, соединяющую человека и общество: именно приобщение к культурным ценностям, значениям и смыслам делает человека социальным существом, а общество — сферой подлинно человеческого бытия. Что же касается объединяющей роли социологии в данном контексте, то она может быть полноценно реализована лишь в том случае, если изучение культуры войдет в «ядро» социологической проблематики и будет пронизывать анализ любого социального феномена и процесса.

В-третьих, именно социология на протяжении всего времени своего существования наиболее четко формулировала и предлагала различные (в том числе альтернативные) варианты решения методологической дилеммы «наук о природе» и «наук о культуре». История социологии демонстрирует, с одной стороны, ярко выраженные позитивистские формы приобщения к натуралистической методологии,

с другой стороны — их весьма эмоциональную и обоснованную критику, направленную на формирование собственно гуманитарных методологических установок. Будучи же органично включена в систему социогуманитарного знания, социология актуализирует приобщение к процессу методологической рефлексии и повышение общего уровня методологической культуры данной системы в целом, выступая своеобразным методологическим камертоном наук о человеке и обществе.

Подчеркнем, что два затронутых нами вопроса (соотношения социальных и гуманитарных наук, с одной стороны, и естественнонаучного и гуманитарного знания — с другой) связаны между собой и «пересекаются» весьма интересным образом. Так, во «Всемирном докладе по социальным наукам» говорится: «В системе наших знаний социальные науки находятся где-то между естествознанием и философией, а также другими гуманитарными дисциплинами... Наличие одновременно критической и практической направленности социальных наук придает им особое положение между естественными и гуманитарными отраслями знаний. Социологов считают как интеллектуалами, так и глубокими экспертами, склонными как к отвлеченным умозаключениям, так и к практическим мероприятиям» [3, с. 12–14].

В-четвертых, именно социология располагает в качестве основных методов научного исследования профессионально выверенными способами изучения общественного мнения, без учета которого не могут быть сегодня рационально организованы и успешно осуществлены преобразования ни в одной из сфер жизни общества. Отметим, что этот (по сути дела, эмпирический) вклад социологии в системы социального знания и социальной практики признается уважительно и определенно представителями самых разных социогуманитарных дисциплин. Так, например, многие современные ученые указывают на важнейшую роль массовых социологических опросов для развития экономики и политологии, а свидетельством все более тесного единения этих наук с социологией, укрепления так называемой «междисциплинарной солидарности» считают формирование таких областей знания как социоэкономика и политическая социология [4; 5, с. 187].

Не секрет, что социология многими воспринимается как преимущественно эмпирическая наука, как дисциплина, сила которой связана с использованием «строгих» и объективных методов исследования. Однако сами социологи видят в этом не только силу, но и определенную слабость своей науки, постоянно испытывая потребность в четкой и «правильной» интерпретации получаемых эмпирических

данных, а также понимая исключительную сложность такой интерпретации. Приведем мнение Р. Дарендорфа по этому поводу: «В конце концов, мы непрестанно следуем за Сократом в его, впрочем, безобидной прогулке «по ту сторону стены, рядом с ней и вдоль нее» и так и не узнаем, что же, собственно, само по себе происходит за стеной, вдоль которой мы идем, чтобы разведать ее размеры. Это нам сходит с рук, когда мы «среди своих», но становится мучительным, как только нас спрашивают, что мы, собственно, обнаружили, а нам приходится признаться, что фактически мы знаем наш предмет лишь «снаружи» и никогда не перелезаем через стену методологии» [6, с. 37].

В этой связи возникают две тесно связанные между собой тенденции: во-первых, яростное стремление социологов все-таки сформулировать собственные объяснительные модели, представленные в огромном множестве существующих сегодня парадигм; во-вторых, признание того, что эти объяснительные модели, как правило, опираются на теоретические конструкции, «заимствованные» из других областей социогуманитарного знания. Например, Дж. К. Хоманс описывает данную методологическую ситуацию следующим образом: «Несмотря на некоторые эмпирические достижения, функциональной школе не удалось создать объясняющей теории, поскольку из основных посылок, касающихся условий социального равновесия, нельзя вывести никаких определенных заключений. Когда самими функционалистами предпринимаются серьезные попытки по созданию такой теории, то оказывается, что их основоположения превращаются в психологические: это положения о поведении людей, а не о равновесии обществ» [7, с. 46].

Таким образом, кратко рассмотрев основные пути и механизмы включения современной социологии в систему социогуманитарного знания, можно сделать вывод, что это включение способствует не столько однозначному и окончательному решению сложнейших теоретико-методологических проблем изучения человека и общества, сколько расширению и углублению поля теоретико-методологической рефлексии совокупного социогуманитарного знания, поиску и возникновению новых возможностей междисциплинарной интеграции.

Библиографический список

1. Зиммель Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования // Зиммель Г. Избранное. — Т. 2. Созерцание жизни. — М., 1996. — С. 301–465.
2. Попов Е. А. Специфика междисциплинарности в социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество.

Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2015. — С. 15–18.

3. Касанжигил А., Мэкинсон Д. Введение // Всемирный доклад по социальным наукам. — М., 2002. — С. 11–14.

4. Заславская Т. И. Социэкономика как актуальное основание междисциплинарной интеграции (О книге М. А. Шабановой «Социэкономика») // Вопросы экономики. — 2013. — № 5.

5. Красин Ю. А. Социология и политология: общая судьба, общие заботы // Политические исследования. — 2008. — № 5.

6. Дарендорф Р. Тропы из утопии. — М., 2002.

7. Хоманс Дж. К. Возвращение к человеку // Американская социологическая мысль. — М., 1994. — С. 46–61.

В. В. Нагайцев (Барнаул)

КОНФЛИКТСПОСОБНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ

В современном обществе различные социальные субъекты все интенсивнее взаимодействуют друг с другом практически во всех его сферах (партнеры по бизнесу, конкуренты, потребители и поставщики товаров и услуг, коллеги, друзья, родственники, соседи и т. д.). Конфликты являются одним из неотъемлемых элементов этих социальных взаимодействий. Современными исследователями социальный конфликт понимается как вполне закономерное и неизбежное явление в любых социальных системах, источник их развития и нормального функционирования [1, с. 395–399]. Конфликты позволяют решить возникающие проблемы, упрочить взаимопонимание и сотрудничество социальных субъектов; повысить сплоченность в коллективе; уменьшить напряженность в отношениях. Однако, как показывает практика, в некоторых случаях социальные конфликты являются причиной того, что оппоненты концентрируют все свое внимание друг на друге и начинают очень активно и деструктивно взаимодействовать, процесс коммуникации между ними затрудняется и приобретает форму войны и возникает угроза даже самому существованию данных социальных субъектов. В связи с этим особенно актуальным на сегодняшний день является изучение социальных факторов, обуславливающих возникновение, динамику развития, результаты и последствия конфликтного противодействия различных социальных субъектов. Одним из важнейших элементов в структуре кон-

фликта, по нашему мнению, является конфликтоспособность социального субъекта — участника конфликтного взаимодействия. Конфликтоспособность социального субъекта — это умение конструктивно решать возникающие в его жизни конфликты самостоятельно, не прибегая при этом к помощи третьих лиц. Решение конфликта означает устранение конфликта на уровне его причин.

Сам термин «конфликтоспособность» ввел в научный оборот австрийский менеджер и конфликтолог Фридрих Глазл в своей работе «Самопомощь в конфликтах» (2000 г.), где конфликтоспособность понимается им в качестве «способности человека эффективно работать с расхождениями, трениями и напряженностью в отношениях с другими людьми» [2, с. 10]. Изучением проблемы конфликтоспособности социальных субъектов в отечественной науке занимались такие ученые, как А. Я. Анцупов, Б. С. Волков, Н. В. Гришина, С. М. Емельянов, Г. И. Козырев, Н. И. Леонов, Ю. Е. Растов, Б. И. Хасан, А. И. Шипилов и др. Так, известные российские конфликтологи А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов под конфликтоспособностью субъекта понимают его «способность оптимально организовать свое поведение в сложных ситуациях конфликтного взаимодействия и умение решать проблемы, возникающие в отношениях с другими людьми» [3, с. 201].

Конфликтоспособность рассматривается нами как особое качество личности, влияющее на становление и протекание социальных взаимоотношений с другими субъектами. Высокий уровень конфликтоспособности человека является необходимым условием выстраивания и сохранения доброжелательных и эффективных взаимоотношений в любом социуме. Наличие данного компонента свидетельствует об умении человека управлять своим эмоциональным состоянием, контролировать агрессию, эффективно общаться с оппонентами. В случае затяжного конфликта или проигрыша в нем — не переходить к агрессивным формам поведения. Волевой компонент конфликтоспособности предполагает способность личности к сознательной мобилизации интеллектуальных и эмоциональных ресурсов в соответствии с определенной ситуацией в процессе конфликтного взаимодействия, к саморегуляции как своего психологического состояния, так и поведения. Волевой компонент позволяет управлять эмоциональным возбуждением в конфликте, а также обеспечивает толерантность, терпимость к мнению своего оппонента, самообладание и самоконтроль. Познавательный компонент представляет собой устойчивое функционирование познавательных процессов личности, невосприимчивость к провокационным действиям оппонента в конфликте. Данный компонент подразумевает наличие знаний о причинах воз-

никновения, динамике развития и конструктивных способах разрешения конфликтов и умений по его прогнозированию, профилактике, предупреждению, анализу, регулированию и разрешению. В познавательном компоненте можно выделить следующие способности: умение определять начало конфликтной ситуации, анализировать причины возникновения конфликта; умение минимизировать негативные последствия конфликта; умение давать объективную оценку конфликту, прогнозировать его дальнейшее развитие и последствия; умение выдвигать, обосновывать и принимать решения, адекватные ситуации и направленные на развитие конфликта в сторону его разрешения. Мотивационный компонент понимается как состояние внутренних побудительных сил, способствующих оптимальному поведению человека в процессе конфликтного взаимодействия. Он обеспечивает адекватность побуждений в конкретной складывающейся ситуации, их направленность на поиск путей разрешения противоречия, обуславливающего возникновение конфликта, направленность на решение проблемы, возможность корректировки интересов и позиций, которые отстаиваются в конфликтной ситуации.

Конфликтоспособность формируется в течение всей жизни человека и зависит от ряда факторов: индивидуальных психологических особенностей; системы воспитания; образования; профессиональной подготовки и опыта; умений и навыков поведения, характера профессиональной деятельности и т. п. В структуре конфликтоспособности, таким образом, можно выделить эмоциональный, волевой, когнитивный и мотивационный компоненты.

Конфликтоспособность социального субъекта означает, что:

- он способен воспринимать возникающие конфликты как нормальные явления в своей жизни;
- он знает пути и может применять средства, которые способствуют прояснению точек зрения оппонентов в конфликте;
- он может применять различные методы для выражения своих позиций, защиты своих интересов, не ухудшая ситуацию по существу;
- он понимает, какие механизмы способствуют разрешению конфликта и разрядке напряженности;
- он хорошо знает, где проходят границы его конфликтологических знаний и умений, и в какой ситуации, следовательно, он должен обратиться за помощью в решении возникшего конфликта к третьей стороне.

Конфликтоспособные люди, с одной стороны, не позволят легко втянуть себя в конфликт, а с другой — владеют методами, при помо-

щи которых могут найти выход из конкретной конфликтной ситуации. Конфликтоспособные люди способствуют тому, чтобы коллективы, организации, сообщества людей, в которых они состоят, стали более конфликтостойчивыми.

Социальный субъект, обладающий высоким уровнем конфликтоспособности, совершает конфликтологически грамотные действия в конфликтных ситуациях, выстраивает конструктивное взаимодействие с оппонентом, не допускает втягивания себя в еще большую эскалацию конфликта, сосредотачивает все свои усилия на его завершении. Люди, обладающие низким уровнем конфликтоспособности, достаточно легко идут на конфликт даже по несущественным поводам и не проявляют толерантности к мнению и действиям оппонента. Низкий уровень конфликтоспособности личности выражается в разнонаправленных тенденциях — в страхе перед конфликтом и уходе от него, в нападении, агрессии, тяге к столкновениям. При этом при боязни конфликта эмоции у человека блокируются, а при стремлении к конфликту — выражаются в большой мере. Таким образом, уровень конфликтоспособности человека зависит от его личностных особенностей и может изменяться под воздействием различных факторов. Высокий уровень конфликтостойчивости сотрудника организации необходим в силу постоянных контактов со многими людьми с целью построения и сохранения с ними эффективного взаимодействия.

Многие современные исследователи подчеркивают важность формирования конфликтоспособности личности, повышения ее уровня в целях предупреждения возникновения и нежелательного характера развития социальных конфликтов, а также их разрешения с минимальными затратами ресурсов [4; 5; 6].

Библиографический список

1. Пустовалова Е. В. Междисциплинарный характер конфликтологического знания // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 3 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2011. — С. 395–399.

2. Глазл Ф. Самопомощь в конфликтах. Концепции — упражнения — практические методы / пер. с нем. — Калуга, 2000. — 192 с.

3. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология : учеб. пособие. — СПб., 2008. — 496 с.

4. Попов Е. А. Культуроцентричность как фактор преодоления «матричности» современного права // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 6 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2014. — С. 136.

5. Ланских М. В., Пономарев А. С. Формирование конфликтоустойчивости сотрудников организации // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. — 2016. — № 7 (228). — Вып. 29. — С. 167–173.

6. Хасан Б. И. Конструктивная психология конфликта. — СПб., 2003. — 250 с.

Д. А. Неваева (Барнаул)

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ³

Структура общества в XXI в. существенно изменилась. Увеличивающееся количество лиц пожилого возраста и снижение показателей рождаемости обращает все большее внимание ученых и практиков на роль и значимость пожилых людей во всех сферах общества. Создание «общества для всех возрастов» — это одна из основных задач современной политики и идеологии. Как отмечает А. Левинсон, «роль пенсионеров в нашем обществе велика, и ей предстоит лишь увеличиваться. Немаловажно, что в грядущее десятилетие это единственная массовая категория населения, которая будет расти» [1]. В связи с этим конструирование эффективных механизмов использования потенциала пожилых, создание позитивного образа старости будет способствовать формированию благоприятного «социального климата» в государстве, оптимальных условий для реализации социальных инициатив. В программах развитых стран делается значительный акцент на пожилom населении. Предполагается, что в новом столетии данная категория людей может не только удовлетворять собственные потребности и интересы семьи, но и расширять сферу деятельности, став активным гражданином. В свою очередь, это имеет ряд позитивных эффектов: устранение чувства их отчужденности, одиночества. Акцент делается на том, что активная позиция пожилого человека зависит как от субъективных факторов, так и от объективных. В России до сих пор существует «стереотип старости, когда старость рассматривается как беспомощность и, соответ-

³ Опубликовано при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет». Код проекта: 1475 «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

ственно, бесполезность» [2, с. 60]. Снижение статуса пожилого человека влечет за собой ряд негативных последствий: слабая адаптация к новым условиям жизни, невостребованность на рынке труда и т. п.

Это, в свою очередь, сказывается на снижении всех видов социальной активности. При этом по геронтологическим данным здоровье пожилых людей улучшается, а возрастные изменения — не препятствия для включения старшего поколения в процессы труда, образования и т. п.

По данным исследований, проведенных факультетом социологии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», у жителей Алтайского края чувство гражданской принадлежности сформировано в достаточной степени [3], а «эмоциональный компонент во многом связан с положительными переживаниями и гордостью за страну и государственную символику». Пожилые люди ощущают себя гражданами России, гордятся, когда слышат гимн России или видят, как поднимается флаг страны. Кроме того, чувство гордости они испытывают за Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., за достижения российской науки и техники. Быть гражданином для пожилого человека — это, прежде всего, чувствовать ответственность за будущее страны и вносить личный вклад. При этом государственная политика в России направлена большей частью на динамичную категорию молодого населения. С учетом массового «постарения» населения необходимо обратить внимание и на пожилых людей. И здесь вопрос стоит не только о материальной обеспеченности пожилых граждан, но и о создании условий для проявления их инициативности и осознания значимости их усилий. Совокупность трудовой, семейно-бытовой, образовательной и общественно-политической деятельности будет способствовать наиболее успешной интеграции пожилых людей в новый статус [2, с. 61]. А. Левинсон утверждает, что пенсионеры — это «наиболее активная в электоральном отношении группа» [1]. По данным исследований, «норма участия в выборах сильнее всего поддерживается пожилыми людьми» [4]. При этом «70% пожилых женщин склонны участвовать в голосовании» [4]. Авторы разделяют пожилых людей на предсказуемых (лояльных) и протестную категорию, а также на тех, кто делает свой выбор осознанно и интуитивно. С одной стороны, пожилая группа легко может быть подвергнута манипуляциям, с другой стороны, имея жизненный опыт, пожилые люди не боятся «высказываться против» существующей политики. В 2011 г. Левада-центр провел интервью, в котором 36% пожилого населения не поддержали В. В. Путина на посту премьера (среди молодых людей — 23%) [1]. При этом, по данным нашего исследова-

ния, более половины от числа опрошенных пожилого населения считает, что в России есть сегодня народное единство. Выражается оно в объединение населения в «трудные минуты», в старании «людей помочь друг другу». Пожилые люди не являются исключением. Понимание, что после выхода на пенсию ты способен контролировать самостоятельно свою жизнь, оставаться востребованным и активным участником общественных отношений, дает пожилому человеку положительный импульс. Главной задачей является то, чтобы переход этот прошел максимально безболезненно, а для этого нужно структурировать время и возможности пожилого населения.

Необходимо отметить, что, по результатам ранее проведенных исследований, в Алтайском крае для пожилых людей характерно проявление социальной эксклюзии [5]. Респонденты отмечают наличие неблагоприятных внешних обстоятельств в регионе, понимая под этим недостаточное количество практических мероприятий местного и регионального уровня, которые были бы направлены на улучшение качества и уровня жизни населения как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе. При этом отмечается, что социальной инклюзии будут способствовать устойчивые систематические меры и программы, обеспечивающие приемлемый образ жизни населения старших возрастных группы. В обратном случае социальные проблемы будут нарастать. С целью нивелирования влияния уже выявленных факторов необходимо всесторонне совершенствовать механизм реализации конкретных направлений государственной, региональной социальной политики по отношению к пожилым людям как к особой социально-демографической группе и учитывающей основные формы их жизнедеятельности. Гражданская идентичность у пожилых людей сформирована, но на данный момент недостаточно условий для ее реализации. Эксперты отмечают, что пожилые люди редко участвуют в политике, ведут активную социальную деятельность, хотя имеют необходимый для этого опыт. Они отмечают, что среди органов власти представителей пожилого возраста очень мало, при этом они являются образцами в плане пропаганды, агитации, идеологии. С одной стороны, эксперты считают, что заинтересованная позиция пожилого человека поможет ему найти социальную нишу для занятости и реализации. С другой стороны, эксперты отмечают, что причины низкого уровня социального участия не всегда кроются в немотивированности пенсионеров. Проблема заключается в том, что наше общество пока не готово принять пожилого человека как активного субъекта, имеющего возможность и желание делать свой вклад в развитие региона, страны. При этом современные демографические тен-

денции позволяют предполагать, что изменения в этом вопросе в ближайшее время должны начать происходить. Если они не будут инициированы людьми, осознавшими данную проблему, то будут точно инициированы внешними обстоятельствами.

Библиографический список

1. Левинсон А. Пенсионеры как социальная группа и политическая сила // Демоскоп weekly. — № 499–500. — 2012 [Электронный ресурс]. — URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0499/tema010.php>.
2. Щанина Е. В. Факторы социальной активности старшего поколения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2009. — № 2. — С. 57–67.
3. Парохонская Г. А. Электоральное поведение пожилых женщин // Женщины. История. Общество. — Тверь. — С. 176–185 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.a-z.ru/women/texts/parahr-e.htm>.
4. Горбунова А. А., Борисова О. В., Максимова С. Г. Гражданская и этническая идентичности в оценках населения Алтайского края. — 2015 [Электронный ресурс]. — URL: http://e-notabene.ru/pr/article_17005.html.
5. Неваева Д. А. Социальная эксклюзия лиц пожилого возраста (по результатам социологических исследований в Алтайском крае) : автореф. дис. ... канд. соц. наук. — 2015. — 24 с. [Электронный ресурс]. — URL: http://pnu.edu.ru/media/disser/referat_nevaeva.pdf

Р. Г. Петрова (Казань)

ПРИКЛАДНЫЕ МЕДИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩЕГО ВРАЧА

Организация образовательного процесса в сфере высшей школы претерпевает сегодня серьезные изменения. Это связано с требованием компетентностного подхода (компетенция — это результат освоения образовательной программы, описывающий способность выпускника выполнять определенный перечень профессиональных действий), что отражено в последних федеральных государственных образовательных стандартах, и требованиями заказчика специалистов, изложенными в профессиональных стандартах о формирова-

нии трудовых функций (трудовая функция — это набор взаимосвязанных действий, направленных на решение одной или нескольких задач в процессе труда) [1]. Считается, что специалист с высшим образованием должен знать теоретические подходы к профессии, уметь применять их на практике, владеть профессиональными навыками. Эти требования заставляют весь педагогический корпус переориентировать сложившиеся методики преподавания. Происходит изменение соотношения различных методов обучения в пользу активных. Распространение последних имеет важное значение в том смысле, что формирует культуру самостоятельной работы студентов. Это имеет если не решающее, то, бесспорно, чрезвычайно важное значение по целому ряду обстоятельств как общего, так и специфического характера. Во-первых, интенсивный ритм обновления знания и информации в современном мире конструируется в качестве необходимого условия успеха на всех поприщах. Во-вторых, знания, полученные лишь пассивным способом, заведомо носят усредненный характер и способствуют развитию догматизированной личности, зачастую лишённой собственного мнения и видения происходящего. Мировые стандарты преподавания ориентированы на преобладание самостоятельных форм работы, активизирующих мышление, логику, аналитические способности студентов. Именно в направлении изменения соотношения активных и пассивных методов обучения в пользу первых следует ориентироваться при организации учебного процесса по дисциплине. Организация учебного процесса студентов с использованием проектных методик, групповых прикладных социологических исследований позволяет оценить умения обучающихся самостоятельно конструировать свои знания в процессе решения практических задач и проблем, ориентироваться в информационном пространстве, а также уровень сформированности аналитических, исследовательских навыков, навыков практического и творческого мышления.

Темы прикладных исследований, выбранные студентами самостоятельно, без диктата педагога, демонстрируют, какие приоритеты их волнуют в профессии врача, какие проблемы в здравоохранении являются актуальными и злободневными. Рассмотрим некоторые из таких исследований.

Самосохранительное поведение медицинских работников. Труд медиков принадлежит к числу наиболее сложных и ответственных видов деятельности человека. Он характеризуется значительной интеллектуальной и физической нагрузками. По мнению В. И. Горбунова, в процессе профессиональной деятельности медицинских работников

акцент делается на полноценном выполнении практикующим врачом своих профессиональных и социальных функций в ущерб собственному здоровью. Проблеме негативного отношения медиков к своему здоровью посвящены работы О. Ю. Иноземцева [2]. Исследователи Г. Ю. Иконникова и Н. А. Шишова показали, что в случае плохого самочувствия только одна пятая часть опрошенных медиков старается сразу обратиться к врачу [3]. Безусловно, студентов интересует их будущая профессия и связанные с ней риски.

Объект исследования — медицинский персонал. Выборка: 30 врачей разных специальностей (терапевты, педиатры, реаниматологи, хирурги, анестезиологи) и медицинские сестры до 35 лет. Предмет исследования: отношение к своему здоровью. Вопрос: «На какой уровень здоровья влияет ваша профессиональная деятельность?» «На эмоциональный (нервозность)» — ответили 12 врачей и 4 представителя среднего медицинского персонала, «на физический (болезни)» — ответили 4 врача и 4 работника среднего медицинского звена, «на психический (депрессия)» — указали 6 врачей и 2 медсестры. «Большинство считает, что болезни врачей связаны с их профессиональной деятельностью. Справедливо ли данное утверждение?» 17 респондентов (9 врачей и 8 медсестер) согласились с этим утверждением. «Что вы предпочитаете больше, заниматься самолечением или обращаться к своим коллегам за медицинской помощью?» «Самолечением» предполагают заняться 3 врача и 4 медсестры, «обратятся к коллегам» 3 врача и 1 медсестра; и «50/50» — так ответили 8 врачей и 9 представителей среднего медицинского персонала. Между тем исследование специалистов демонстрирует, что медицинский персонал при относительно невысокой частоте заболеваний по случаям нетрудоспособности болеет дольше, чем другие категории рабочих и служащих, и средняя длительность случая нетрудоспособности у работников здравоохранения самая высокая [4].

Коммуникации врач-пациент, врач-родственник пациента. Рост онкологии в 2015 г. составил 8%, рак прочно вышел на второе место в Республике Татарстан в структуре смертности [5].

Социальная группа пациентов и их родственников является одной из самых сложных в коммуникативном плане. Они страдают повышенной тревожностью за здоровье свое или своих близких. Проблему взаимоотношений «врач — пациент» изучали Г. А. Лапис, Е. В. Ушаков, Г. Л. Хорхе, С. А. Ефименко [6]. Поэтому студенты выделили это направление исследования как актуальное и приоритетное в своей будущей работе. Объект — родственники тяжелобольных. Предмет — проблемы, с которыми сталкиваются родственники. Выбор-

ка: 35 родственников больных, 10 родителей больных детей, 5 родственников взрослых больных в Казанском хосписе и 15 родственников онкобольных в Республиканском клиническом онкодиспансере.

Вопрос: «Возникают ли у вас конфликты с лечащим врачом?» «Да» ответило большинство респондентов (77%), «нет» — 23%. «Испытываете ли вы трудности при уходе за вашим родственником?» «Да» ответили все 100% респондентов. «Кто обучал вас правилам ухода за тяжелобольным?» «Медсестра» — так ответили 67% респондентов, «врач» — 30%, «курсы онлайн» — 3% опрошенных. «Кому вы доверяете больше всего в вопросах ухода за больным родственником?» Доверяют «врачу» 37% респондентов, «медсестре» 30%, «родственникам других больных» — 17%, «друзьям» — 10%. «Как помогает вам лечащий врач?» «Консультирует по лечению» — так ответил каждый второй респондент, «психологически помогает» — считает 10%, «не помогает» — 3% респондентов. «Какую роль ваш лечащий врач выполняет больше всего?» Половина опрошенных считает, что роль «помощника», «консультанта» — 17%, «психолога» — 3%.

Организация здравоохранения. Как организовано предоставление медицинских услуг в различных медицинских организациях, с какими проблемами сталкиваются поликлиники и больницы в этой сфере? Студенты провели социологическое исследование в крупном, среднем и малом городах Республики Татарстан. Целью исследования стало изучение качества и доступности организации лечебно-физкультурного комплекса (ЛФК) для пациентов, находящихся в постреабилитационном периоде. Для студентов полезным оказалось узнать, что половина опрошенных пациентов не знают больницы, где бы внедрялась практика проведения ЛФК. Каждый второй не знает о современных методах ЛФК, и многим хотелось бы опробовать новейшие методики. Студенты выяснили, что пациентам не приходится выбирать место для прохождения ЛФК, более 66% идут по наличию свободных мест, что не всегда и не всем удобно в постреабилитационном состоянии. Это вынуждает многих заниматься дома самостоятельно. Студенты пришли к заключению, что в разных городах разные условия для организации этой медицинской услуги, не везде она доступна.

Использование в учебном процессе медико-социологического исследования формирует у студентов самые разные компетенции. Благодаря самостоятельному проведению социологического исследования методом опроса студенты вступают во взаимодействие с носителями мнений, самими врачами, пациентами, родственниками пациентов. Они приобретают навык общения, получают информацию от первоисточника, формируют коммуникативные компетенции. Работа в ма-

лой группе методом простой кооперации формирует управленческие компетенции, профессиональное ролевое поведение, сотрудничество. Работа в полевых условиях позволяет студентам увидеть реальные социальные процессы, происходящие в различных социальных группах. Работа над исследовательским проектом формирует важные компетенции аналитического мышления, умения делать отчет, проводить презентации перед профессиональным сообществом.

Библиографический список

1. Образовательный портал Казанского государственного медицинского университета [Электронный ресурс]. — URL: <http://kgmu.kcn.ru>
2. Иноземцев О. Врач — самый «трудный пациент»? [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.zoj.kz/populiarnie/psihologiya/1941-vrach-samyu-trudnyy-pacient.html>
3. Иконникова Г. Ю., Шишова Н. А. Отношение к собственному здоровью средних медицинских работников [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.sudexp.org/publ/11-1-0-1705>
4. Сафина О. Г. Состояние здоровья, психологические и деонтологические аспекты деятельности средних медицинских работников : дис. ... канд. мед. наук. — СПб., 2007. — 200 с. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.dslib.net/soc-medicina/sostojanie-zdorovja-psihologicheskie-i-deontologicheskie-aspekty-dejatelnosti.html>
5. Какие тренды станут главными в здравоохранении — 2016? На вопросы читателей «БИЗНЕС Online» ответит Адель Вафин [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/301528>
6. Ефименко С. А. Социология пациента : автореф. дис. ... д-ра соц. наук. — М., 2007. — 49 с.

Е. В. Пустовалова (Барнаул)

ЧЕЛОВЕК И ИНФОРМАЦИЯ: ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Трактовка современного общества как информационного сегодня не является дискуссионной. Общество активно развивается в пределах информационного пространства. Оно представлено инновационными цифровыми технологиями, компьютерными программами, телекоммуникационными протоколами, а также межличностными коммуникациями, в том числе и в социальных сетях.

В силу своей значительной включенности в социум информация сегодня является важнейшим стратегическим ресурсом. Это подразумевает, что за данный ресурс ведется борьба и, как следствие, требуется обеспечение информационной безопасности. Проблеме информационной безопасности уделяют значительное внимание и государственные структуры и представители бизнес-сообщества. При этом ключевым вопросом является решение проблемы защиты информации и очень мало внимания уделяется проблеме защиты человека от информации. Такой односторонний подход к проблеме безопасности в сфере информации и информационных технологий не позволяет говорить об обеспечении социальной безопасности человека в современном информационном обществе. Однако социальная сущность безопасности состоит в том, что основным ее содержанием является защита интересов человека, общества и государства как осознанная необходимость безопасного удовлетворения субъектом своих потребностей.

«Основополагающая идея информационной безопасности как социального явления заключается в установлении и реализации морально-этических, нормативно-правовых и организационных отношений между людьми, обеспечивающих сбалансированность интересов человека, общества и государства в информационной сфере» [1].

Если проблема информационной безопасности на уровне государства в значительной степени решается с помощью нормативно-правовых отношений, то проблема человека в информационном пространстве требует более разноплановых усилий. Рассматривая проблему информационной безопасности человека, следует выделить ряд ключевых моментов. Современное информационное пространство — это цифровое пространство. Оно представлено цифровым телевидением, цифровыми носителями информации и т. д. Цифровое кодирование финансов — пластиковые карты, банковские счета, электронные подписи — все это потенциальные источники информационных угроз. А ближайшая перспектива — полный переход в цифровое информационное пространство, а именно переход на электронные паспорта и «чипирование» общества.

Как все прогрессивное, новые проекты создаются на благо человека и общества. Однако существует ряд проблем, которые требуют своего разрешения. Одной из них является проблема отношения православных верующих России к переходу на универсальные электронные карты. 26 ноября 2011 г. на сайте Оргкомитета против электронных карт — protivkart.org — было опубликовано «Открытое обращение Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу, Еписко-

пату Московского Патриархата» и объявлен сбор подписей в его поддержку. Основным мотивом «Обращения» явился Федеральный закон № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», принятый в июле 2010 г. Следствием принятия этого и ряда других законодательных актов явится переход на универсальные электронные карты. Для православных это решение не только явилось правовым переворотом в стране, упраздняющим конституционные права граждан и ведущим к демонтажу государства, но и поставило верующих людей перед духовным выбором: пойти по греховному пути или оказаться изгоями, не имеющими возможности существовать без электронных документов, а значит, оказаться вне общества.

В «Обращении» подчеркивалось, что «...принятие человеком цифрового идентификатора личности (начиная с принятия на бумаге, а заканчивая чипом под кожей или меткой на теле) является апокалиптическим грехом отступления от Бога и признания над собой власти антихриста, грехом попрапия своего христианского имени и отречением от Имени Христова, от Христа. Принятие числа вместо имени — это согласие на вычеркивание себя из Книги жизни и одновременно — поклонение антихристу в духе» [2].

Официальной реакции или комментариев патриарха на Обращение не последовало. Позиция руководства православной церкви России, как правило, не идет в разрез официальной политике Правительства РФ. Однако экономическая и социально-политическая ситуация в стране не позволяет пока государству привести этот план в исполнение. Замена традиционных паспортов на пластиковое удостоверение личности откладывается на неопределенное время.

Между тем это не только духовно-нравственная, но и социальная проблема. Поскольку большой круг людей предпочитает отказаться от электронных карт, это может оставить их за пределами социума и лишить возможности удовлетворения ряда жизненно важных потребностей.

Переход на универсальные электронные карты предполагает и другую проблему, которая также требует решения. Это проблема мошенничества с электронными документами и разглашения личной идентификационной информации человека. Анализ статистических данных показывает тенденцию постоянного роста преступлений, связанных с мошенничествами с пластиковыми картами. На сайте Expert Online от 1 августа 2011 г. заявлялось, что, по данным МВД, в первом полугодии 2011 г. было зафиксировано 2227 преступлений, связанных с изготовлением и сбытом поддельных кредитных и расчетных пластиковых карт. По сравнению с аналогичным периодом прошло-

го года это количество выросло на 36%: тогда было зарегистрировано 1,6 тыс. случаев. В «Российской газете» за 03.11.2011 г. отмечается, что в два раза увеличится ущерб от мошенничества с пластиковыми картами на российском рынке. «К концу года, по оценкам экспертов, оборот по платежным картам в нашей стране будет превышать 13 триллионов рублей. Но и ущерб от мошенничества с ними ожидается немалый — 2,68 миллиарда рублей, что почти в два раза больше, чем в прошлом году» [3].

По данным, опубликованным компанией FICO, Россия лидирует в Европе по динамике роста мошенничества по кредитным картам. Среди других стран Европы Россия выделяется скоростью роста потерь от незаконных операций с картами — только за 2012 г. потери от воровства выросли на 28%. Общий урон от такого мошенничества в 2013 г. в 10 раз превысил уровень 2006 г. и был в 3,65 раза выше, чем в кризисном 2008 г. [4]. Кроме того, ни для кого не секрет, что за определенную плату можно приобрести электронную информацию по ИНН, по информационным базам МВД и т. д.

Данная ситуация способствует росту опасений по поводу ближайших перспектив развития общества. Однако это угрозы сегодняшнего дня. Но ученые и философы, рассматривая более далекие перспективы, в своих прогнозах видят человечество не покорившим информационное пространство, а подчиненным ему. Так, известный западный философ русского происхождения М. Эпштейн в своей работе «Знак пробела» предполагает такое будущее: «У человека будущего на учете будет каждая мысль и взгляд — движение нейрона или глазного яблока... Все будет где-то фиксироваться, посылать сигнал, оставлять отпечаток. Пожалуй, только брокер, спящий в обнимку с пятью телефонами и готовый принять или послать информацию по первому звонку, сегодня дает нам представление о том, как подключен будет человек всеми своими органами чувств и нервными окончаниями к коммуникативным системам — и зависим от них... Мозговые сигналы будут прямо передаваться по электронным сетям, мысли будут читаться, поэтому придется быть осторожным не только в словах...» [5, с. 12]. Разумеется, это субъективное видение дальнейшего «покорения» информационного пространства, но кажется ли оно нам таким уж далеким от реальности?

Таким образом, складывается ситуация, при которой необходимо не только обеспечить безопасность информации, но и защитить от этой информации человека. Видимо, корни этой парадоксальной ситуации следует искать в практике проводимых в современной России реформ [6].

По мнению В. В. Нагайцева, «...обеспечение социальной безопасности населения — это итог реализации системы мероприятий социально-управленческого, экономического, политического, правового, демографического, психологического, экологического, конфликтологического... и иного характера, нацеленных на достижение стабильности общественной жизни, нормального функционирования социальных институтов, на сохранение и развитие социального благополучия населения» [7, с. 82].

Очевидно, что реформирование страны необходимо. Прогресс не остановить. Но, видимо, следует, прежде всего, изучить социальную необходимость, востребованность реформ, готовность всех слоев общества принять их в предлагаемом виде. А в случае совершенствования информационного пространства еще и обеспечить оптимальное действие системы информационной безопасности на всех уровнях и только после этого, возможно, приступить к унификации, «оцифровке» и «чипированию» граждан России.

Библиографический список

1. Азамов О. В., Будьлин К. Ю., Бунев Е. Г., Сакун С. А., Шакин Д. Н. Информационная безопасность // Наука XXI [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.naukaxxi.ru/materials/41/> (дата обращения: 02.11.2016)
2. Открытое обращение к Святейшему патриарху всея Руси [Электронный ресурс]. — URL: <http://protivkart.org/news/332-otkrytoe-obraschenie-k-svyateyshemu-patriarhu-vseya-rusi.html> (дата обращения: 08.11.2016).
3. Российская газета // Федеральный выпуск № 5623 (247) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rg.ru/> (дата обращения: 11.11.2016).
4. Evolution of card fraud in Europe [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.fico.com/landing/fraudeurope2013/country.php?country-code=RUS> (дата обращения: 02.11.2016).
5. Эпштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. — М., 2004. — 864 с.
6. Артюхина В. А. Некоторые аспекты социологических исследований протестного поведения населения // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова — Барнаул, 2013. — С. 126–132.
7. Нагайцев В. В. Новые угрозы социальной безопасности населения современного российского региона // Социология в совре-

менном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 5 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова — Барнаул, 2013 — С. 78–83.

Л. К. Синцова (Барнаул)

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ

Проблема повседневности прочно вошла в круг проблем, которые изучают современные социогуманитарные науки. На протяжении долгого времени проблема повседневности изучалась в рамках западноевропейской социогуманитарной культуры, где и сложились основные направления, которые в значительной мере определили ее исследование: феноменология, экзистенциализм, модернизм, постмодернизм.

Интерес к исследованию проблем повседневности в отечественном социогуманитарном знании возник несколько позже, чем в западной научной традиции. Это отставание Ю. И. Борсяков объясняет тем, что отечественная наука в советский период развивалась в существенном отрыве от западной и не могла учитывать многие западные исследования, но в то же время эта изолированность помогла выдвижению новых, независимых идей [1]. В литературе имеет место и другое понимание обозначенной проблемы. Так, характеризуя влияние советской идеологии на науку, Н. Н. Козлова отмечает, что «стремясь нарисовать объективную картину мира, наука исключала субъективную точку зрения. Но этих целей она достигала путем превращения изучаемых жизненных практик в мертвый корпус данных, изолированных от того живого контекста, в котором они реально функционируют. В результате неузнаваемо преобразалась (искажалась) картина повседневной жизни» [2, с. 50].

Однако следует отметить, что при значительной приверженности советского общественнознания идеям марксизма в социогуманитарном знании с середины прошлого века наметилась тенденция перехода от исследования общемировых моделей развития к локальным особенностям и вариантам исторического развития, к изучению приватной, повседневной жизни.

В отечественной социогуманитарной мысли проблема повседневности представлена изучением социально-бытовых, массовых прояв-

лений жизни, рассмотрением традиции, обычая, ценности как регулятора поведения, осмыслением экзистенциальных проблем человека, проблем духовности, а также ее религиозных форм. Своеобразие отечественного подхода к исследованию проблем повседневности заключалось в том, что последняя была представлена не как некие абстрактные конструкты, а в своей человекообразности, многогранности, очевидности, обычности, имела место реконструкция различных типов повседневности. Этот подход наблюдается в работах М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, А. Я. Гуревича и др. Это работы М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», где представлена «смеховая» средневековая культура, Ю. М. Лотмана «Беседы о русской культуре русского дворянства (XVIII–XIX века)», где предстает быт, нравы, обычаи, мода, обывденная культура России XVIII–XIX вв., А. Я. Гуревича «Категории средневековой культуры» и «Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства», Г. С. Кнабе «Древний Рим — история и повседневность». Сложившаяся традиция имеет свое продолжение в работах Н. Б. Лебиной [3], И. Б. Орлова [4] и др.

Отмечая междисциплинарный характер исследования повседневности в отечественной социогуманитарной традиции, И. П. Полякова выделяет разноаспектность ее анализа отечественными учеными. Так, Ю. М. Лотманом исследовалась повседневность, нормы и ценности культуры. Л. Г. Иониным рассматривалась жизнедеятельность индивидов на базе самоочевидных ожиданий. А. В. Ахутиным анализировалась ментальность повседневности. Б. В. Марковым рассматривалась сама собою разумеющаяся фактичность, базирующаяся на стереотипах. В работах В. Д. Лелеко повседневность представлена как будничность, как противоположность праздничному и сакральному. В. Н. Сыровым изучалась рациональность повседневности. И. Т. Касавиным и С. П. Щавелевым был представлен функциональный характер повседневности. Г. С. Кнабе исследовал духовность повседневности. Г. П. Любимовым были представлены пространственно-временные характеристики повседневности [5].

Многие исследователи отмечают, что, несмотря на значительный интерес к проблеме повседневности, в социогуманитарном знании так и не выработано общепризнанное определение данного феномена. На сложность в определении повседневности обращают внимание В. В. Корнев, Т. Б. Мойсеева, И. П. Полякова и многие другие. Достаточно привести несколько определений, чтобы обнаружить существенный разброс в трактовке содержания данной категории. Так,

согласно Г. Зиммелю, повседневность противопоставляется приключению, как состоянию наивысшего напряжения сил и особой остроты переживаний; для А. Лефевра повседневность выступает базисом творчества, местом дел и трудов; Г. Маркузе рассматривал повседневность как характерное качество цивилизации.

В отечественной науке также присутствует многовариантность в определении повседневности. Так, Б. В. Марков отмечает, что «слово «повседневность» обозначает само собой разумеющуюся реальность, фактичность; мир обыденной жизни, где люди рождаются и умирают, радуются и страдают; структуры анонимных практик, а также будничность в противоположность праздничности, экономию в противоположность трате, рутинность и традиционность в противоположность новаторству» [6, с. 291].

В. Д. Лелеко полагает, что повседневность — это то, «что в жизни человека и окружающем его мире природы и культуры происходит ежедневно, должно быть определенным образом воспринято, пережито и оценено для того, чтобы стать ожидаемым, неизбежным, обязательным, привычным, само собой разумеющимся, понятным, должно быть пережито и оценено как тривиальное, серое, скучное» [7, с. 103]. В. Н. Сыров считает, что повседневность — это особый код, который возникает в сознании индивида при необходимости практически решить ту или иную проблему. Код повседневности отвечает на вопрос «как?», и основная функция повседневности — это адаптация (полезность) [8].

Отмечая ряд гносеологических трудностей, с которыми сталкиваются при определении повседневности, В. В. Корнев обращает внимание на определяющее значение субъективной составляющей, которая уходит из поля зрения исследователя. «Ведь есть что-то такое в дискурсе о «повседневности», — пишет В. В. Корнев, — как совокупности всех обыденных привычек, приемов мышления, речевых форм, что не оставляет равнодушным самого исследователя, заставляет его не хладнокровно анализировать, а оценивать и критиковать этот феномен. Дело, в конечном счете, тогда не в «правильном» понимании повседневности, в рефлексии на тему собственной захваченности и, как следствие, зависимости от повседневности» [9, с. 89]. По мнению автора, «в ситуации постижения повседневных истин, как и культурно-исторических традиций, настоящая проблема состоит не в достижении точного и стерильного «объективного» знания, но в рефлексивной коррекции степени собственной ангажированности, в понимании принципов этой обусловленности для исторического, философского или повседневного сознания» [9, с. 90].

В настоящее время повседневность входит в сферу интересов многих отраслей научного знания: философии, социологии, культурологии и др. Философские проблемы повседневности рассматриваются в работах В. В. Корнева, И. П. Поляковой, Т. Б. Мойсеевой, Д. Н. Круглова, Н. Б. Семенова, Л. А. Савченко и др. Социология повседневности (Л. Г. Ионин, Ю. А. Поляков, Н. Н. Козлова, Т. М. Караханова, С. Г. Климова, А. В. Захаров, Е. Р. Ярская-Смирнова, П. В. Романов и др.) изучает повседневную жизнь как сферу жизнедеятельности, в которой складываются «малые миры» локальных социальных групп, формирующие стандартизированные представления и рутинные социальные действия индивидов. В условиях социальных трансформаций именно повседневность и «малый мир» оказываются «последней баррикадой» защиты общества от роста дезорганизации и хаоса [10, с. 153].

Одной из перспективных и достаточно интенсивно развивающихся областей исторического знания в настоящее время является история повседневности. Она возникла сравнительно недавно, но объединила вокруг себя достаточно большой круг ученых: М. М. Кром, Н. А. Пушкарева, С. В. Журвлев, В. С. Тяжельникова, Е. Ю. Зубкова, Н. Б. Лебина, Н. Г. Безгин, К. А. Богданов, М. В. Доронина, Н. Н. Козлова, А. Я. Левшин и др. История повседневности, по мнению Н. Л. Пушкаревой, является новой отраслью исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности находится комплексное исследование повторяющегося, «нормального» и привычного, конструирующего стиль и образ жизни у представителей разных социальных слоев, включая эмоциональные реакции на жизненные события и мотивы поведения [11]. По словам М. М. Крома, истории возвращается «человеческое измерение».

Культурология повседневности представляет собой новое, комплексное и достаточно плодотворное направление в гуманитарном знании, которое представлено достаточно большим количеством публикаций. В области культурологии повседневности работают К. А. Богданов, А. В. Юдин, К. Жигульский, А. Рубинов, О. Вайнштейн, А. Синельникова и др. В культурологической мысли делается попытка дать целостный анализ сущности повседневности, ее структуры, пространства, проанализировать образы повседневности, среди которых: повседневность как проза жизни; повседневность как область рутинных явлений и тривиального знания; повседневность как индивидуальный жизненный мир; повседневность как профанное пространство; повседневность как обыденный мир и т. д.

Основное внимание ученых, которые занимаются проблемами эстетики повседневности (А. С. Куликова, В. Л. Глазычев, В. Ю. Медведев, М. Ф. Овсянников, Т. Ю. Быстрова, Л. И. Ятина и др.), обращено к проблемам соотношения искусства и жизни, а также к проблемам прикладного искусства, дизайна, эстетического оформления предметно-пространственной среды. К основным темам эстетики повседневности относят эстетические чувства, которые испытывает человек в повседневной жизни, эталоны внешности, косметику, костюм, ритуализированные формы общения, застолье, любовные ухаживания, вещно-предметную среду обитания человека.

Проблемы ментальных структур повседневности, здравого смысла, обыденного сознания, массового сознания являются традиционными для социально — психологических исследований (С. С. Гусев, Б. Д. Парыгин, Б. Я. Пукшанский, Г. Л. Тульчинский, В. Ф. Шкуратов, С. Московичи и др.). В этих исследованиях обыденное сознание предстает как уровень общественного сознания, обращенного к повседневным практикам людей. Ученые обозначают связь обыденного сознания с различными формами сознания: мифологического, религиозного, научного, художественного.

Столь значительный разносторонний интерес представителей различных отраслей социогуманитарного знания к проблеме обусловлен стремительными темпами изменения мира повседневности, стремлением сохранить», удержать его для будущих поколений, объяснить его и предвидеть будущие перемены.

Библиографический список

1. Борсяков Ю. И. Философские основания феномена повседневности: по материалам интернет-конференции «Научно-философский анализ повседневности: проблемы и перспективы развития в XXI веке» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vspu.ac.ru/news/detail/543>
2. Козлова Н. Н. Социология повседневности: переоценка ценностей // Общественные науки и современность. — 1992. — № 3. — С. 47–56.
3. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города. Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. — СПб., 1999. — 320 с.
4. Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. — М., 2010. — 317 с.
5. Полякова И. П. Повседневность в социально-философском контексте: теоретико-методологический анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — М., 2011. — 45 с.

-
-
6. Марков Б. В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. — СПб., 1999. — 304 с.
7. Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре. — СПб., 2002. — 320 с.
8. Сыров В. Н. О статусе и структуре повседневности (методологические аспекты) // Личность. Культура. Общество. — 2000. — Т. 2. Спец. выпуск. — С. 147–159.
9. Корнев В. В. Проблематизация категории «повседневность» // Известия Алтайского гос. университета. — 2008. — № 2. — С. 85–90.
10. Зарубина Н. Н. Риски повседневности в сложном социуме: опыт российских модернизаций в XX веке // Вестник МГИМО — Университета. — 2012. — № 3 (24). — С. 153–161.
11. Пушкарева Н. Л. «История повседневности» как направление исторических исследований // Перспективы: Фонд исторической перспективы [Электронный ресурс]. — URL: http://www.perspektivy.info/misl/koncept/istorija_povsednevnosti_kak_nap.

Н. А. Стерляева (Барнаул)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Отношение человека к здоровью проявляется в определенных действиях и суждениях по поводу факторов, оказывающих влияние на здоровье. Можно выделить два противоположных составляющих понятия «отношение к здоровью» — самосохранительное отношение и саморазрушительное отношение.

По мнению А. И. Федорова, отношение человека к здоровью может быть охарактеризовано следующими показателями: оценка (самооценка) здоровья, медицинская и гигиеническая информированность (знания в сфере здоровья), ценностные установки в сфере здоровья, деятельность человека по сохранению своего здоровья [1, с. 91].

Субъективная оценка своего здоровья отражает в определенной степени объективную характеристику здоровья. Также она позволяет получать информацию о состоянии здоровья людей, которые не обращаются к врачу, а значит, у которых отсутствуют медицинские исследования. Кроме того, учитывая субъективную оценку своего здоровья, можно прогнозировать поведение людей, которые относятся к группе риска. В целом самооценка своего здоровья связана с самооценкой индивидом самого себя и своих возможностей.

По данным всероссийского опроса, проведенного ВЦИОМ в 2012 г. (опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России), самооценка состояния здоровья среди россиян за последние три года улучшилась: позитивно его оценивают сегодня 36% (в 2009 году — 27%). И, напротив, меньше стало тех, кто считает свое здоровье слабым или очень слабым (с 23 до 19%). Относительное же большинство опрошенных, как и прежде, склонны оценивать состояние своего здоровья как удовлетворительное (43%). Наиболее позитивно состояние своего здоровья оценивают мужчины (44%), молодежь (74%), жители крупных городов (44%). Негативные оценки свойственны, прежде всего, женщинам (25%), пожилым респондентам (51%). За последние годы улучшилась и оценка здоровья родственников: доля тех, кто удовлетворен им, выросла с 58% до 68%. Позитивные оценки дают в основном молодые респонденты (86%). Тех, кто недоволен самочувствием родных, напротив, стало меньше (с 38 до 31%) — это, как правило, пожилые россияне (54%) [www.wciom.ru].

Результаты аналогичного опроса, проведенного ВЦИОМ в 2015 г. (опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России), таковы: половина россиян (49%) вполне удовлетворена состоянием своего здоровья. Более трети (38%) оценивают собственное самочувствие еще выше — как «хорошее» или «очень хорошее». Недовольны им только 12%. Более позитивно о своем здоровье отзывается молодежь (68% от 18 до 24 лет) и участвовавшие в вузах (47%), тогда как на недомогания жалуются преимущественно люди в возрасте (32% старше 60 лет), малообразованные (36%). Самочувствие близких считают «удовлетворительным» 70% опрошенных (для сравнения, в 2014 г. — 74%) [2].

Как было сказано выше, одной из составляющих понятия «отношение к здоровью» является сомосохранительное отношение, которое порождает самосохранительное поведение. Оно может характеризоваться как «действия и отношения, направленные на сохранение здоровья в течение полного жизненного цикла» [2, с. 139] и «как определенный стиль жизни, предполагающий активные занятия физкультурой, отказ от курения и алкоголя, регулярные профилактические наблюдения» [3, с. 246].

Важную роль в реализации самосохранительного поведения играют знания сущности человека, факторов, сохраняющих здоровье, а также основных социальных ценностей.

От поведения человека в отношении своего здоровья зависит в определенной степени состояние его здоровья и продолжительность жизни. Самосохранительное поведение определяет образ жизни человека.

По данным ВЦИОМ, главным способом сохранения здоровья для россиян является воздержание от алкоголя и табака — стремясь сохранить хорошее самочувствие, 35% наших сограждан не курят и не пьют (среди женщин — 44%, среди мужчин вдвое меньше — 24%). За год заметно больше стало тех, кто старается следить за своим питанием (с 21% в 2014 г. до 28% в 2015 г.). В целях укрепления здоровья также чаще стали заниматься спортом (с 18% до 24% соответственно).

Каждый четвертый (27%) в случае болезни немедленно обращается к врачу и соблюдает все его рекомендации, каждый пятый (22%) — регулярно проходит диспансеризацию. А 16% респондентов панацеей от всех недугов считают просмотр телепередач о здоровье и чтение соответствующей литературы. Двое из десяти опрошенных (22%) признались, что стараются не обращать внимания на болезни. 10% уверенно заявили, что проблемы со здоровьем им просто неизвестны.

Почти половина наших сограждан (47%) винит в плохом самочувствии прежде всего самих себя — столь самокритичны в этом вопросе респонденты не были еще никогда (для сравнения, в 2008 г. эта доля составляла 37%, в 2014 г. — 40%). Данную точку зрения чаще разделяют молодые люди (52% от 18 до 24 лет), обучавшиеся в вузах (51%), с высоким достатком (54%), нежели пожилые (41% старше 60 лет), малообразованные (30%), с плохим материальным положением (34%). Четверо из десяти (28%) главным негативным фактором воздействия на здоровье называют плохую экологию.

Реже за последний год стали пенять на низкий уровень жизни (25% в 2015 г. против 32% в 2014 г.), а за шесть лет эта доля сократилась более чем в полтора раза (с 41% в 2008 г.). Низкий уровень квалификации и невнимательность медицинских работников одной из причин «нездоровья» считают 23% опрошенных. Некоторые (13%) склонны винить в болезнях людей государство, плохо заботящееся о самочувствии граждан. 7% ухудшение здоровья связывают с плохими условиями труда. Как кару за земные прегрешения недуги воспринимают 4% участников опроса, и еще 4% убеждены, что никто и ничто конкретно не виноваты в дурном самочувствии, ибо люди болели во все времена (инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 11–12 апреля 2015 г. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России) [2].

Как отмечают П. О. Ермолаева и Е. П. Носкова, представления о здоровом образе жизни и практики россиян зависят от материального положения и социально-демографических характеристик. Так, различия между представлениями о ЗОЖ среди мужчин и женщин

выявлены в отношении сбалансированного питания (50,5% мужчин и 59,7% женщин) и умения справляться с эмоциями (30% мужчин и 37,5% женщин). По самовосприятию относительно соблюдения здорового образа жизни женщины по сравнению с мужчинами меньше курят (76,3%), меньше употребляют алкоголя (89,1%), едят более здоровую пищу (89,5%).

Чем выше уровень образования, тем выше ценность двух составляющих ЗОЖ — здорового питания и умения справляться с эмоциями. Однако отказ от вредных привычек чаще выбирают респонденты с низким уровнем образования — начальным и ниже (полный отказ от курения — 78,9% и отказ от злоупотребления алкоголем — 81,6%).

Что касается возраста, то респонденты в возрасте 35–44 лет реже других назвали среди элементов ЗОЖ варианты отказа от вредных привычек (курения и злоупотребления алкоголем). Подростки (14–17 лет) наименее подвержены курению и употреблению алкоголя, чувствуют себя психологически здоровыми. Молодежь (18–24 года) физически активна.

В ходе исследования была выявлена положительная корреляция ценностей сбалансированного питания, отказа от злоупотребления алкоголем и курения, психологического здоровья, физической активности и соблюдения правил личной гигиены с материальным положением. Высокодоходные группы в меньшей степени подвержены курению (64–65%), злоупотреблению алкоголем (85%), соблюдают высокую физическую активность (77,1%) и придерживаются здорового питания (93%) [4, с. 121].

Исследование «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990–2000-е годы)» показало, что вредные привычки более распространены у сельского населения, чем у городского: курят на селе 37% (32% в городе), употребляют алкоголь 82% (74% в городе). Половина курильщиков приходится на средний возраст — 30–49 лет, почти четверть — на старшее поколение и столько же — на молодежь. Употребление алкоголя более характерно для сельчан среднего возраста [5, с. 93].

Очень важным фактором самоохранительного поведения является отношение человека к своему здоровью, то, какое место в структуре его ценностей занимает здоровье. По данным ВЦИОМ (опрос проведен в декабре 2014 г. Опрошено 1600 человек в 132 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России), особую ценность здоровья сегодня отмечают 95%, тогда как в 1989 г. об этом говорили 82% респондентов [www.wciom.ru].

Как отмечает Т. Г. Евдокимова, опираясь на данные упомянутого выше всероссийского исследования «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990–2000-е годы)», здоровье имеет наибольшую ценность для значительной части россиян, а именно для 87,6% респондентов. Оно занимает второе место в структуре ценностей. Несмотря на то, что полностью здоровыми себя считают только 23,6% сельских жителей, ни разу не обращались за медицинской помощью почти 40%, то есть среди тех, кто за медицинской помощью ни разу не обращался, есть те, кто признает у себя наличие тех или иных проблем, связанных со здоровьем. Нельзя сказать, что те сельчане, которые не считают себя полностью здоровыми, не обращаются за медицинской помощью из-за халатного отношения к своему здоровью: для многих из них медицинские учреждения труднодоступны или совсем недоступны. Имеющиеся данные об образе жизни сельских жителей позволяют сделать вывод: несмотря на то, что ценность здоровья признается большинством, она не воплощается в жизнь. Нацеленными на сохранность здоровья оказываются люди старшего поколения, поскольку 66% сельчан, имеющих серьезные проблемы со здоровьем, — люди старшей возрастной группы. В данном случае воплощение ценности здоровья в ценностную ориентацию связано напрямую с потребностью в нем [5, с. 97].

Таким образом, самосохранительное поведение обусловлено социально-экономическими, политическими условиями места проживания, сложившимися там образцами, стереотипами поведения, нормами, ценностями общества и конкретного человека, его образом жизни. Данный образ жизни, а соответственно, и поведение человека должны быть направлены на укрепление здоровья и на минимизацию факторов, негативно влияющих на него. Необходимо осознавать ценность здоровья как жизненно необходимую и при этом предпринимать активные действия по его сохранению. На современном этапе государство разрабатывает и внедряет проекты, специальные программы, направленные на сохранение и улучшение здоровья граждан. Но эффективными они будут только в том случае, если у человека присутствует мотивация к активным действиям для сохранения своего здоровья.

Библиографический список

1. Федоров А. И. Отношения подростков к здоровью: социологический анализ // Образование и наука. — 2008. — № 1 (49).
2. Шклярчук В. Я. Самосохранительное поведение в молодежной среде // Социологические исследования. — 2008. — № 10.

3. Назарова И. Б. Субъективные и объективные оценки здоровья населения // Социологический журнал. — 1998. — № 3–4.

4. Ермолаева П. О., Носкова Е. П. Основные тенденции здорового образа жизни россиян // Социологические исследования. — 2015. — № 4.

5. Евдокимова Т. Г. Ценности и ценностные ориентации сельского населения России // Социологические исследования. — 2015. — № 12.

О. Л. Сытых (Барнаул)

ЧЕЛОВЕК В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ: МНОГОУРОВНЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

К многочисленным характеристикам человека: «человек разумный», «человек играющий», «человек познающий», «человек производящий» и др. можно добавить сегодня и такую характеристику, как «человек потребляющий». Современный человек живет в обществе потребления, которое представляет собой «систему, организующую совместную деятельность людей таким образом, что манипулирование культурными кодами, инициирующими потребительские психологические установки, становится ее доминирующим содержанием. Эта система характеризуется массовым манипулированием культурными символами и формированием соответствующей иерархии ценностей, на вершине которой перманентный выбор, покупка и регулярное обновление вещей» [1, с. 54].

Все потребляют, и все находятся «в плену потребления». «Но каждый по-разному. Для одних — вся жизнь непрерывный поток утоления желаний. Для других — это тонкий избирательный процесс, поневоле, в силу социального положения или по причине культурных предпочтений. Для третьих — это мир борьбы с искушениями, стезя аскетического преодоления» [2, с. 61].

Общество, производящее все больше и больше товаров, превращающее в услуги, «готовые к употреблению», традиционные ценности, такие как образование, здравоохранение, заинтересовано в людях, сознанием которых можно манипулировать. Товар должен быть продан, желательно дороже, а значит, он должен получить соответствующую рекламу, затушевывающую его любые недостатки. Отсюда — в этом обществе не нуждаются в глубоком и критическом мышлении.

Общество потребления порождает много проблем различного уровня. Глобальной проблемой общества потребления является колоссальное и все увеличивающееся в своем разнообразии про-

изводство товаров как ответ на все возрастающие потребности в новых брендах, в новых по качеству товарах, часто мало связанных с принципиальным изменением их функциональности. Отсюда — быстрое старение и «социальная смерть» еще вполне пригодных к употреблению вещей, отправляемых на свалки, переполнение которых стало еще одной проблемой глобального мира в эпоху всеобщего потребления. Многочисленные виды шоколада, новые виды макарон, оформляемые во все новые и все более красочные обертки, столы, стулья, диваны более современного дизайна и т. п. — все это приходит на смену вчера еще востребованным, а сегодня малоинтересным и совсем не модным продуктам питания и предметам быта. А то, что не востребовано, «отправляется в утиль. А это все порождает обострение противоречий между обществом и природой. «Это противоречие имеет два измерения: человек и окружающая среда, человек и его здоровье» [3, с. 120]. Потребление усугубляет экологические проблемы. Как попытки ответить на вызовы общества потребления появляются различные модные движения: одни отказывают себе в использовании мехов, другие, призывая к аскетическому образу жизни, начинают общественное существование, третьи — употребляют в пищу только экологически чистые продукты. И на вновь возникшие потребности — в теплой одежде, но без использования натурального меха, в экологически чистых продуктах и т. п., начинает работать новая индустрия потребительского общества, предлагающая все, в чем нуждаются люди, ратующие за гармоничное существование человека и природы в обществе потребления.

Наряду с глобальными проблемами «общество потребления» порождает проблемы национально-культурного плана. Так, мода на потребление определенной американской, европейской или японской пищи или поддержание определенного стиля питания (для одних питание в кафе и в ресторанах, для других — в различного рода пунктах быстрого питания) ведет к потере национально-культурных традиций. Исконно русская пища заменяется сегодня американскими гамбургерами, итальянской пиццей и т. п. «Исчезновение традиции питания ведет к разрушению одной из основ идентификации личности и всей нации с предшествующей культурой» [4, с. 69].

В обществе потребления в сферу рыночных отношений включаются структуры почти всех социальных институтов, они начинают поддерживать не предпринимателей, развивающих национальные традиции, а тех бизнесменов, которые приносят «деньги в казну», улавливая моду и умея хорошо торговать. Деятельность социальных ин-

ституты направляется на реализацию программы приспособления к механизмам рыночной жизни.

Весьма сложными являются и проблемы экзистенциально-антропологического характера, порождаемые обществом потребления. Отметим, что сегодня человека оценивают не только и не столько по виду трудовой деятельности, в которой он участвует и по результатам труда, который он производит, а по тому, как и что он потребляет. Это не трудно сделать, особенно в связи с тем, что потребление становится демонстративным, оно максимально выставляется «на показ». Это можно наблюдать по представлению молодежи себя в виртуальном мире. Сегодня это — фоторассказы о своих действиях, своих мыслях и, как правило, с отслеживанием своей одежды, обстановки и т. п. Появился на «модном курорте» и здесь же представил свою фотографию в Instagram, посетил шумевшую оперу и дал «фоторассказ» из соответствующего европейского театра.

В современном мире, и в России как части этого мира, «Потребление перестает быть биологическим актом и становится даже в ситуации удвоения базовых физиологических потребностей сугубо социальным актом... Социальными функциями потребления являются идентификация, стратификация и манифестация властных ресурсов, а также структурирование и проявление социальной активности посредством использования стилей жизни» [5, с. 77].

«Я» соотносит себя с социальной группой, идентичной по характеру потребления. Члены этой группы и будут теми «другими», на которые человек («Я») ориентируется. Не отстать от группы по еде, отдыху (модным курортам), работе над телом (посещение фитнес-клубов), приобретению одежды, крупных-покупок и т. д. — вот цель, которую преследует «Я».

Принадлежность к определенной социальной группе, отнесение себя к ней, принятие ее нравственных ценностей и норм поведения, ее форм отдыха, членство в клубах, способов работы над собой (поддержанием себя в определенной физической форме) — все это важно для идентификации человека в рамках социальной группы. И все это относится к потреблению человеком материальных и духовных благ. С одной стороны, человек свободен в своем выборе, и именно этот выбор формирует его личностную индивидуальную идентичность. С другой стороны, принадлежность к определенной социальной группе подталкивает его к конкретному (ограниченному нормами и пристрастиями членов данной социальной группы) выбору.

Стремление человека задержаться или оказаться в определенной социальной группе, остаться приверженцем определенного стиля по-

требления легко приводит его к постоянной жизни в кредит и опасному скольжению в сторону личностных потерь, иногда заканчивающихся «человеческими трагедиями». И здесь еще одна экзистенциальная проблема личностного выбора, подталкиваемого модными тенденциями, детерминированная условиями и спецификой социализации и наличием материальных ресурсов. Потеря в процессе жизни определенных денежных ресурсов, смена места жительства приводит к изменению потребляемых вещей и смене стиля жизни человека.

Переезд из столицы в российскую глубинку ограничивает выбор потребляемых услуг. Отсюда становится понятным то стремление и движение молодых людей в сторону столичных городов, которое сегодня особенно заметно в России. Больше выбор, больше возможностей для формирования себя по идеальному образу, порой представленному в красивых гляцевых журналах и на TV» [6, с. 18].

Потеря материального положения, сказывающаяся на внешнем виде человека и его образе жизни, — сигнал для членов данной группы о том, что этот (потерявшийся) субъект уже не может быть идентифицирован как «свой». Он становится «чужим» и «другим» для всех представителей данной группы. Человеку приходится искать себя заново, и «помощников» у него уже не будет. Здесь требуется новое осознание себя на другом уровне и в другой идентичности. Процесс это, бесспорно, мучительный, затрагивающий все существо человека.

Таким образом, мы видим, что в обществе потребления человек сталкивается со множеством проблем различного уровня: от глобальных до экзистенциальных. Наличие изобилия вещей и услуг не сделало жизнь человека более совершенной, а человеческие отношения более гармоничными. Но общество потребления более ярко высветило актуальные проблемы бытия человека в природе, достойного бытия человека в мире.

Библиографический список

1. Сапожников Е. И. Общество потребления в странах Запада // Вопросы философии. — 2007. — № 10. — С. 53–63.
2. Козловский В. В. Общество потребления и цивилизационный подход современности // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2011. — Т. XIV. — № 5. — С. 55–65.
3. Ильин В. В. Потребление как дискурс : учеб. пособие. — СПб., 2008. — 446 с.
4. Глухова Т. И. Потребление как фактор изменений в социальной жизни // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2011. — Т. XIV. — № 5. — С. 66–78.

5. Овруцкий А. В. Социальная философия потребления: Методологические и теоретические аспекты. — Ростов н/Д., 2010. — 216 с.

6. Сытых О. Л., Бородулина С. В. Человек в поисках идентичности в обществе потребления // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. — Барнаул, 2013. — № 1. — С. 16–19.

С. А. Воронина (Барнаул)

РОЛЬ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ ЛАТЕНТНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА

Изучение социальной структуры общества, а особенно ее скрытых, или латентных элементов неслучайно сегодня крайне актуально у социологов. Без ясного представления о том, как складывается данная структура и в каких направлениях она меняется, вряд ли можно эффективно решать стратегические проблемы общественного развития.

В механизме современного общественного процесса двойственность социальной структуры играет двоякую роль. С одной стороны, они отражают результаты произведенных институциональных реформ, а с другой, предопределяют способность общества к дальнейшим социальным преобразованиям. Элементы социальной структуры отражают системное качество общества, и от того, какие элементы его структуры являются предопределяющими, зависит способность общества либо к саморазвитию, либо к регрессу на всех уровнях. Социальная структура общества характеризует уровень и направленность социальной энергии общества, поэтому ее анализ позволяет судить о возможностях общества в будущем. Характерно то, что скрытые элементы социальной структуры фигурируют либо в уголовной хронике, либо в политических и светских публикациях, либо в юридических и психологических научных работах о девиантном поведении. Но практически не затрагиваются в публикациях, посвященных социальной структуре общества. Учебные программы также обходят эту тему.

Понятие «социальная структура» довольно часто используется социологами при характеристике общей организации социальной жизни, но до сих пор единого определения нет. У М. Леви-младшего структура определяется как «модель действия или управления» и носит определенно поведенческий характер, так как она моделируется

поведением, а то, что не моделируется им, считается необъяснимой категорией [9]. Под влиянием работ Т. Парсонса широко распространено понимание социальной структуры как эквивалента понятия «социальная система», которая состоит из разнообразных статусов-ролей, связанных с помощью нормативных комплексов и ценностных ориентаций. По концепции Ч. Р. Миллса, основной единицей является «институт» [6]. Каждый институт, по его мнению, стабилизирован лидером, обладающим правом руководства над всеми партнерами, выполняющими ту или иную роль. Эти институты образуют «институциональный порядок». Комбинация этих «порядков» и составляет, по мнению Миллса, социальную структуру. Характер отношений между институциональными порядками, определяемый значением каждого из них, образует различные типы социальных структур. Рассмотрение типов социальных структур позволяет создать «рабочие модели» исторических изменений, так как, по Миллсу, «история есть, конечно, только изменение социальных структур и их составных частей» [6]. Таким образом, даже краткий экскурс в историю теоретического осмысления понятия «социальная структура» дает нам основание для предположения, что задачи системного изучения элементов социальной структуры и социальных механизмов их взаимодействия пока не ставится. А между тем готовность и способность любого общества к эффективному функционированию в первую очередь зависит от состояния элементов и связей внутри социальной структуры, т. е. от качества этой структуры в целом. Следует особо подчеркнуть, что в настоящее время в мировой социологии существует два подхода в изучении социальной структуры общества: марксистский и структурно-функциональный. Если марксистский подход традиционно сосредотачивался на изучении классов, наций и других больших социальных групп, то представители структурно-функционального подхода главным объектом анализа обычно определяют социальные группы. Сегодня социологи все больше говорят именно о социальных группах. А общее в этих подходах, на наш взгляд, заключается в том, что они фиксируют и делают предметом анализа лишь явные элементы социальной структуры и пренебрегают анализом ее скрытых/латентных элементов. А они, тем не менее, имеют большое значение в формировании общественной жизни и потому заслуживают не меньшего внимания, чем классы, нации и т. п.

В связи с этим позволим предложить сою собственную трактовку социальной структуры общества: социальная структура общества есть такое множество его составных частей (явных, признаваемых и латентных), которые в своем существовании, поведении и действии

обнаруживают присущую им организацию. Организация соединяет указанные части и формирует их взаимодействие в соответствии с целями данного общества. В связи с данным определением мы должны учитывать и явные, и скрытые элементы социальной структуры. Увидеть их порой достаточно сложно, так они не бросаются в глаза, а роль в обществе им принадлежит значительная. Чем же они отличаются? К явным элементам социальной структуры мы относим все те составные части общества, которые настолько институализированы и формализованы, что считаются самоочевидными и не требуют особого доказательства. Явные элементы порождают официальное представление об обществе, которое обычно тиражируется и презентуется. Они включают: классы и классоподобные образования (рабочий класс, крестьянство, интеллигенция и т. д.); политические группы (партии, общественно-политические и профессиональные образования и движения); территориально-региональные группы, которые можно вычлениить по географическим, этническим или социально-экономическим критериям (типа Сибири, Дальнего Востока), а также в соответствии с административным делением страны (область, край, штат); вероисповедные группы: большие и малые (религиозные секты и зарегистрированные церкви); демографические группы, которые разделяются по критериям пола, возраста, образования, профессии, социального происхождения и пр. В практике общественной жизни все перечисленные элементы выделяются с точки зрения определенных критериев, которые в той или иной степени связаны с конкретными правами, обязанностями и чувствами людей. В этом смысле они не тождественны социальной статистике, поскольку могут быть субъектами социально значимых действий. Данные элементы не исчерпывают всех составных частей социальной структуры, но они настолько важны, что без них не может обойтись ни социологическое исследование, ни управление обществом.

Что же такое скрытые элементы? В любом обществе наряду с явными существуют невидимые на первый взгляд элементы, которые оказывают на общественный процесс достаточно сильное воздействие, так как они непосредственно и опосредованно формируют общество и влияют на него. Непосредственное влияние заключается в прямом воздействии на главные сферы общественной жизни — экономику, политику и идеологию. Опосредованное влияние проходит через уклады или констелляции интересов и идей, которые существуют в обществе и в его отдельных частях. Они включают: элиту (не всякая элита официально демонстрирует свою деятельность); группы давления (лобби); клики; кланы; мафии или организованная

преступность; родственно-земляческие связи или группировки; бюрократию; олигархию; теневые явления в экономике, политике, праве и др. Мы их называем скрытыми не только потому, что они не зарегистрированы официально и по своим масштабам меньше явных элементов социальной структуры. Они труднее фиксируются социологическим анализом, так как нередко вполне сознательно скрывают свое существование, хотя оно и не всегда противоречит праву. Этим объясняются причины их недостаточной социологической изученности.

Обычно они существуют неофициально, поскольку сам факт их наличия может не одобряться обществом. Тогда как в соответствии со стандартами бюрократизированной науки существует то и только то, что признается официально. Если мафиозные группировки не зарегистрированы — значит, их нет?

В каждом обществе нормальные и патологические явления устанавливаются чисто конвенционально, ибо провести границу между ними чрезвычайно трудно. В связи с этим целью социологического познания становятся не только явные, неплохо изученные элементы социальной структуры, но и ее латентные, скрытые элементы, т. е. любое многообразие социальных сообществ, в его отдельных компонентах и в его целостности. Задача социолога-исследователя — наглядно показать, насколько латентные отношения в политике, экономике, правовой сфере представляют опасность для общества, государства и надо ли вообще с этим бороться, так как именно латентные социальные отношения в своей совокупности представляют наибольшую угрозу социальной безопасности России.

Латентные элементы социальной структуры по своей социальной сути являются катализаторами дальнейшего расслоения общества на богатых и бедных. Теневая экономика уводит доходы от налогов, которые могли бы идти на социальные программы и помощь малоимущим. Коррупция ставит возможность реализации своих гражданских прав и социальных интересов в зависимость от толщины кошелька. Сегодня четко фиксируется общая тенденция срастания власти и капитала, которая проявляется во всех регионах России. Данная тенденция носит массовый и устойчивый характер.

В социальном плане это ведет к сокращению бюджетов всех уровней, урезанию социальных программ, недостаточному финансированию здравоохранения, науки, образования, низким размерам пенсий и социальных пособий. В то же время на другом социальном полюсе происходит сверхбогатение. Растет социальное расслоение общества, расширяется пропасть между богатыми и бедными. Скрытые социальные процессы, которые протекают латентно, во многом поро-

ждают латентную политику и латентное право, которые ее обслуживают [7, с. 224–228]. Имеют место и обратные зависимости. Теневизация российской экономики и политики становится серьезным вызовом социальной безопасности общества. Для локализации теневой экономики, политики и правового права необходимо решить следующие первоочередные задачи: совершенствование законодательства; формирование институтов гражданского общества; либерализация экономики; повышение социальной ответственности бизнеса; развитие социального партнерства [5, с. 151–154].

Библиографический список

1. Ветряные мельницы коррупции / Публ. И. Пушкиной // Наша власть: дела и лица. — 2012. — № 10.
2. Гаман-Голутвина О. Бюрократия и олигархия в историко-политической перспективе // Россия XXI век. — 2011. — № 6.
3. Демин В., Катышев М. Проблемы теневой юстиции в России // Вестник аналитики. — 2011. — № 4.
4. Заславская Т. И. Социокультурный аспект трансформации российского общества // Социс. — 2001. — № 8. — С. 3–11.
5. Меженин Я. Э. Роль диалога в совершенствовании обращений граждан к органам власти // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2015. — С. 151–154.
6. Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. — М., 2001. — С. 155.
7. Попов Е. А. Проекция социального: человек и социальная безопасность // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2015. — С. 224–228.
8. Рывкина Р. В. Теневизация российского общества: причины и последствия // Социологические исследования. — 2010. — № 12.

Т. В. Фаненштиль (Барнаул)

ИНТЕГРАЦИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ПОДХОДОВ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ АНАЛИЗЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В философской и социогуманитарной мысли существовало и продолжает иметь место стремление к обобщению многочисленных подходов. Делается это с целью оптимизации исследования предмета со-

циально-философского знания. Взяв пограничность за основу характера повседневного взаимодействия социальной реальности и субъекта, мы приходим к необходимости постановки исследования через противопоставление присущих повседневности характеристик.

Однако изучение характеристик повседневности в рамках социогуманитарных наук производится с применением различных подходов. Задаваясь целью целостно рассмотреть характер повседневного взаимодействия социальной реальности и субъекта, мы необходимо должны обратиться к методологическим тенденциям и вариациям, так или иначе выявляющим содержание повседневности и ее пограничный характер.

Так, разработка структурных характеристик повседневности прежде социально-философского поля была произведена в тех отраслях социогуманитарного знания, которым доступны методы выделения макроструктур и изучение социального микроуровня жизни: в области исторических, культурологических, в ряде социологических исследований. Например, статические характеристики повседневного взаимодействия логично обнаруживаются в исторических исследованиях, где возможно выделить глобальные структуры накопленного повседневного опыта. Мир-системный анализ Ф. Броделя, Ж. ле Гоффа, И. Валлерстайна, А. Лефевра осуществляет попытку универсализировать изучение повседневной жизни человека, сделать его научносистемным. А. Лефевр подчеркивает опосредующий характер повседневности между социальными условиями существования конкретного субъекта и его природой. Однако культурное, по большому счету, производство повседневного опыта указывает на плачевные последствия рационализации: «Структуры — естественные и социальные — ... раньше не были предметом познания и именованя. Одновременно и связанные друг с другом, и различающиеся, они были частью недифференцированного целого» [1, с. 185]. Предельно рациональное понимание повседневности как набора функций выявляет статику повседневности, однако почти исключает ее динамику, нерационализируемую составляющую и вместе с этим лишь подчеркивает непонимание целостного характера повседневности. Именно здесь и оправдывает себя интеграция междисциплинарных подходов, так как возможность нисхождения на уровень субъектной конкретности предполагают уже социальные исследования. И тогда: «...обыденную жизнь, функцию теорий обыденной жизни и определенных практических действий можно тематизировать различными способами, например, исходя из субъекта, из объективно существующего мира тел, из социальных отношений, из процесса языкового обще-

ния или из становящихся автоматическими действий», — заметил Б. Вальденфельс [2, с. 39].

Феноменология обращается к анализу роли субъекта в повседневном взаимодействии в контексте проблемы репрезентации его телесности. Феноменологический подход, выявляя и настаивая на неизбежной субъективности повседневного опыта, ставит под вопрос возможности субъекта вырваться из плена субъективности личного опыта и естественной установки, ставит под сомнение сам факт существования мира и его реальности, а также легитимность субъектной телесности. М. Мерло-Понти, занимаясь исследованием в этом направлении, считал, что направленность мира к человеку и человека к миру — это символ их единства, а не их раздробленности и противостояния.

Также сохранить определенное равновесие статики и динамики, ссылаясь на структурные особенности повседневности, пытается в своем исследовании И. Гоффман. Он объективирует повседневность в качестве той или иной ситуации, предполагающей свою структуру и технологию, организацию, возможность познания. Элемент всеобщей предзаданности алгоритмов поведения, правил поведения с целью сохранения социального порядка, а также элемент, определяющий специфичность социальной реальности местом той или иной ситуации, своеобразным критерием отбора нужных алгоритмов и правил из всего многообразия И. Гоффман сводит к проблематике взаимодействия с самым «нижайшим» структурным элементом непосредственного существования человека — фреймом. Среди вышперечисленного И. Гоффман отдает предпочтение именно восприятию и поведению человека всех установленных сверху регламентов ситуаций.

Возможность проанализировать динамику повседневности, а также обратиться к анализу ее содержания через тактики и стратегии практик, как языковых, так и фоновых, позволяет анализ прагматики повседневного языка и постулат следования правилу, предложенный еще Л. Витгенштейном. Противостояние этому содержанию повседневности выявляет возможность самоинтерпретации в повседневном опыте и действиях, что тесно связано с медиальностью повседневности, которая в свою очередь противопоставляется выявленной ранее ее исторической и социальной контекстуальности.

Контекстуальность и медиальность повседневности в призме репрезентации телесности субъекта выражаются через противопоставление наглядности и подручности повседневности. Подручное неоднократно выявляется исследователями в использовании слов, ве-

щей. Подручность указывает на действия и поведение конкретного субъекта и незаметность этого для общего социального контекста, а также на то, что субъект изначально обнаруживает себя в контексте подручного, а не создает этот контекст. Наглядность повседневности можно рассматривать, как это предлагает В. Н. Сыров [3], через систему методов аналитической философии, где повседневность понимается как специфическая знаковая система.

Осмысляя повседневность в категориях присутствия и значения, Х. У. Гумбрехт веско аргументирует в пользу второго, однако не отрицает того, что именно состояние постоянного несовершенного перехода между значением и присутствием обеспечивает совмещение и акцентирование столь противоречивого характера повседневных практик. Существует понимание того, что нет четкой границы перехода между присутствием и значением, между сказанным словом и написанным, между чтением и письмом, между чтением и речью. Переход повседневности из присутствия в значение — возвратно-поступательное движение «раскрытия» и «удаления» [4, с. 78], как пишет Х. У. Гумбрехт.

Соединяя преимущества структурного и феноменологического подходов к повседневности через взаимосвязь категорий перформанса, ритуала и мимезиса, К. Вульф в рамках исторической антропологии рассматривает повседневное взаимовлияние субъекта и социальной реальности, которое удерживает и формирует социальность.

При анализе структуры повседневности, в исследованиях И. Гоффмана, К. Вульфа, Б. Вальденфельса, а также А. Шюца мы сталкиваемся со следующим показателем. Повседневность, представляющая собой огромный пласт периферийного существования для научного исследования единственно, когда может обнаружить себя — это в момент нарушения алгоритмов, структур, границ. И исследование сводится к выяснению этих самых границ.

Во многом это связано с тем, что повседневность и повседневные практики определяются как отсутствующий дискурс. Поэтому при создании теории повседневных практик можно подойти к ним как к видам процедур — схематического осуществления действий (алгоритмов) — и выявить повторяющееся. Однако исследовательская деятельность И. Гоффмана и М. де Серто показывает, что подобный ракурс может лишь сфабриковать театр повседневных практик, но не раскрыть их действительных особенностей. Подобная угроза всегда существовала и относительно структурных методов анализа повседневности. Для того чтобы учесть эту опасность, теория должна описывать свои границы, пределы возможностей, правила производ-

ства. Повседневные практики относятся исследователями к роду второстепенных практик именно потому, что их задача вовсе не организовывать дискурс, обладая системообразующим значением, а присутствовать и за счет присутствия организовывать становление как индивидуального тела субъекта, так и коллективного.

Учитывая такие особенности повседневных практик, теория может избежать опасности кругового замкнутого на себя движения, когда она, создавая модели реальности, пытается учесть изучаемую реальность и, при этом, позволяет существовать лишь своему видению и пониманию этой реальности, которые основаны, в свою очередь, на возведенных моделях. Есть и иная опасность, можно сказать, прямо противоположная (о чем предупреждают П. Бурдьё, И. Гоффман, М. де Серто). Речь идет о том, что теория повседневных практик может предстать в виде перечисления ситуаций или анализа тактик описания ситуаций. Этому может поспособствовать неверно истолкованное положение К. Вульфа о том, что каждая повседневная ситуация уникальна и одновременно с этим обладает «семейным сходством» [5]. Так, перечислив их, а затем разбив на виды по тем или иным основаниям, якобы мы можем выделить сущностные особенности данного вида практик. Однако это далеко не так. В свое время это доказывает структурный анализ повседневности: структура повседневности вовсе не есть нечто незыблемое и раз и навсегда данное, скорее это попытка схватить содержательное ядро повседневного уровня взаимодействия социальной реальности и субъекта с целью разобратся в нем.

Преодолеть своеобразную одномерность, одноплоскостность, внутреннюю недифференцированность в описании повседневного взаимодействия человека и общества помогает, с точки зрения В. С. Барулина, «вертикальная», или уровневая методология, которая работает на аналогии внутреннего устройства человека и дифференциации общественного мира. В. С. Барулин указывает, что приоритет общественных уровней над человеческими — это не реальная данность, а методологический прием. Однако для нашего исследования методологические изыскания отечественного мыслителя являются еще одним аргументом в пользу социально-философского анализа, имеющего возможность выстраивать интеграцию междисциплинарных подходов изучения повседневности и ее пограничного характера, сочетая в себе основы структурного метода, теорий практик языковых и фоновых, феноменологических методов философии и теории социологии, социального интеракционизма, уровневой методологии. Подобные изыскания создают возможность целостного рассмо-

трения содержания повседневности, которое и может быть выявлено в ходе противопоставления ряда ее характеристик.

Библиографический список

1. Лефевр А. Повседневное и повседневность // Прогнозис. — 2010. — № 1 (20). — С. 185–189.
2. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигель рациональности // Социологос. — 1991. — Вып. 1. — С. 39–50.
3. Сыров В. Н. О статусе и структуре повседневности (методологические аспекты) // Личность. Культура. Общество. — 2000. — Т. 2. Спец. выпуск. — С. 147–159.
4. Гумбрехт Х. У. Производство присутствия: Чего не может передать значение / пер. с англ. С. Зенкина. — М, 2006. — 184 с.
5. Вульф К. К генезису социального. — СПб., 2009. — 164 с.

В. В. Нагайцев (Барнаул)

ЭТНИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В начале XXI в., в условиях социокультурного и этнического разнообразия, стремительно растет интенсивность взаимодействия различных социальных субъектов. Возникающие при этом конфликты современные исследователи оценивают как вполне нормальное и закономерное социальное явление [1, с. 395–399]. Необходимо также признать, что конфликты — это неизбежный тип межэтнического взаимодействия в любом обществе. Этнос, этническая общность (*от греч. ethnos — народ*) — устойчивое культурно-историческое объединение людей, сложившееся на основе племенного родства, единства бытовой культуры (включая язык общения, религиозный культ, нормы повседневного поведения и др.), существующей (или существовавшей) общности территории обитания и обладающее сознанием своего единства и отличия от всех других подобных этнических образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме) и «исторической памяти» [2, с. 242]. Этничность — это постоянная (пожизненная) характеристика человека, в отличие от, скажем, его профессии, должности, семейного положения, места жительства и т. п. В повседневной жизни человек, как правило, не акцентирует внимание на своей этнической принадлежности. Однако в условиях социального конфликта с сопутствующими ему психологическим

дискомфортом, чувством ущемления собственных интересов, он сознательно или бессознательно в поисках поддержки и защиты идентифицирует себя с определенными социальными группами и общностями. При этом этническая принадлежность является наиболее доступной формой самоидентификации. Конфликт в сфере межэтнического взаимодействия (межэтнический конфликт) — столкновение и противодействие между представителями различных этнических общностей, обычно проживающих в непосредственной близости. Так как «национальность» в русском языке обычно означает то же, что и «этническая принадлежность», то его часто называют межнациональным конфликтом. Это распространенный вид социального конфликта, обладающего некоторыми особенностями. Спецификой межэтнического конфликта является присутствие такого структурного параметра, как дихотомия «мы — они» (или «свой — чужой») в позициях его участников. Данная модель отражает «пристрастную» оценку ситуации участником конфликта: мы — «всегда положительные, вежливые, всем помогающие, терпимые»; они — «резко отрицательные, опасные, доставляющие беспокойство и т. д.».

Одной из основных причин возникновения этнических конфликтов являются взаимные территориальные притязания этносов. Несмотря на существующие границы, определенный этнос апеллирует к прошлому, когда данная территория принадлежала его большой социальной группе. Привязанность к «земле предков» чрезвычайно сильна, присутствует на подсознательном уровне, подпитывается повторением мифов и легенд. Территориальные споры этносов особенно трудно поддаются урегулированию и разрешению, о чем свидетельствуют яркие примеры «замороженных» и «тлеющих» конфликтов на постсоветском пространстве (карабахский конфликт; баткенские события в Киргизии; конфликт в Приднестровье; ситуация на востоке Украины и др.). Сюда же можно отнести произвольное установление или изменение границ государств, автономий и других административно-территориальных образований без учета интересов проживающих там этносов; насильственные переселения и депортацию народов. Существуют социокультурные причины межэтнических конфликтов, когда, например, одним из этносов не разделяются ценности, принятые в данном государстве или в нем создаются препятствия для развития родного языка, национальной культуры и гарантированных прав национальных меньшинств. Экономические причины межэтнического конфликта могут возникнуть в случае, если тот или иной этнос будет ущемлен другим этносом в распоряжении материальными ресурсами государства.

Большую роль в возникновении межэтнических конфликтах играют политика, экономика, идеология (национализм, сепаратизм, коммунизм, антикоммунизм и т. д.) и религия. При их помощи можно четко отделить «наших» от «не наших». При этом пропаганда очень быстро доводит образ «не нашего» до образа врага, путем технологий «демонизации» оппонентов. Подключаются исторические архитипы и мифологические образы [3, с. 23–24]. Таким образом, причин межэтнического конфликта (социокультурных, исторических, политических, территориальных, экономических) может быть сколь угодно много. Но чаще всего этносы специально «рядятся в национальные костюмы», чтобы скрыть истинные причины возникшего конфликта. В большинстве случаев происходит намеренный перевод конфликта в зону межэтнических отношений субъектов из других сфер.

Межэтническая напряженность — особое состояние взаимодействия этнических общностей, которое формируется комплексом неблагоприятных внешних условий, сталкивающих интересы этносов, дестабилизирующих их взаимодействие и затрудняющих его развитие. Это не только социально-психологический фон конфликта, но и мобилизация коллективных массовых ресурсов для защиты интересов каждого этноса. Одним из важных компонентов формирования межэтнической напряженности является история межэтнических отношений. Историческая память народов хорошо фиксирует обиды и различные конфликты, которые уже случались в их взаимоотношениях. Это часто используется, чтобы возобновить конфликтность, вспоминаются старые проблемы в отношениях. За счет создания толпы, например на митинге, индивид переходит в состояние эффекта амока, который приобретает только за счет толпы, происходит усиление эмоциональной волны, как правило, тревожного или агрессивного содержания, здесь очень велика вероятность перехода к насилию, что еще более усиливает межэтническую напряженность. Значительное усилие напряженности придают слухи, которые циркулирует благодаря неформальным источникам. Межэтническая напряженность может быть в диапазоне от простой фоновой напряженности до открытых агрессий между народами.

В течение последних трех лет произошло значительное снижение общего уровня межэтнической напряженности в регионах России. И, в целом, современную этноконфликтную ситуацию в стране можно охарактеризовать как вполне стабильную и достаточно спокойную. Убийства на национальной почве; активность некоторых политических лидеров с эксплуатацией этнической тематики; насильственные действия на межэтнической почве, бытового харак-

тера, серьезные межэтнические столкновения в Интернете — были единичными случаями, а вооруженных межэтнических конфликтных противодействий, каких-либо массовых насильственных столкновений не было вообще.

Межэтнические конфликты не поддаются быстрому и окончательному разрешению. Быстрое решение конфликта может означать только полное уничтожение какого-либо этноса. Необходимо поэтапное, мирное и конструктивное урегулирование и решение межэтнического конфликта. Для этого противоборствующие этносы должны найти общие интересы и взаимовыгодные варианты решения конфликта. На этой основе должны быть выработаны общие правила игры и нормы поведения в конфликте. Способы урегулирования межэтнического конфликта зависят от множества факторов: насколько быстро он разрастается, какую территорию занимает, каков процент населения вовлечен в конфликт и др.

Библиографический список

1. Пустовалова Е. В. Междисциплинарный характер конфликтологического знания // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 3. — Барнаул, 2011. — С. 395–399.
2. Жеребило Т. В. Этнос // Термины и понятия социолингвистики : словарь-справочник. — Назрань, 2011. — С. 242.
3. Травина Е. М. Этнокультурные и конфессиональные конфликты в современном мире. — СПб., 2007. — С. 23–24.

Раздел II

**ОБРАЗОВАНИЕ
КАК СОЦИАЛЬНЫЙ
ИНСТИТУТ**

Е. А. Попов (Барнаул), М. М. Мукашева (Семей)

ТЕХНОЛОГИИ ЗНАНИЙ В УСЛОВИЯХ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ СОЦИОЛОГИИ

В современной системе профессионального образования вопрос о качестве подготовки специалистов, как известно, стоит довольно остро. Он касается, разумеется, воспитания не только социологов, от которых требуется ни много ни мало продемонстрировать сформированное в процессе обучения социальное мышление, но и других специалистов по самому широкому кругу направлений. Часто, когда речь заходит о гуманитариях, появляется термин «привитие»: привитие философии, привитие культурологии, очевидно, имеет право на существование и привитие социологии. Между тем «привитие» не должно означать какую-то формальную процедуру, которая представляет собой набор дидактических единиц. Очевидно, что этот процесс простирается и в форму, и в содержание образования. Но важно разобраться, нужно ли двигаться по пути ремесленническому — научить социолога азам ремесла и дать ему технологии для наращивания опыта применения знаний и умений на практике или же имеет смысл проявить заботу о формировании того самого социального мышления, которое вроде бы должно способствовать личностному росту профессионала (или все же профессиональному росту личности?). В этой перестановке фраз, на самом деле, заключается основной принцип подготовки специалиста-социолога: социальное мышление необходимо любому здравомыслящему человеку, а вот привитие социологии должно быть обеспечено в том числе и образовательным процессом, устанавливающим приоритеты в познании общества.

Проблем с корпусом социологов за длительную историю отечественной социологической науки и социологического образования накопилось изрядное количество — не предмет настоящей статьи их скрупулезно обсуждать. Но один из сложных моментов все же как никогда заслуживает нашего внимания.

Вернемся к вопросу о привитии социологии в системе подготовки бакалавров и магистров. С одной стороны, уже практически все примирились с многоступенчатой системой вузовской подготовки и отмечают некоторые ее преимущества, с другой стороны, нельзя не обратить внимание на сам переход из бакалавров в магистры социологии, который не столь уж однозначен: степень магистра не всегда дает гарантию продвинутого социального мышления и отточенного мастерства в социологии. Например, на факультете социоло-

гии Алтайского университета, которому уже более 25 лет, накопился примечательный опыт развития магистратуры и обнаружился ряд проблем, которые нуждаются в разрешении. Проблемы эти носят системный, а не локальный характер, а потому нуждаются во внимании со стороны исследователей.

Привитие социологии в рамках бакалавриата и магистратуры — вещи различные не только по набору дисциплин, основной цели подготовки, выбору профиля (социология права или какого-либо другого), но и по *технологиям знаний*. К знаниям теперь принято прибавлять умения и навыки, однако вопрос об их дифференциации, на наш взгляд, не имеет принципиального значения: в любом случае социология для человека начинается со знаний и их технологий, если речь идет о привитии социологии. К тому же следует учитывать, что «общество знаний, которое вполне может стать перспективой России, отнюдь не следует представлять раем на земле» [1, с. 20]. В этом образном выражении скрывается, по сути, ожидание тех сложностей, которые сулит общество знаний и, собственно, сами знания, поскольку не всегда человек имеет подготовленность к постижению тех или иных знаний. Но на самом деле общество знаний уже наступило, а главной его приметой можно считать технологии знаний. Среди них свое место занимает и привитие знаний — привитие социологии. И как бы ни характеризовались образовательные общности в условиях социальной неопределенности [2, с. 7–10], качество знаний и его мера становятся ведущим символом современного образовательного пространства.

Технологии знаний представляют собой вовсе не перечень новаторских педагогических приемов и способов научения человека чему-либо, а инструменты для осмысления жизни. Как писал А. Ф. Лосев, «если мы хотим осмыслить жизнь, а не чего-нибудь другое, то нужно брать какие-то идеи, которые не есть просто сама же слепая жизнь, но нечто такое, что выше жизни и может ее осмыслить» [3, с. 27]. Осмыслить жизнь может и общество знаний, но в меньшей степени, чем человек, которому привитие социологии позволит продуцировать новые идеи и по возможности воплощать их в жизнь. По-видимому, недостатком любых прорывных процессов в политике, финансах, образовании зачастую является либо отсутствие идей, либо перепроизводство уже знакомых идей, которые не всегда могут сулить ожидаемую смену приоритетов или изменение жизни в лучшую сторону.

Итак, следует признать, что наличие передовой или новаторской идеи — довольно важный атрибут технологии знаний. Обучающиеся нередко ставят вопрос о том, зачем им нужно то или иное знание —

физики задают такой вопрос про социологию, географы — про культурологию, филологи — по отношению к математике и т. д. Очевидно, что подобная ситуация свидетельствует о том, что знания могут быть востребованы тогда, когда человек понимает возможности их применения. Не всегда тезис, согласно которому знания должны воспитывать не только профессионала в своем деле, но и высокообразованного и культурного человека, воспринимается адекватно и обучающиеся готовы ему последовать. Но на уровне идеи все может измениться. По мнению исследователей, «социолог не может стоять вне определенной системы ценностей; от его нравственной позиции зависит то, каких научных успехов он добьется и какое влияние на общество сможет оказать» [4, с. 11]. Возможно, в качестве главной идеи социологии может рассматриваться именно возможность влияния на общество. Значит, в этом случае необходима такая технология знаний, которая приветствует социологу такие способности. Трудно переоценить важность наличия такой идеи для успешности притока науки или конкретных знаний. Такая генеральная линия имеется у каждой научной дисциплины и даже целой отрасли знаний — она объясняет, по сути, роль знания в развитии какой-либо сферы человеческого индивидуального или коллективного бытия.

Но своя идея содержится и в специфике подготовки бакалавров и магистров социологии. Для бакалавров важным звеном в притоке социологии становятся следующие моменты:

1. *Четкая фиксация научного статуса социологии*; лишь на первый взгляд данный вопрос кажется несложным, и бакалавр усваивает основной признак социологического знания как знания об обществе, однако на протяжении всего обучения приходится все время корректировать эту устойчивую позицию: социология — это наука об отношениях общества, человека и культуры. И, по-видимому, к этому триумvirату следует добавить и государство. Таким образом, сегодня сводить социологию только к изучению общественных явлений и процессов вряд ли резонно. В то же время бакалавру требуется убедительно обосновывать именно такое положение вещей в социологии.

2. *Определение границ междисциплинарного взаимодействия наук и знаний*; в силу того, что современное состояние развития науки во многом характеризуется установлением междисциплинарного взаимодействия, некоторые области знаний могут утратить свою выраженную специфику и их стремление к так называемому комплексному анализу угрожает потерей приоритета основных методологических подходов, активно используемых в социологии. Бакалавру следует зафиксировать мысль о том, что социология, не устраня-

ясь от междисциплинарного сотрудничества наук и знаний, остается на собственном рубеже теоретико-методологического развития и не теряет своих исследовательских принципов.

3. *Методическая устойчивость при проведении эмпирических исследований* вызвана необходимостью придерживаться определенных методических стандартов в исследованиях, проводимых социологами. В основной своей массе начинающие социологи тяготеют к количественным методам, это влияет на формирование стереотипа «опросной социологии», которую даже и наукой не всегда можно назвать, однако как технология получения информации по какому-либо актуальному вопросу она вполне себя зарекомендовала как эффективный инструмент. Бакалаврам социологии надлежит установить жесткое правило относительно методической устойчивости, когда следует избегать соблазнов быстроты исследования, чреватой погрешностями или фальсификациями данных, и применения только одного метода, например, анкетного опроса. Во избежание ситуации, когда «смысл прикладной социологии заключается в решении поставленной перед социологами конкретной задачи или легитимации, в оправдании в глазах общества уже принятых решений» [5, с. 43], исследовательская культура бакалавра социологии должна формироваться с учетом методической устойчивости при осуществлении любых прикладных исследований.

4. *Ранжирование актуальных тем, востребованных у социологов при проведении конкретных исследований*, позволит избежать инерции в разработке социологической проблематики. В стане социологов нередко возникает узкая специализация при изучении различных общественных отношений (социологи права, образования, экономики и т. д.) — это обстоятельство приводит к тому, что исследователи выбирают одни и те же проблемы для изучения и из года в год составляют пространные отчеты, содержащие огромное количество цифр и графиков. Субъективный выбор социологом предмета исследования определяется его интересом, задачами, наконец, доступностью методик и очень часто фактором времени, отводимого на осуществление конкретного социологического исследования. По замечанию Г. Г. Татаровой, «бесконечный процесс атомизации теоретического знания создает некий дискомфорт, но в рамках своего предметного поля исследователи его ощущают не так сильно» [6, с. 76]. Действительно, социологи одновременно и консервативны в выборе темы исследования, и в то же время избирательны — в первом случае они склонны изучать одну и ту же проблему на протяжении довольно продолжительного периода, во втором — стараются остановить

свой выбор на такой теме, которая бы позволила получить «запланированные» результаты. Для привития социологии бакалавру необходимо предоставлять возможности изучать разные темы и находить свои подходы для их рассмотрения. В противном случае обучающиеся в большинстве своем сумеют на должном уровне провести исследование, например, миграционных процессов или образовательных, но будут беззащитны и уязвимы, когда обратятся к проблематике искусства, духовной жизни, исторической памяти, ментальности и т. д.

Какие же возможности для бакалавра открывает образовательный стандарт, если речь идет о привитии социологии и о необходимости учитывать те моменты, которые были отмечены выше? Стандарт, в частности, определяет, что «объектами профессиональной деятельности выпускников, освоивших программу бакалавриата, являются: социальные процессы и структуры на макро- и микроуровнях, социальные общности и социальные отношения внутри этих общностей и между ними, общественное сознание, а также результаты и способы воздействия на социальные общности и социальные отношения». Подобные установки социологического образования определяют именно объекты профессиональной деятельности социолога, но широта проблем, с которыми может столкнуться специалист в своей сфере, иногда выходит за рамки представленного перечня. Иными словами, стандарт дает ключевые позиции в обучении социологии, но привитие данной науки возможно только в условиях проблематизации различных сторон человеческого коллективного и индивидуального бытия. На этот счет, к примеру, философы ведут разговор об онтологизации мира человека, но для социологов важен скорее не этот аспект исследования, а именно целенаправленный путь к решению острых проблем, сопровождающих человека и общество на протяжении всего времени их развития. Как утверждает Л. А. Маркова, приметой новой онтологии является «сама природа социальности», которая, как утверждает ученый, «оказывается причиной иного взгляда на многие привычные, не требовавшие прежде никакого специального обсуждения и обоснования понятия классического мышления» [7, с. 48]. Но, по большому счету, природа социальности предполагает рождение новых идей, обеспечивающих консолидацию общества, а идеи, как уже говорилось выше, должны становиться основой привития любого знания, в том числе и социологического. Речь здесь не идет о национальной идее, хотя, конечно же, рецепцию социологии трудно представить без этого ключевого для развития человека и общества символа единения. Главное, чтобы социолог в наименьшей степени был зависим от идеологий и политики в том смысле, что-

бы такое воздействие никоим образом не сказывалось на выполнении им своих профессиональных функций. Эта цель — превыше всего. А пока зачастую можно столкнуться с ситуацией, когда «молодые социологи, будучи не в состоянии сформулировать конкретную тему, объект, предмет, цель и задачи социологического исследования, используют вместо этого собирательное слово „социология“» [8, с. 46].

Библиографический список

1. Алексеев И. Ю., Алексеева А. П. Какой посткапитализм нужен России? // Вопросы философии. — 2014. — № 10. — С. 14–24.
2. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Теоретические основания концепции динамики образовательных общностей в условиях социальной неопределенности // Социология образования. — 2016. — № 6. — С. 5–17.
3. Лосев А. Ф. Страсть к диалектике. — М., 1990. — 320 с.
4. Добреньков В. И., Кравченко С. А. Социополитический активизм: критика и диссидентство // Вестник Моск. ун-та. — Серия 18: Социология и политология. — 2014. — № 4. — С. 5–18.
5. Шевченко В. Н. Публичная философия: между академической философией и идеологиями политических движений // Философские науки. — 2014. — № 1. — С. 42–57.
6. Татарова Г. Г. Когерентность интеграционных процессов как условие повышения качества эмпирических исследований в России // Социологические исследования. — 2014. — № 7. — С. 72–84.
7. Маркова Л. А. На пути к новой онтологии в философии науки // Вопросы философии. — 2013. — № 11. — С. 40–50.
8. Осипова Н. Г. Отраслевая матрица современной социологии: кризис дивергенции // Вестник Моск. ун-та. — Серия 18: Социология и политология. — 2013. — № 2. — С. 29–51.

А. Ю. Бендрикова (Барнаул)

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ТРУДОУСТРОЙСТВА ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Высшее образование в настоящее время воспринимается как формальное требование работодателя, как необходимое, но недостаточное условие получения рабочего места в эффективном сегменте рынка труда. Часто высшее образование, даже там, где ранее его не требовалось, должно быть подкреплено дополнительным образова-

ем, направленным на углубление или специализацию знаний и умений. Присущие трудовой сфере сложность и динамичность порождают нередко у молодых специалистов неточные представления о ней, вызывают у них неадекватные ожидания. С другой стороны, во многих случаях работодатель не получает того работника, который ему нужен. Указанные обстоятельства актуализируют изучение взаимных ожиданий работодателей и специалистов — выпускников вузов, чтобы приблизиться к решению целого ряда проблем. Разнообразие навыков, необходимых в профессиональной деятельности, предполагает постоянное переобучение. Происходит, по утверждению Г. Перкина [1, с. 37], третья профессиональная революция, начало которой он датирует 1970 гг., когда глобальная конкуренция выдвигает на первый план высокообразованных людей свободных профессий. Подобных людей Г. Перкин называет транспрофессионалами, которые должны быть готовы за счет своего мышления и способов организации деятельности работать в различных профессиональных средах. В таких условиях на первый план выдвигается требование к выпускникам вузов в овладении соответствующих компетенций, дающих возможность специалисту свободно адаптироваться, ресоциализироваться, переквалифицироваться на рынке труда. В обществе, социально-экономическое развитие которого построено на механизме добросовестной конкуренции, основными инструментами, обеспечивающими вертикальные продвижения, являются образование и профессионализм.

П. Сорокин показал, как различные институты выполняют роль механизмов социальной циркуляции, своеобразных социальных лифтов, перемещающих людей вверх и вниз. Так, система экономики обеспечивает и социализацию личности, и ее вертикальную мобильность с точки зрения профессионального мастерства и обеспеченности. Система образования обеспечивает не только социализацию личности, ее обучение, но в роли своеобразного социального лифта позволяет способным и упорным подняться на высшие этажи социальной иерархии [2, с. 148].

Уровень образования также влияет на субъективную оценку условий жизни, общее настроение. Опыт развитых стран свидетельствует о том, что наличие развитого сектора высшего образования и науки является основополагающим фактором для роста региональной конкурентоспособности.

Исследования выявляют многофакторность родительского влияния на профессиональный выбор и профессиональные достижения детей, которые определяются как социальным статусом, профессио-

нальным примером, так и особенностями повседневного поведения, наставлениями, пожеланиями родителей и другими обстоятельствами. Европейская традиция связывает социальную активность молодежи, прежде всего, с мобильностью и участием молодых граждан в общественной жизни на местном и региональном уровне. Молодежная политика администрации края будет направлена на создание условий для эффективной реализации потенциала молодежи, поддержку молодежного предпринимательства, содействие занятости этой категории населения края [3].

Стратегическая миссия Алтайского края заключается в превращении его в динамично развивающийся, геополитически значимый и удобный для жизни регион, в территорию успеха, здоровья и благополучия ее жителей. Главная цель социально-экономического развития Алтайского края на период до 2025 г. — достижение высокого уровня и качества жизни населения, основанного на опережающих темпах инновационного экономического роста, усилении стратегических позиций региона в аграрном, промышленном и туристическом комплексах России [3]. Рост экономических показателей края, развитие производства требуют акцентировать все большее внимание на подготовке рабочих кадров. Кроме того, система начального и среднего профессионального образования, осуществляя переподготовку безработных граждан и незанятого населения, выполняет важнейшую социальную задачу. Вопрос профессионального самоопределения является для опрошенных респондентов в возрасте от 20 до 30 лет самым актуальным. Профессиональная деятельность является для них каналом вертикальной социальной мобильности для последующего карьерного роста и изменения социального статуса.

Большое значение для понимания сущности процесса трудоустройства выпускников вузов на современном этапе социально-экономического развития в России имеют исследования С. С. Балабанова, Н. В. Гончаровой, А. В. Меренкова, И. А. Пашинян, М. Н. Руткевича, Г. А. Чередниченко, Д. А. Шевченко.

В период глобальных общественных трансформаций все сферы жизнедеятельности российского общества подвержены в той или иной мере изменениям. В частности, это относится к высшему образованию, к которому предъявляются новые требования со стороны государства, предприятий различного сегмента, бизнес-сообществ: к повышению качества профессиональной подготовки будущих специалистов, совершенствованию образовательных технологий, академической мобильности преподавателей и студентов, профессиональной гибкости преподавателей, организационным услови-

ям деятельности вузов и многим другим аспектам. С целью изучения проблем трудоустройства молодежи, взаимных ожиданий специалистов — выпускников вуза и работодателей в 2016 г. было проведено социологическое исследование качества образования выпускников вуза с точки зрения экспертов-работодателей. Всего в ходе исследования опрошено 45 работодателей-экспертов, которые оценивали качество подготовки выпускников нескольких факультетов АлтГТУ. Опрошенным экспертам также было предложено оценить степень развития некоторых профессиональных и личностных компетенций выпускников АлтГТУ.

Поскольку для вуза важнейшее значение имеет качество обучающихся, на первый план выступает необходимость оценки знаний, компетенций работодателями [4, с. 32]. В федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования среди принципиальных требований, подлежащих неукоснительному соблюдению, находятся те, которые относятся к усилению взаимодействия высшей школы с рынками труда, с многообразными социальными партнерами.

Одной из задач вуза является ориентация на запросы реального рынка труда, складывающегося в регионе. В ходе опроса работодатели указали профиль специалистов, в которых наиболее остро нуждается в настоящее время их организация, предприятие, учреждение. В основном наблюдается заинтересованность в подготовке инженерных кадров, что соответствует профилю АлтГТУ и является одним из преимуществ в конкуренции за статус опорного вуза в регионе.

Несмотря на положительные в целом оценки, необходимо отметить, что, по данным статистики, Алтайский край является одним из регионов, имеющих ниже среднего удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации. Однако, как известно, в инновационной деятельности помимо человеческого ресурса важную роль играет и ресурс финансовый. Следовательно, несмотря на имеющийся в регионе инновационный человеческий потенциал (в том числе представленный выпускниками АлтГТУ), недостаток финансирования не позволяет краю выйти на средние позиции в данной сфере [5].

Отмечая в целом плодотворность научных исследований в области поведения выпускников вузов на рынке труда, следует отметить, что в современном социальном знании преобладает интерес к разработке социально-психологических основ процесса трудоустройства в ситуации поиска и устройства на работу молодыми людьми, закончившими высшее учебное заведение. Значительно меньше внимания уделяется исследованию поведения молодых людей на рынке труда,

начиная с окончания школы и заканчивая трудоустройством по завершении получения образования в высшей школе. Таким образом, одной из важных задач, стоящих перед социологами, является необходимость исследования стратегий поведения выпускников вузов.

Несмотря на преимущества молодого возраста и высокий уровень образования, не всегда дает желаемый результат поиск работы выпускниками учреждений высшего и среднего профессионального образования. В итоге многие молодые люди не могут найти достойное применение своим профессиональным знаниям, навыкам и умениям, устраиваются не по специальности, в те организации, которые предлагают выгодные условия в настоящее время, пренебрегая перспективами профессионального роста. Большинство невостребованных молодых специалистов находят себя в интенсивно развивающейся сервисной экономике, которая позволяет им занимать более или менее подходящие позиции (менеджер торгового зала, менеджер по продажам, специалист по рекламе, сотрудник туристической компании и т. п.). Сфера торговли и услуг превратилась в одну из самых динамично развивающихся отраслей края.

На региональном рынке труда наблюдается дисбаланс между спросом и предложением рабочей силы, несмотря на рост вакансий за последние несколько лет.

Немаловажное значение имеет и то, что молодые люди, только вступающие в самостоятельную жизнь и не обладающие богатым трудовым и жизненным опытом, зачастую не способны принимать взвешенные решения в отношении выбора профессиональной карьеры. Даже получив высшее образование, многие из них не могут вырваться за пределы своего социального круга.

Как указывается в Стратегии социально-экономического развития Алтайского края до 2025 года: «Риск дефицита трудовых ресурсов будет минимизирован уже в среднесрочной перспективе на основе повышения эффективности сферы профессионального образования, создания региональной системы подготовки кадров, обучения и переобучения работников в соответствии с потребностями региональной экономики» [6].

Библиографический список

1. Аврамова Е. М., Верпаховская Ю. Б. Работодатели и выпускники вузов на рынке труда: взаимные ожидания // Социологические исследования. — 2006. — № 4. — С. 37–46.
2. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992. — 393 с.

3. Об утверждении стратегии социально-экономического развития Алтайского края до 2025 года: Закон Алтайского края от 21.11.2012 № 86-ЗС (принят Постановлением АКЗС от 19.11.2012 № 569) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.

4. Колесникова О. Н., Вышегурова Л. Р. Компетентностный подход и проблемы качества образования в условиях модернизации российского высшего образования // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 2 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2010. — С. 31–36.

5. Статистика инноваций в России // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. — URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/nauka/pril3.pdf (дата обращения: 22.12.2015).

6. Стратегия социально-экономического развития Алтайского края до 2025 года [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.altsovet.ru> (дата обращения: 12.09.2016).

А. В. Бускина, Е. В. Пустовалова (Барнаул)

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ УМК В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Современное профессиональное образование актуализировало необходимость разработки и внедрения новых форм организации процесса обучения. Одной из наиболее востребованных является дистанционная форма обучения. Основным средством ее реализации стало использование электронных учебно-методических комплексов (ЭУМК). «Главным их преимуществом является то, что электронные УМК предоставляют огромные возможности по включению студентов в работу с разнообразными средствами наглядности и компьютерными моделями, по организации интерактивного обучения и интенсификации мыслительной деятельности обучающихся» [1, с. 58].

Внедрение такого образовательного ресурса началось в области информационно-технологических и физико-математических дисциплин, где были достигнуты отличные результаты применения максимально возможного комплекса достижений в области информационных технологий. Постепенно область применения этого ресурса расширялась, охватив естественнонаучную, а затем и социогуманитарную сферу. Очевидно, что каждая сфера требовала адаптации технологии к специфике преподаваемых дисциплин.

Внедрение электронных УМК в социогуманитарную образовательную практику ставит перед преподавателями, проектирующими такой ресурс, определенные задачи. Одной из основных является необходимость преодоления стереотипа о специфике преподавания гуманитарных дисциплин, отвергающего всякую возможность унификации и стандартизации заданий для обучающихся. Задания в электронном УМК стандартизируются, как правило, только по форме, тогда как содержание поставленных перед обучаемым задач предполагает вариативность форм их выполнения. Кроме того, следует учитывать, что современные сетевые ресурсы, на основе которых создаются электронные УМК, обладают большим потенциалом для формирования обучающих средств, позволяющих реализовывать различные технологии обучения. Это методы контекстного обучения, реализуемые в деловой игре; проектный метод, основанный на пошаговом создании проекта в процессе освоения ЭУМК; методы проблемного обучения через решение проблемных заданий, в том числе с использованием аудиовизуальных элементов ресурса и т. д.

Еще одной задачей является необходимость конструирования ресурса, основанного на дистанционном, а значит, отсроченном взаимодействии преподавателя с обучающимися. Это обстоятельство заставляет не только совершенствовать навыки владения современными информационными технологиями, но и более тщательно прорабатывать сами учебные материалы.

Проектирование ЭУМК можно разделить на несколько этапов. Прежде всего, преподавателю необходимо определить, какие разделы и темы преподаваемых дисциплин можно осваивать дистанционно, без непосредственного общения с преподавателем. Они составляют основу лекционного материала, представленного в форме, соответствующей требованиям электронного формата. Затем нужно выявить смысловые опорные точки курса, которые непосредственно направлены на формирование компетенций будущего специалиста. Именно они являются базой для формирования практических заданий. Кроме того, необходимо решить мотивационную задачу, используя различные технологические возможности, часто выходящие за пределы стандартного формата ЭУМК, которые позволят сделать процесс обучения не только понятным и доступным, но и увлекательным и интересным. Такие возможности предоставляют: tagul, timeline, mindomo и др.

Успешной подготовке и реализации электронных УМК способствует изучение позиции студентов по поводу применения этой формы обучения. Ведь именно обучающиеся являются экспертами, способ-

ными определить, что именно в дистанционном учебном процессе для них оптимально организовано. В этом контексте преподаватели не всегда могут точно определить, какие из дистанционных форм организации учебного процесса будут наиболее успешно работать на выполнение образовательных задач. Как правило, преподаватели четко представляют, как организовать изучение материала, составляют контрольные тесты, следят за результатами, но при этом не могут заранее установить, что знают слушатели, чему им надо научиться, что мешает им работать оптимально.

Одной из возможностей повышения качества разработки и применения электронных УМК является эмпирическое исследование позиций обучающихся. В сентябре-октябре 2016 г. в Алтайском государственном университете такое исследование было проведено. Его основу составил анкетный опрос на тему «Отношение студентов к внедрению системы электронного обучения на образовательном портале АлтГУ». Всего в исследовании приняло участие 615 студентов.

Программа эмпирического исследования включала в себя два направления: изучение позиций обучающихся по поводу веб-сопровождения учебного процесса преподавателями, отражающих особенности существующей системы электронного обучения и сервисов образовательного портала АлтГУ; изучение характера взаимодействия субъектов образовательного процесса, его воздействия на отношение студентов к их профессиональной (учебной) деятельности. Фактически респонденты оценивали предлагаемые аспекты по пяти критериям, заложенным в содержание вопросов:

- 1) уровень доступности электронной обучающей среды и степень удобства для учебной работы;
- 2) качество и уровень занятий;
- 3) практическая значимость предлагаемых знаний для будущей профессиональной деятельности;
- 4) уровень организации учебного процесса;
- 5) качество формы и методики обучения.

Среди участников опроса были студенты, уже обучающиеся с использованием электронных УМК, и те, кому такая форма обучения еще предстоит. По результатам исследования было установлено следующее. Позиция первой группы респондентов позволяет приблизиться к их пониманию возможностей и инструментов системы электронного обучения университета. Ответы второй группы респондентов по предложенным аспектам выявили «типичного новичка», контуры его ожиданий для будущего профессионального роста, мотивации и приемлемого уровня сложности электронного обучения. В этом

отношении важна оценка респондентами стартовых функциональных возможностей LMS Moodle — образовательного портала Алтайского государственного университета.

Ответы на вопрос «Достаточно ли удобен для обучения, по Вашему мнению, образовательный портал АлтГУ?» иллюстрируют разный уровень оценки возможностей электронной образовательной среды университета. Лишь 10% опрошенных ответили на вопрос «нет», большая часть респондентов (58%) оценивает портал как удобный для своего обучения, что не тождественно высокой оценке уровня организации учебного процесса и качества методики обучения. Оценивая возможности электронного обучения в контексте улучшения качества образования (вопрос «Улучшится ли качество Вашего образования с использованием системы электронного обучения?»), 6% дали отрицательную оценку, 12% затруднились ответить, 13% выразили сомнения, 19% оценили такую возможность положительно. Однако большинство респондентов (51%) при положительной оценке выбрали вариант ответа, в котором существенную роль в организации эффективного электронного обучения отводится «наличию хороших методик». Это особенно важно с точки зрения роста качества образования в вузе [2, с. 77]. Можно отметить некоторую растерянность, выраженную в практически равномерном процентном соотношении по большинству позиций. Это наблюдение объясняется тем, что качество и эффективность применения ЭУМК измеряется, как правило, в большей степени на конечном этапе обучения в результате педагогического эксперимента или в реальных профессиональных ситуациях.

В части вопросов о мотивации использования дистанционных форм обучения часть респондентов уже мотивированы тем, что совмещают учебу с работой (18,37%), другая часть только планирует найти работу (27%), а некоторые студенты в условиях полного рабочего дня (5,53%) получают таким образом возможность продолжать обучение. В таких условиях у работающих студентов раньше появляется возможность апробировать полученные навыки и компетенции в профессиональных контекстах, вырабатывается способность принимать самостоятельные решения и готовность нести за них ответственность.

О важности этих составляющих для профессиональной состоятельности респондентов свидетельствуют ответы на вопрос об актуальных для студентов преимуществах электронного обучения. Ответы на вопрос «Какие преимущества электронного обучения на данный момент наиболее важны для Вас?» распределились следующим образом. Особые преимущества — обучение в комфортной и при-

вычной обстановке (49%), гибкость учебного процесса (44%), а также легкость обновления содержания и возможность архивации учебных материалов (38%) наряду с имеющимися целями обучения создают из формализованного электронного обучения среду высоких ожиданий. Такая среда в оптимальных замыслах должна быть индивидуализированной по отношению к каждому студенту и помогать вписывать учебную активность в образовательный маршрут освоения главной цели электронного курса.

В этом плане студенты отмечают, что для них существенен самостоятельный выбор того, каким образом, когда, как и, до некоторой степени, что они будут делать в курсе, то есть определенная часть из них так выстраивает персонализированный путь в профессию. Эти установки создают учебную среду, повышают мотивацию к учебе и помогают 66,34% опрошенных продолжить работу с дистанционными образовательными технологиями, полученными в процессе электронного обучения по выбранной специальности для дальнейшей профессиональной деятельности, а части — 10,89% респондентам сомневаться в действенности такой методики.

Оценка респондентами взаимодействия с преподавателями в рамках системы дистанционного обучения при ответе на вопрос «С какой целью Ваши преподаватели используют дистанционные технологии в электронном обучении?» демонстрирует смещение акцента на размещение учебных материалов (до 78,05%) и выдачу заданий для самостоятельного выполнения (67,32%). Фактически, эта стратегия преподавателей превращает курсы в файловые хранилища и не способствует доступности знания, получению обратной связи от студентов.

Эта тенденция проявляется в том, что преподаватель перестает онлайн-сопровождать свои курсы, выводит студента за рамки онлайн-среды ввиду пассивного сопровождения курса, предпочитает принимать задания по электронной почте и социальным сетям. По такому сценарию чаще всего в ЭУМК на Едином образовательном портале минимизируется обратная связь и перестают использоваться онлайн-инструменты для внедрения современных педагогических практик: перевернутый класс, смешанное обучение, мобильное обучение, проектное обучение и т. д. Студенты, стремящиеся к детальной обратной связи и к ее быстрому получению, такой формат обучения воспринимают плохо. Они хотят понимать, почему они что-то сделали не так, как можно сделать иначе и попробовать еще раз.

Таким образом, очевидно, что результаты исследования, полученные на данном этапе, помогут скорректировать педагогические

подходы к реализации онлайн-обучения средствами Moodle и задуматься об инструментах измерения эффективности применения ЭУМК в учебном процессе на фоне перемен на рынке труда. Именно это прогнозируют авторы «Атласа новых профессий», составленного по результатам «Форсайта компетенций — 2030» — совместного исследования АСИ и МШУ «Сколково», проведенного по методике Rapid Foresight. В дальнейшем эта методика помогла спрогнозировать потребности в кадрах Skills Technology Foresight, разработанной МШУ для Международной организации труда [3; 4]. Основное содержание этих компетенций становится все более предметным и практико-ориентированным. Фактически это значит, что акцент смещается с теории на реальные проекты студентов, в том числе их стартапы. Кроме этого, развиваются формы, в которых студент может одновременно учиться и работать. Поэтому, вероятно, главный вопрос развития электронной образовательной среды состоит не в глубине проникновения технологий, а в том, развивает ли такая система координат способности обучающегося, его личностные и умственные возможности, делает ли его реальным соавтором собственного обучения. Смысл такового обучения заключается в формировании нового, более эффективного поведения, в предоставлении более выигрышных путей приобретения навыков и знаний.

Библиографический список

1. Сиренко С. Н. Электронный УМК как инструмент интенсификации образовательного процесса: опыт проектирования и принципы эффективного использования (на примере курса «Основы педагогики») // Высшая школа. — 2011. — № 1. — С. 58–61.
2. Колесникова О. Н. Мониторинг качества образования в вузе: грани проблемы // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 4 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2012.
3. Аллен М. E-learning: как сделать электронное обучение понятным, качественным и доступным. — М., 2016. — 196 с.
4. Васильев К. О., Карпухин Н. В., Стригун А. И. Об одном подходе к оценке эффективности применения электронных учебно-методических комплексов // Ученые записки Международного банковского института. — 2014. — № 9. — С. 16–20.

О. В. Раззамазова (Барнаул)

ФОРМИРОВАНИЕ АКТИВНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНО ОРГАНИЗУЕМОГО И САМОУПРАВЛЯЕМОГО ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Открытие европейских границ, миграционное движение, сотрудничество в международных организациях, а также глобализация превратили способность общаться не только на родном, но и на иностранных языках в одну из ключевых квалификаций. Способность излагать в устной и письменной формах на иностранном языке свои интересы, точку зрения, ценностные представления, а также понимать и адекватно оценивать интересы, представления других людей является неременной составляющей любой формы образования.

Это имеет всеобщее значение — как в сфере конкуренции за рабочие места на рынке труда, так и для расширения возможностей по устройству собственной жизни через право свободного выбора места жительства, для расширения жизненного кругозора через опыт, приобретенный в результате контактов с достижениями и успехами других народов. Одновременно это является предпосылкой для деятельного устройства общежития в своей стране [1, с. 144–148]. В этой связи решающее значение имеет то, что знание иностранных языков более не является отличительным элитарным признаком. Таким образом, иностранные языки приобрели статус культурной технологии — как чтение, письмо и четыре действия арифметики. Эти изменения повлекли новые подходы к процессам преподавания и изучения иностранных языков. Общая коммуникативная направленность процесса изучения иностранного языка не должна оставлять без внимания и работу над языком, так как она обеспечивает понимание структуры языка, дает знания о функциях и механизмах действия языковых средств. Это, в свою очередь, позволяет изучающему иностранный язык формировать умение самостоятельно определять практическую значимость необходимых для акта речи языковых средств и инструментов языка, умение найти и приобрести компоненты, недостающие для осуществления коммуникации. Реализация данного положения возможна при организации самостоятельной деятельности в процессе изучения иностранного языка, где формируются умения выделения и установления четких фактологических, понятийных преемственных связей. Усвоение механизма преемственности, в структуре

которого выделяются инвариантный компонент, вариативный компонент и компонент-оператор (приемы, методы, операции), позволяет осознанно воспринимать и оперировать в рамках цепочки процессов познания синтез — анализ — синтез. Функции преемственности — социализирующая, направляющая, интегральная, эвристическая, регулирующая, стимулирующая, контрольная — также подтверждают жизнеспособность высказанного предположения. Таким образом, трудность в обучении — неумение организовать самостоятельную учебно-познавательную деятельность — преодолевается при разработке компонентов преемственности в деятельности преподавания и учения.

В настоящее время наибольший интерес представляет собой исследование организационно-планирующего компонента в деятельности учения, то есть и в процессе изучения иностранного языка. Потребности общества (социальный заказ), социальная среда, фактическое достижение по удовлетворению потребностей общества выступают как в роли коррекционной направляющей результата учения, так и в роли внешнего стимула при организации самостоятельной учебно-познавательной деятельности, поскольку эмоциональная активность является психологическим мотивом и необходимым условием продуктивной интеллектуальной деятельности.

Деятельность без мотива не бывает: «немотивированная» деятельность — это деятельность, не лишенная мотива, а деятельность с субъективно и объективно скрытым мотивом. Деятельность обычно осуществляется некоторой совокупностью действий, подчиняющихся частным целям, которые могут выделяться из общей цели. Роль общей цели выполняет осознанный мотив. Деятельность всегда связана с некоторой потребностью. В нашем случае потребность в новых знаниях сферы языка для практического осуществления коммуникации выступает внутренним стимулом при организации самостоятельной учебно-познавательной деятельности.

По определению П. И. Пидкасистого, в качестве специфического педагогического средства организации самостоятельной учебно-познавательной деятельности выступает самостоятельная работа, здесь: самостоятельная работа с единицами языка и речи [2, с. 56].

Началом самостоятельной работы в процессе изучения иностранного языка является коммуникативно-познавательная задача. Содержание такой задачи должно прежде всего оказывать помощь в иноязычной речевой практике и раскрывать технологию нахождения решения. В процессе решения познавательных задач не только усваивается иноязычный учебный материал, но и формируется опыт са-

мостоятельной деятельности в процессе учения. Таким образом, преемственность элементов в качественном анализе структуры деятельности и овладение опытом самостоятельной деятельности при нахождении способа решения в системах преемственных познавательных задач для осуществления коммуникации позволяют соотносить типы самостоятельных работ и коммуникативно-познавательных задач.

Воспроизводящие самостоятельные работы по образцу предполагают деятельность, всецело основанную на образце. Все данные, способ, идея решения представлены в готовом виде. Коммуникативно-познавательная задача — упражнение направлена на узнавание, осмысливание, запоминание, текстуальное воспроизведение или подведение нового факта, явления, события под уже известное понятие.

Реконструктивно-вариативный тип самостоятельных работ позволяет осмыслить внутреннюю структуру материала. Студенту необходимо развить данную идею в конкретный способ решения применительно к заданным условиям. Коммуникативно-познавательная задача содержит реконструкцию знаний в процессе операций с языковыми единицами при соотнесении с предметами и явлениями реальной действительности.

Эвристический тип самостоятельных работ формирует умение отбирать из прошлого формализованного опыта нужные способы, приемы деятельности, отыскивать своеобразный путь решения задачи. Коммуникативно-познавательные задачи предполагают наличие познавательно-логического или экспериментально-практического поиска.

В творческих (исследовательских) работах проявляется самый высокий уровень познавательной активности и самостоятельности студента. Деятельность приобретает гибкий поисковый характер на уровне трансформации ранее усвоенных программ деятельности для открытия идей решений. В коммуникативно-познавательной задаче обязательно наличие ситуации, которая направляет на поиск.

Коррекция результата учения осуществляется при выборе способа решения коммуникативно-познавательных задач в ходе выполнения самостоятельных работ.

Таким образом, объективная необходимость владения иностранным языком для успешного участия в жизни современного общества, потребность в воспитании творческих людей, умеющих самостоятельно приобретать новые знания и выделять способы их приобретения, требуют преобразований процесса обучения [3, с. 30–35]. Одним из путей эффективного развития взаимосвязанных процессов учения и преподавания можно считать разработку особой системы

условий обучения, организуемых преподавателем — СРС. Комплексы учебно-познавательных задач позволяют организовывать и управлять самостоятельной работой студентов, которая следует от низкого уровня самостоятельной деятельности — репродуктивного — к самому высокому — творческому.

Библиографический список

1. Воронина С. А. Образовательное пространство транзитивного общества: сборник статей. — Вып. 8 : в 2 ч. / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2016. — Ч. 1. — С. 144–148.
2. Пидкасистый П. И. Самостоятельная деятельность учащихся. — М, 1972. — 183 с.
3. Раззамазова О. В., Козина О. В. Кросскультурная иноязычная коммуникация в формировании эмпатии и толерантности студентов : сборник статей. — Вып. 4 / под ред. Л. М. Владимирской. — Барнаул, 2010. — С. 30–35.

А. Н. Домашев (Барнаул)

СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ СОЦИАЛИЗАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ

Образование в России в настоящее время характеризуется весьма сложными и противоречивыми тенденциями. Препятствия системы образования нашей страны в процессе модернизации трансформируются в современную структуру, соответствующую основным требованиям и параметрам, определяемым Болонским процессом. Вместе с изменением структуры высшего образования были изменены и условия вступительных испытаний. Введение Единого государственного экзамена позволило сформироваться новой системе вступительных испытаний приема абитуриентов в вузы [1, с. 35]. Эти условия бросают новый вызов для всей системы организации довузовской подготовки учащихся в конфигурации перманентного обучения. Сама система довузовского образования молодых людей дает им возможность группировать и структурировать усваиваемые знания в новых условиях общего обучения. В конечном счете это может положительно сказаться на сдаче ЕГЭ, помочь адаптироваться на первых курсах в системе высшего образования, а также убедиться в верном решении относительно своего профессионального самоопределения.

Следует подчеркнуть, что в современных условиях к системе высшего образования предъявляется перечень обязательных функций, которые сфокусированы на формирование и модернизацию процесса обучения, а также на подготовку слушателей к поступлению в высшую школу [2, с. 175]. Когда обучающийся ученик на ранних школьных этапах узнает о существовании и особенностях преподавания в форме лекций и семинарских занятий, о практико-ориентированном типе обучения, структуре зачетных и контрольных единиц, это способствует более легкой адаптации его в вузе.

Процессы социализации и адаптации в обществе плотно связаны друг с другом. Они отражают объединенный процесс взаимного функционирования индивида и социума. Нередко процесс социализации отождествляется исключительно с общим становлением индивида в обществе. Адаптация, в свою очередь, отождествляется с процессами приспособления сформированной личности в незнакомых параметрах коммуникации и функционирования [3, с. 34].

Процесс социализации детерминируется как итог усиленной репрезентации человеком своего жизненного опыта, применяемой в коммуникации и жизнедеятельности. Термин «социализация» в преобладающей степени имеет отношение к общественному опыту, формированию личности под влиянием социума и социальных институтов.

В зависимости от локации проживания условия жизнедеятельности могут меняться. Большинство российских студентов являются выпускниками школ сельской местности. Большое количество знаменитых и успешно самореализовавшихся людей получили общее среднее образование в сельских школах. Поэтому продолжительность первичной социализации от момента рождения до момента получения высшего образования имеет свою особую специфику [4, с. 160].

Особенностями социализации школьников сельской местности можно считать: чувство неуверенности и тревожности; инертность и пассивное участие в образовательном процессе; низкую коммуникационную активность; сложности в усвоении материала и любой другой поступающей, презентуемой информации; повышенное положительное отношение к физическому труду; крепкое физическое состояние; выносливость; устойчивость иммунитета; недостаточный уровень общественной информации и представления о вариантах развития и собственном потенциале; невысокий уровень коммуникационных параметров; зависимость от родителей и привычной окружающей среды; недостаточный опыт общественных взаимоотношений; небольшое количество усвоенных социальных ролей. Вы-

шеперечисленные особенности оказывают свое влияние на роль сельской школы в процессе социализации учащихся. На наш взгляд, школа в сельской местности должна выполнять задачи определенного локально организованного социума. Это позволит восполнить имеющиеся недостатки в образовательной, культурно-досуговой и других сферах довузовской подготовки школьников [5, с. 145]. Такие требования ставят перед современной сельской школой вопросы создания инновационных технологий в сфере образования, а также способов и механизмов социализации. Для эффективного осуществления сельской школой своих функций они должны быть условно разделены по целям воздействия. Образовательная функция как приоритетное направление любого образовательного учреждения — стремиться достичь закрепления теоретических аспектов информационных материалов и закрепления практических основ. Функция воспитания формирует цельную личность, которая может осуществлять логические и операциональные процессы мышления, стремиться проявлять активную позицию на инициативных основаниях и определенной направленной деятельности [6, с. 30]. Развивающая функция отдельной школы заключается в инициации процессов активизации отдельных высших психических функций, а также их дальнейшем развитии. Развитие мышления связано с обработкой и интерпретацией различного вида сенсуальных паттернов, которая, в свою очередь, является основанием для творческой деятельности человека. Социальная функция заключается в формировании коммуникативных навыков у индивидов, позволяющих им налаживать контакт с субъектами окружающего их социума вне зависимости от локации пребывания. Формирование высокого уровня мобильности позволяет проходить социальную адаптацию независимо от окружающих условий. Диагностическая функция ставит задачу поиска возникающих единичных или системных проблем за счет мониторинга образовательной и воспитательной деятельности. Анализ индивидуальных особенностей обучающихся, тестирование внедряемых форм и методов влияет на оценку эффективности результатов деятельности. Организаторская функция заключается в создании активной социально значимой среды как среди самих школьников, так и среди родителей и преподавательского состава [7, с. 55].

Прогностическая функция сельской школы связана с учетом реализуемых образовательных программ, мониторингом актуальных тенденций и ориентацией образовательного учреждения на ожидаемые качественные и количественные изменения в системе образования. Экспертная функция заключается в проверке различного рода

документационного и нормативного сопровождения образовательной деятельности учреждения, а также в контроле за соответствием нормативно-правовых документов [8, с. 45]. Для достижения целевых задач и выполнения вышеперечисленных функций необходимо создание, соблюдение и развитие ряда условий. Выполнение таких условий будет зависеть от разного рода факторов, важнейшими из которых, на наш взгляд, являются: социально-экономический потенциал местности, географическое положение, демографические ресурсы, качество образования в конкретной сельской школе, соблюдение основных принципов образования в Российской Федерации и эффективный менеджмент в образовании.

Таким образом, современная сельская школа, являясь уникальным социально-педагогическим феноменом со специфическими особенностями и возможностями, призвана выполнять миссию важнейшего фактора социализации сельского школьника в тесном взаимодействии с двумя другими основными факторами: сельским социумом и семьями воспитанников.

Библиографический список

1. Беляев Г. Ю. Идеал как фактор формирования культурно-образовательного пространства // Ценности и смыслы. — 2015. — № 4 (38). — С. 49–63.
2. Бимаева Н. В., Сидоркова Н. А., Христофорова С. В. Проблемы социологии образования в воспитании детей // Международный журнал экспериментального образования. — 2012. — № 10. — С. 95–96.
3. Борисова Л. А. Формирование гражданской идентичности современного подростка // Проблемы социализации личности в контексте непрерывного профессионального образования : материалы Межд. научно-практ. конф. / под общ. ред. В. Н. Скворцова. — 2014. — С. 156–164.
4. Булгакова Л. А. Работа в дошкольном учреждении с детьми из неполных семей по формированию социально уверенного поведения // Развитие родительских компетенций : материалы Всероссийской научно-практ. конф. / отв. ред. Т. А. Семенова. — 2015. — С. 106–110.
5. Малыгина А. В. Тендер и этничность: к проблеме конфликта идентичностей // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2012. — № 4. — С. 33–36.
6. Манько О. Х. Социальная компетентность как показатель качества образования сельских школьников // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. — 2012. — № 5. — С. 141–146.

7. Масюк А. В. Профильное обучение как средство социализации выпускников // Профильная школа. — 2011. — № 3. — С. 45–47.

8. Павозкова О. Е. Проблемы и перспективы развития современной сельской школы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2011. — № 2. — С. 174–175.

О. Н. Замятина (Барнаул)

ФУНКЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В настоящее время в научно-педагогической среде утвердилась формулировка, включающая в себя две ключевые составляющие термина «образование»: процесс и результат [1, с. 31].

Существуют разные подходы в трактовке функций образования, это связано с тем, что социальная отдача образования в значительной степени сложена во времени, а оценка разных сторон образования часто зависит от групповых интересов. Функциональная модель образования совершенно необходима для определения сущности образования и разработки категориального аппарата его исследования.

Функции образования — устойчивые направления его воздействия на основные сферы общественного развития, социально-исторические универсалии института образования. Они детерминируют его структуру и не сводятся к конкретным задачам или социальным заказам. Функции реализуются объективно, независимо от того, проходят ли они через общественное сознание и целеполагание индивидов или групп в отношении системы образования [2, с. 97–102].

Некоторые функции образования временно оказываются в латентном состоянии, не входя в ведущий заказ и в предмет научного анализа, не переводятся в плоскость задач образования. Доминантные группы или отдельные институты могут акцентировать или блокировать некоторые функции, значит, их реализация обусловлена социальной структурой и идеологией общества.

Формулировки функций должны в научном и практическом плане служить выработке системы измеряемых показателей развития института образования и его эффективности в обществе. Вслед за выделением функций можно оценить, насколько сложившиеся в системе образования организационные и ролевые структуры соответствуют институциональным функциям.

Функции можно сгруппировать по сферам общественной жизни [2, с. 316–319].

Функции образования в экономической сфере

1. Формирование профессионально-квалификационного состава населения. С количественной точки зрения воспроизводство профессионально-образовательного состава населения колеблется между перепроизводством и недопроизводством. Обе крайности негативно влияют на профессиональную структуру: вызывают приток в профессию людей без соответствующей подготовки и массовую практику обучения профессии на рабочем месте без научных основ, размывают профессиональную культуру, делают неясными отношения внутри групп и между ними, усиливают роль приписываемых статусов.

2. Формирование потребительских стандартов населения. Роль образования в экономике шире производственных аспектов, касается процессов потребления благ. Эта функция всегда была свойственна образованию, достаточно вспомнить библейские заповеди или предписания русского Домостроя об умеренности потребления. Она определяет главное содержание неформального образования, протекающего в семье или конструируемого СМИ. Образование может привносить рациональные стандарты, помогать становлению ресурсосберегающей экономики или, напротив, расточительного типа потребления, чему способствует коммерческая реклама в интересах бизнеса.

3. Привлечение экономических ресурсов. Система образования — крупный потребитель общественных ресурсов. Источники ресурсов различны — от госбюджета до частных инвестиций и платных услуг, все они неизбежно отражаются на содержании и формах образования. Опора на госбюджет усиливает унификацию, а на деловые круги или спонсоров — зависимость образования от бизнеса. Перевод школы на местный бюджет способствует усилению в содержании образования регионального и местного компонентов.

4. Внутреннее распределение экономических ресурсов.

В системе образования привлеченные средства распределяются между регионами, отдельными подсистемами и учреждениями, видами деятельности, должностями. Каковы социальные механизмы этого распределения, кто и во имя каких интересов его осуществляет? Эти вопросы — главные в объяснении тенденций развития системы формального образования.

Социальные функции образования

1. Гомогенизация общества через организованную социализацию индивидов — усиление сходства социальных характеристик ради целостности общества. Эта функция, отмеченная еще Дюркгеймом, дает

повод поставить вопрос о том, насколько реальное содержание ценностей и норм, передаваемых через систему образования, обеспечивает целостность общества.

2. Формирование образовательных общностей, связанных с реальным участием в образовательных процессах и особым ценностным отношением к образованию, и их воспроизводство. Эти общности могут стать крупными элементами социальной структуры общества, субъектами социальной и политической жизни. Но в связи с определенными социальными льготами (отсрочка от призыва в армию, пособия и стипендии и др.) такие общности иногда приобретают паразитический, люмпенизированный оттенок, и тогда при недостаточном контроле со стороны общества образование способно деформировать социальную структуру.

3. Активизация социальных перемещений — все более зримая функция образования по мере того, как в обществе распространяются статусы, обусловленные образованием. Образование — главный канал восходящих перемещений. Благодаря образованию социальная структура становится более открытой, социальная жизнь — более эгалитарной, а неблагоприятные различия между социальными группами сглаживаются.

4. Социальная селекция. В образовании индивиды и целые группы делятся на потоки, предопределяющие их будущий статус. Формальное обоснование этого — уровень способностей, для выявления которого используются тесты. Но тесты, как и процессы учебных взаимодействий, имеют определенный культурный контекст, понимание которого зависит от соотношения доминантной культуры и особенностей среды первичной социализации обучаемого. Чем больше дистанция между этими типами, тем вероятнее, что учащийся не справится с тестом. Одним из скрытых механизмов селекции является оценивание. Многим учителям свойственно различение учеников в соответствии с определенными ярлыками или социальными стереотипами (субъективное приписывание детям характеристик родителей). Важным фактором селекции становится платный характер доступа к некоторым видам образования.

5. Воспроизводство тех социальных классов, групп и слоев, принадлежность к которым обусловлена образовательными сертификатами. Школа, давая индивидам неодинаковое образование, осуществляя неравное развитие их способностей и навыков, подтверждает это сертификатами установленных образцов, дипломами об образовании, которые служат условием занятия соответствующих мест в разделении труда и социальной стратификации.

6. Замещение родителей и социальная поддержка учащихся на период пребывания их в образовательном учреждении, где создаются особые организационные и ролевые структуры, напоминающие семейную обстановку.

Функции образования в сфере культуры

1. Воспроизводство социальных типов культуры. Образование придает знанию технологичность, конструктивные формы, благодаря которым становится возможным его систематизировать, компоновать, транслировать и накапливать в возрастающих объемах. Передача знания и опыта становится динамичной, массовой, открытой. Но объектом передачи становятся не все, а избранные типы культуры, например доминантная, школьная, профессиональные.

2. Инновации в сфере культуры. Эта функция также выполняется школой, но избирательно. Образование транслирует те инновации из руслу доминантной культуры, которые не опасны для целостности данной социальной организации, стабильности ее управленческих структур. Для других инноваций, даже прогрессивных, образование может служить своеобразным барьером.

3. Формирование и воспроизводство общественного интеллекта (менталитета, определенных отраслей и социальных технологий интеллектуальной деятельности). Эта функция основана на положениях, обозначенных еще Дюркгеймом: распространении существенных знаний через обучение, воспитании у индивидов познавательных навыков. Система образования стала многоотраслевым комплексом, ее цель — не просто передача знаний и развитие личности, но общее интеллектуальное сопровождение развития общества.

Функции образования в социально-политической сфере

Привитие образовательным общностям приемлемых правовых и политических ценностей и норм особенно характерно для общеобразовательной школы, но проявляется и в неформальном образовании. Осознание этой функции неизбежно приводит к идеологизации содержания образования. Нередко новый политический строй разрушает старую школу и создает новую.

Институт образования противодействует правовым или политическим девиациям, и в этом смысле формальное образование обеспечивает поощрение законопослушного правового и политического поведения, а также воспроизводство государственной (доминантной) политической идеологии. Социальные группы, носители альтернативных политических ценностей, стремятся учредить свою школу либо внедряют в уже существующую свои правовые и политические ценности.

Система образования не бывает идеологически нейтральной, в ней всегда утверждается идеологический контроль в явной или неявной форме. Этносоциальный тип культуры обуславливает содержание образования и акцентирует интересы этноса, а при национально-государственной организации школа формирует ориентации населения во внешнеполитическом пространстве, т. е. национальная школа призвана формировать патриотизм.

Библиографический список

1. Борисов Ф. А., Воронцов А. В., Громов И. А. и др. Социология : учебник для вузов / под ред. А. В. Воронцова. — М., 2011. — 557 с.
2. Колесникова О. Н., Вышегурова Л. Р. Компетентностный подход и проблемы качества образования в условиях модернизации российского высшего образования // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 2 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2010. — С. 31–36.
3. Современная социология образования : учеб. пособие. — Ростов- н/Д., 2005. — 320 с.

Г. И. Зимирев, Н. А. Юдина (Чита)

ОТНОШЕНИЕ УЧИТЕЛЕЙ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ К ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ (ПО ИТОГАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)

Одним из главных инструментов развития региональных систем образования на современном этапе является инновационная деятельность образовательных учреждений, педагогов школ, ДООУ и учреждений дополнительного образования. Особенно это справедливо для регионов, характеризующихся низкой бюджетной обеспеченностью, неразвитыми институтами модернизации, слабой материально-технической базой образования. Инновационный потенциал учительства в этом случае выступает как едва ли не главный ресурс, позволяющий удерживать систему образования в режиме модернизации и поступательного движения вперед.

В Забайкальском крае за последние 25 лет сложилась система поддержки и развития инновационного педагогического движения, которая включает в себя конкурсы инновационных проектов и про-

грамм, образовательные форумы, инновационные образовательные сессии, подготовку в рамках курсов повышения квалификации педагогов-исследователей и др.

С 1995 г. в режиме мониторинга проводится изучение общественного мнения педагогов об их отношении к инновационной деятельности. Впервые такой опрос был проведен в 1995 г. социологической лабораторией Читинского ИПКРО на основе инструментария Всероссийского социологического исследования «Инновации: характер и результаты», что позволило провести сравнительно-сопоставительный анализ ситуации в России и Забайкалье и увидеть специфику развития региональной системы образования [1, с. 188]. В дальнейшем опросы проводились в 2003 г. (г. Чита), в 2011 г. (371 чел.), в 2016 г. (657 чел.). Это позволяет наблюдать долгосрочные тренды в сфере образования и выработать соответствующие управленческие решения.

В 2009 г. в Российской Федерации была принята «Стратегия инновационного развития России» [2, с. 1], в 2011 г. — краевая долгосрочная целевая программа «Инновационное развитие Забайкальского края», нормативные документы об инновационной инфраструктуре российского образования, поэтому важно выяснить отношение учительства к этим документам.

На вопрос: «Как Вы относитесь к идее инновационного пути развития России, выдвинутой руководством и общественностью страны?» ответы распределились следующим образом: «положительно» (в 2011 г. — 32,1%, в 2016 г. — 41,5%), «скорее положительно» (39,9% и 40,4%), «скорее отрицательно» и «отрицательно» (13,2% и 4,4%). Если в 2011 г. 34,0% респондентов указывали, что наиболее нуждается в инновациях сфера образования, то в 2016 г. их доля увеличилась до 46,4% (для сравнения — в политике — 8,6% и 11,2%, в экономике — 34,5% и 32,5%, в технологиях (производстве) — 18,3% и 20,5%, в административно-управленческой сфере — 35,8% и 23,9%). При ответе на вопрос: «Как Вы относитесь к нововведениям в сфере образования?» указали, что «положительно» и «скорее положительно» — 67,1% (2011 г.), 68,4% (2016 г.). Сократилась доля лиц, воспринимающих инновации «отрицательно» или «скорее отрицательно» — 22,3% (2011 г.) и 16,0% (2016 г.). Позитивно оцениваются (по итогам опроса 2016 г.) применение метода проектов — 62,1%, организация исследовательской деятельности — 59,5%, организация профильного обучения и предпрофильной подготовки — 56,1%, портфолио — 50,5%. Разделилось мнение учительства по ряду организационно-управленческих аспектов современной образовательной ре-

формы. Например, введение ЕГЭ, ГИА поддерживают 32,2%, не поддерживают — 29,9%, затруднились ответить — 18,3%, реформирование системы оплаты труда и НПФ — 23,2%, 22,4%, 26,9% — соответственно, автоматизацию школьного управления (электронные журналы и дневники) — 37,0%, 22,8%, 26,9%.

В оценке результативных инноваций высшие места в рейтинге заняли инновации, имеющие: а) уже достаточно длительный опыт и традицию в российской системе образования (профильное обучение и проектный метод); б) надежное теоретико-методологическое обоснование и методическое обеспечение.

Вопреки широко распространенному мнению о консерватизме учительства, сопротивлении нововведениям, объективные данные показывают вполне благожелательное отношение большинства педагогов к инновациям в образовании вообще. В большей степени учителями поддерживаются содержательные инновации, в меньшей степени — организационно-управленческие.

Таблица 1

Оценка влияния инновационных процессов на качество образования (в %)

	1995 г.		2011 г.		2016 г.	
	да	нет	да	нет	да	нет
Повысилось качество образования	54	27	36,2	55,7	23,9	43,0
Расширились возможности развития индивидуальных способностей учащихся	77,0	34	73,8	19,8	70,4	14,6
Улучшилось духовное воспитание	33	35	22	65,2	23,9	51,6
Стали человечнее отношения учителей с детьми	63	15	37	48,7	38,1	38,4
Повысился профессиональный уровень учителей	75	6	73,8	18,9	66,2	16,1
Повысился общий уровень культуры учителей и учащихся	56	23	43,7	40,4	44,3	32,4
Улучшилось самочувствие детей в школе	46	32	27,9	54,9	32,5	41,5

Считают, что образование в 2016 г. стало лучше — 19,4% (в 2011 г. — 13,7%), никак не изменилось — 6,7% (в 2011 г. — 10,8%), стало хуже — 32,5% (в 2011 г. — 20,5%).

Если ориентация на инновационное развитие в целом педагогами поддерживается, то оценка реального вклада инноваций в решение задач образования носит парадоксальный характер: на общесистемном уровне — она носит достаточно критичный характер,

на уровне образовательной организации — оценки являются более позитивными. При ответе на вопрос «Как инновации повлияли на Вашу школу?» ответили: «школа стала лучше» в 1995 г. — 24,0%, в 2011 г. — 28,3%, в 2011 г. — 28,3%, в 2016 г. — 26,9%; «школа никак не изменилась» — соответственно 8,0%, 19,1%, 9,7%; «школа стала хуже» — 3,8%, 4,0%, 4,8%. По результатам опроса, в 2016 г. в режиме функционирования работают 33,7% педагогов (в 1995 г. — 52,0%, в 2011 г. — 43,0%), в режиме развития — 19,8% (в 1995 г. — 52,0%, в 2011 г. — 34,0%), в режиме эксперимента — 7,8% (в 1995 г. — 9,0%, в 2011 г. — 21,3%). В режиме апробации педагогических нововведений (стандартов, учебников и др.) работают — 25,4%, стажировочной, внедренческой площадки — 7,1%.

На вопрос «Если Вы участвуете в инновационной деятельности, то что Вам это дает?» ответы распределились следующим образом: «интересней работать» — 41,9%, «повышение престижа среди коллег/учеников/родителей» — 14,6%, «надбавка к заработной плате» — 3,7%, «возможность что-то изменить к лучшему» — 42,3%.

Не участвуют в инновационной деятельности из числа ответивших по следующим причинам: «нет времени» — 31,2%, «эта деятельность не стимулируется» — 33,5%, «не понимают сущности некоторых инноваций» — 25,7%, «не видят смысла что-то менять» — 4,6%.

На инновационную ситуацию влияют, на наш взгляд, негативный информационный фон в СМИ (критика ЕГЭ, педагогических конфликтов, качества образования), необедительная информационная работа органов управления образованием, бюджетный кризис в региональной системе образования, «инновационная усталость» учительства, действие «закона необратимой дестабилизации педагогической инновационной среды» (Н. Р. Юсуфбекова).

Одно из объяснений разрыва в оценке учителями инноваций на общесистемном уровне и на уровне образовательных организаций заключается в социально-организационной природе инновации (т. е. ограниченность любой педагогической инновации пределами образовательной организации). Именно образовательная организация является естественной средой педагогической инновации. В школьном коллективе, в конечном счете, реализуются все инновационные замыслы.

Самыми эффективными формами распространения инновационной практики считаются обобщение педагогического опыта — 43,0%, размещение материалов в электронных и печатных СМИ — 38,5%, организация семинаров на базе школ-победителей — 35,5%, размещение материалов на сайтах органов управления образованием, образовательных организаций.

Итоги проведенного исследования показывают, что в рамках современного этапа модернизации системы образования Забайкалья сформировался инновационный кластер — педагоги и учреждения, которые активно занимаются инновационной деятельностью. Он характеризуется высоким уровнем поддержки стратегии инновационного развития страны, положительным отношением к нововведениям в образовании.

Вместе с тем, по оценке педагогов, не реализованы в полной мере основные задачи инновационной деятельности — повышения качества обучения, совершенствования духовного воспитания, гуманизации отношений в школе, улучшения самочувствия в школе.

Исследования показывают, что отраслевые реформы, которые проходят в системе образования, требуют более детальной проработки решений и разъяснительной работы с учительством, вовлечения его в инновационную деятельность.

Библиографический список

1. Зими́рев Г. И., Грешилова И. А., Скиданова Л. А., Гарднер В. В. и др. Инновационное развитие образования в Забайкальском крае : монография. — Чита, 2011. — 211 с.

2. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р.

Е. А. Попов (Барнаул)

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ МАГИСТРОВ СОЦИОЛОГИИ

Особое чувство социологии или социальности, равно как и особое отношение к социологическому знанию, составляет едва ли не основной принцип подготовки в магистратуре. В отличие от бакалавриата магистратура базируется на продвижении, как сегодня принято говорить, какого-либо тренда. В роли такого тренда также может выступать идея, продвигать которую позволяет определенная технология знаний. Для магистров важным звеном в привитии социологии становятся следующие моменты:

1. *Удержание приобретенных профессиональных качеств.* Для магистра первейшее значение имеет не только наращение профессиональных качеств, необходимых, например, при проведении конкрет-

ного социологического исследования, но и их удержание, поскольку всегда есть соблазн пожертвовать некоторыми такими качествами или свойствами ради приобретения какой-либо выгоды или пользы. Отчасти это связано с привлечением социологов к проведению масштабных или финансово обеспеченных исследований, которые иногда могут носить заказной характер, а следовательно, потребуют от практика «ожидаемых» (или заказных) результатов. Этому, в свою очередь, может сопутствовать и подтасовка фактов или представление «лимитированных» данных и т. д. Неприглядные стороны профессиональной деятельности присутствуют нередко в любом виде научного труда, однако последствия предпринятых социологом обобщений вразрез с нормами этики и принципами научности могут иметь и политический резонанс и приводить к конфликтам интересов. Разумеется, трудно не согласиться с мнением о том, что «возрастающая сложность мира требует более изощренных методов его изучения» [1, с. 4], однако социолог не должен использовать дискредитирующие его профессиональную компетентность способы познания окружающей реальности. Для магистра умение не склоняться на сторону профанации социологического труда — одно из главных качеств, и сам обучающийся должен данный аспект проблемы понимать и, так сказать, поставить свою подпись под условным кодексом чести социолога. В противном случае, как считают некоторые исследователи, «если социолог обследовал рабочих судостроительной промышленности, изучив одно предприятие, а свои выводы распространяет на всех рабочих или на всех занятых в народном хозяйстве, то эти выводы можно сразу выбросить в мусорную корзину» [2, с. 24].

2. *Формирование образа или стиля социологической науки* крайне необходимо любому специалисту-социологу, в том числе и магистру. Если для бакалавра имеет значение четкая фиксация научного статуса социологии, то для следующей образовательной ступени формирование образа и стиля науки является профессиональной задачей. На самом деле, наука нуждается в защите, ей важно не только сохранить свой научный статус от деформации, возникающей как отклик на серьезное продвижение различных междисциплинарных трендов, но и закрепить на определенных позициях свой узнаваемый образ. И, прежде всего, здесь имеется в виду обособленность социологии от вариантов ее ангажированности в рамках, например, политического или экономического взаимодействия. Действительно, сегодня мы наблюдаем, с одной стороны, «тенденции усиления роли социологического знания, его распространения и проникновения в различные слои населения» [3, с. 16], но в то же время социология не все-

гда способна противостоять натиску каких-либо процессов ненаучного толка, а иногда даже и антинаучного, а в чем-то может представлять опасность и для властных структур [4, с. 15]. От самих социологов, конечно же, во многом будет зависеть сохранение имиджа неполитизированной и неангажированной области знаний, каковой социология и должна оставаться. Магистры, в полной мере погруженные в проблематику социологической науки, по сути, должны обеспечить форматирование и перезагрузку социологии «с новым дизайном интерфейса» [5, с. 10].

3. *Поддержание конкурентоспособности социологии*, например, связывают с тем, чтобы социологию более активно задействовать «в пространстве производства дискурсов и медийных решений» [5, с. 10]. Конкурентная среда наук зачастую очерчивается междисциплинарным характером научно-исследовательской практики, но от магистра требуется, прежде всего, почти ювелирное овладение способностями и навыками обобщения разрозненного материала о жизни и реальности, который получают социологи, проводя полевые исследования, многочисленные опросы, интервью и мониторинги. В череде цифр и диаграмм веское слово произнести тот, кто способен увидеть тенденции и закономерности и сформулировать ни много ни мало по-парсоновски «общую теорию действия». Можно предположить, что социолог более тяготеет именно к работе с производственным материалом, чем, допустим, к метатеоретизированию и выявлению каких-либо общих закономерностей бытия, однако конкурентоспособность наук предполагает, в том числе, и умелое сочетание теории и практики. Данная сторона проблемы, как всегда, продолжает оставаться для социологии актуальной. А потому от магистров требуется уже не просто набор умений по проведению анкетирования и обработке полученных результатов с точки зрения математических выкладок, но и точный взгляд аналитика, способного заметить и обосновать ход тех или иных общественных процессов или изменений в коллективной и индивидуальной жизнедеятельности человека.

4. *Накопление человеческого капитала* является неременным условием профессионального роста любого специалиста, но для магистра социологии оно оборачивается ярким признаком сформировавшегося отношения к социальной жизни; когда, например, судья улавливает в окружающей реальности отклонения от правовых норм и анализирует их с точки зрения повседневного бытия или же с позиции справедливости-несправедливости, то по аналогии с этим состоянием правоохранителя и социолог не утрачивает интереса к происходящим вокруг него событиям, имеющим, пре-

жде всего, социальную окраску, и находит инструменты для объяснения тенденций или закономерностей бытия. Конечно, формы накопления человеческого капитала могут быть самыми разнообразными (к примеру, активность внеучебной деятельности студентов [6, с. 47]), однако социологу предстоит и умело исследовать человеческий капитал как объект изучения в социологии, и формировать его на всех этапах образовательного процесса за счет внутреннего самосовершенствования.

Таким образом, на данном этапе вузовской подготовки социологов — в магистратуре — важно учитывать не просто тот или иной профиль обучения, но и ряд системных моментов, происходящих в реальности и в самой сфере науки. Безусловно, магистратура является логичным продолжением профессионального становления социолога, более того — она крайне необходима для формирования такого специалиста, который бы имел все качества, удовлетворяющие современным требованиям развития науки, культуры, общества. Именно в магистратуре происходит наивысшая степень привития социологии, а на уровне бакалавриата лишь намечаются те технологии знаний, которые должны постоянно развиваться и порождать новые идеи, прорывные для страны и народа.

Библиографический список

1. Александров Ю. И., Кирдина С. Г. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социологические исследования. — 2012. — № 8. — С. 3–13.

2. Горшков М. К. Диалог российской социологии с обществом и властью (опыт прошлого, перспективы будущего) // Философские науки. — 2011. — № 4. — С. 13–26.

3. Добреньков В. И. Методологические и эпистемологические проблемы формирования теоретического знания в социологии // Вестник Моск. ун-та. Серия 18: Социология и политология. — 2013. — № 2. — С. 3–28.

4. Зборовский Г. Е. Теоретическая социология: quo vadis? // Социологические исследования. — 2013. — № 9. — С. 14–23.

5. Иванов Д. В. Этапы эволюции социологии и доминантные типы теоретизирования // Социологические исследования. — 2013. — № 9. — С. 3–13.

6. Орлик Е. Н. Активность внеучебной деятельности студентов как форма накопления человеческого капитала // Социология образования. — 2016. — № 2. — С. 46–53.

Ж. В. Савельева (Казань)

СОЦИАЛЬНОЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ СТУДЕНЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА⁴

Образование является ключевым институтом общества, обеспечивающим воспроизводство знаний, их трансляцию от поколения к поколению на социальном уровне. На индивидуальном уровне институциональная среда вуза обеспечивает множество функций, связанных с развитием, просвещением личности, формированием социального и культурного капитала. Однако в современных условиях остро стоит вопрос о физическом капитале — здоровье, которое выражается в инкорпорированной форме как в способности к труду, в объективированной форме — в виде физических и социально-психологических качеств личности и в институционализированной форме медицинских заключений [1].

С одной стороны, образование и культурный капитал способствуют получению знаний в широких областях жизнедеятельности и более эффективной заботе о здоровье [2]. Об этом же свидетельствует комплекс теорий социального градиента, подчеркивающих взаимосвязь между образованностью, классовой диспозицией индивида в социальной структуре и его здоровьем: среди образованных представителей среднего и высшего класса заболеваемость и смертность ниже по сравнению с индивидами из низших слоев общества [3, с. 8].

С другой стороны, в студенческие годы наблюдается интенсификация нагрузок, усугубляющаяся, во-первых, процессами социально-психологической и физической адаптации к условиям новой образовательной среды, во-вторых, макропроцессами реформирования института образования и социальной системы в целом. Это повышает уровень тревожности по поводу профессиональных перспектив в условиях неустойчивости социально-экономической ситуации в стране, уровень стресса и напряжения [4] и, несомненно, влияет на все компоненты здоровья обучающегося (психологический, социальный и физический), делает здоровье более уязвимым.

При этом надо учитывать, что именно в студенческом возрасте, с одной стороны, завершается формирование систем организма, которое необходимо сохранить в оптимальном состоянии на долгие

⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 16-06-01064 «Воспроизводство социального и физического здоровья студенчества в институциональной среде вуза»).

годы, с другой — молодым людям свойственен максимализм, отсутствие внимания к физическому здоровью по причине отсутствия, как правило, ощущаемых физически признаков болезни в этом возрасте и российской социокультурной традиции заботы о здоровье в случае наступления серьезных признаков болезни.

Вопросы соотношения подобных «приобретений» и «издержек» в сфере здоровья студентов высших учебных заведений в условиях динамично меняющейся институциональной среды вуза является недостаточно изученными и представляют серьезную в социологическом плане исследовательскую проблему и политическую задачу, если учитывать, что именно студенчество является стратегическим ресурсом для социально-экономической системы России по воспроизводству активных, трудоспособных, образованных ресурсов и решению вопросов кадрового потенциала страны.

Социологический аспект сформулированной проблемы взаимосвязан с несколькими аспектами. Во-первых, как замечает И. В. Журавлева, здоровье студенчества, по сравнению со здоровьем детей и подростков, недостаточно разработанная тема [5, с. 10].

Во-вторых, традиция исследования здоровья в социологии первоначально складывалась в рамках биомедицинской парадигмы исследования и была отдана на откуп исключительно медицинскому корпусу. В связи с этим исследования базировались на нормоцентрических трактовках и зачастую сводились к изучению узкого перечня показателей усредненной личности (например, по критерию соответствия эталону температуры тела, веса, роста и т. п.) [6, с. 299]. С изменением исследовательской парадигмы здоровья [7] на социальную, участвующую, гуманистическую в условиях перехода доминирующей модели заболеваемости с экзогенной на эндогенную, социологические исследования в сфере здоровья стали учитывать аспекты, связанные с образом жизни, самооценками здоровья, субъективным самочувствием, опытом переживания болезни. Однако до сих пор существуют довольно серьезные понятийные, терминологические, концептуальные, теоретические барьеры между медицинской наукой и социальной в исследованиях здоровья, социологией медицины и социологией здоровья и болезни, на которые еще в 2003 г. указывала Е. В. Дмитриева [8]. По причине данных трудностей и других факторов, пока в отечественной науке отсутствуют комплексные исследования здоровья, которые бы интегративно изучали объективные показатели здоровья в контексте социального и психического самочувствия студенчества.

В-третьих, важной задачей представляется не только синхронный срез объективных показателей состояния здоровья, его соотношения

с самооценками здоровья, его субъективными переживаниями, социально-психологической адаптацией и социальным самочувствием, но и диахронная перспектива воспроизводства здоровья. Категория «воспроизводство здоровья населения» используется в медицинской демографии. В. Ю. Альбицкий и А. И. Глушаков в контексте идеи о развитии жизненного потенциала человека и его здоровья указывают: «Реализация жизнеспособности связана как с предшествующим, текущим состоянием здоровья населения, так и с достижением в будущем определенного его уровня. Возобновление какого-либо явления или отдельных его параметров в существующих, меньших или расширенных объемах называется воспроизводством. Данный термин с успехом используется в классической демографии применительно к естественному движению и структуре населения, поэтому по аналогии в медицинской демографии можно применять определение „воспроизводство здоровья населения“» [9]. Категория «воспроизводство здоровья», на наш взгляд, с одной стороны, позволяет сконцентрировать внимание не только на состоянии здоровья, но и на динамической стороне его развития, провести сравнительный анализ показателей в различные периоды времени. С другой, делает возможным рассматривать здоровье как часть цепочки социального воспроизводства человеческого потенциала [10]. Таким образом, существенно расширяется эвристический потенциал изучения данной социальной проблемы студенчества.

В связи с этим исследовательская проблема по изучению воспроизводства социального и физического здоровья студенчества в институциональной среде вуза представляется актуальным полем комплексного исследования, задействующего ресурсы, инструменты и методы социологической, психологической и медицинской науки. В исследовательском проекте предполагается сочетание качественной и количественной стратегии, тестовых психологических методик и медицинских методов анализа (проведение стандартной диагностики состояния физического здоровья, а также исследование иммунного статуса участников исследований). Подобный подход обеспечит реализацию принципа комплементарности в изучении здоровья студентов, позволит охарактеризовать взаимосвязь объективных и субъективных показателей здоровья, параметров физического состояния и социального самочувствия студентов.

Библиографический список

1. Альбицкий В. Ю., Глушаков А. И. Воспроизводство здоровья населения как предмет изучения медицинской демографии // Казанский медицинский журнал. — 2003. — Т. 84. — № 6.

2. Васильева О. С., Филатов Ф. Р. Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки. — М., 2001.
3. Волочков А. А, Коптева Н. В., Попов А. Ю., Калугин Ю. А., Митрофанова Е. Н. Активность, ценностная направленность, психологическое здоровье студенчества. — Пермь, 2015.
4. Grossman M. The Relationship Between Schooling and Health // Eastern Economic Journal. — 2008. — Vol. 4. — P. 281–292.
5. Дмитриева Е. В. Еще раз о понятиях. От социологии медицины к социологии здоровья // Социологические исследования. — 2003. — № 11.
6. Здоровье студентов: социологический анализ / отв. ред. И. В. Журавлева. — М., 2014.
7. Максимова Т. М. Социальный градиент в формировании здоровья населения. — М., 2005.
8. Nettleton S. Sociology of Health and Illness. Third Edition, Cambridge, 2013.
9. Радаев В. В. Капитал как научная категория // Общественные науки и современность. — 2004. — № 4.
10. Сухинин И. В. Социальное воспроизводство, общественное здоровье и новая экономика: методологические основы // Экономика и математические методы. — 2008. — № 1. — Т. 44. — С. 62–78.

Т. А. Семилет (Барнаул)

ДИСФУНКЦИИ ИНСТИТУТА ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Институционализация для социальных практик, предполагающая упорядочивание, регламентацию, законодательное и организационное закрепление — процесс позитивный и благотворный. Он направлен на максимальное удовлетворение важных потребностей общественной системы, что и выступает функцией любого социального института. Эта позитивная оценка, несомненно, относится и к институционализации образования. Однако позитивность данного процесса не является абсолютной. Релятивизм и некоторую оценочную амбивалентность процессу институционализации придает неизбежное проявление дисфункций. Здесь решается вопрос о соотношении приобретений и потерь, пользы и вреда, получаемых от функционирования института.

В сегодняшней России дисфункции института образования приобрели такой масштаб, что образование превращается в мощную вредоносную и разрушительную силу. Деструктивные воздействия проявляются тотально: и на биологическом, и на психологическом, и на социальном, и на организационном, и на ментальном уровнях.

1. Школа наносит огромный и непоправимый урон детскому здоровью на физиологическом уровне. Вот какую справку дает директор департамента медико-социальных проблем семьи, материнства и детства Минздрава России: «...в целом по России не менее 60% учащихся имеют ту или иную патологию, только 14% старшеклассников могут считаться абсолютно здоровыми. До 80% выпускников школ по состоянию здоровья не могут выбрать ряд профессий, свыше 40% ребят допризывного возраста не соответствуют требованиям, предъявляемым армейской службой». За время обучения в школе у детей падает зрение, нарушается осанка, развивается сколиоз, отмечается высокий уровень поражения кариесом. У каждого четвертого ребенка проблемы с желудком, у каждого пятого — заболевания сердечно-сосудистой, мочеполовой, эндокринной и других систем [1]. Одна из основных причин возникновения заболеваний — гиподинамия. В то время как растущий организм особенно нуждается в движении, школьники большую часть дня проводят за партой. По мнению исследователей, никакие послеобеденные занятия спортом не компенсируют ущерб, который наносится дообеденным непрерывным шестичасовым сидением за партой, между тем как около 70% своего времени ребенок проводит именно в школе. Свою вредоносную лепту в неблагоприятные воздействия на физиологию вносят компьютеры и компьютеризация. Как утверждают школьные гигиенисты, зрительное утомление, развивающееся при чтении с экрана дисплея, значительно выше по сравнению с чтением с листа — при равных объемах зрительной работы на 65–100% у учащихся младших классов и на 30% — у учащихся средних и старших классов, что дает основание рассматривать их в качестве визуально-агрессивной среды. А в итоге больных выпускников — 90% [1].

2. Современная школа весьма негативно воздействует на психику учащихся. Так, исследование 216 учащихся в одном из средних учебных заведений Москвы выявило среди них 71 человека (32%), у которых нервная система была ненормальной, причем эти нервные расстройства (повышение психической чувствительности, головные боли, периферические невралгии, сердцебиение и т. д.) оказались резко прогрессирующими с каждым классом: в младших классах их было 8–20%, а в старших — 60–70% [2].

Негативное влияние на психику ребенка оказывают стрессы, а между тем современная система образования — постоянный источник стрессовых ситуаций. Помимо ежедневного оценивания и сравнивания (что само по себе является очень сильным стрессогенным фактором для ребенка), в нашей системе образования присутствуют регулярные контрольные, экзамены, тестирования, апогей которых — судьбоносный в прямом смысле этого слова ЕГЭ. Встает вопрос, нужен ли результат, полученный ценой надорванной психики ребенка? Ответ очевиден: стрессогенная система образования приносит больше вреда, чем пользы.

3. Дисфункция института образования на организационном уровне выражается прежде всего в бюрократизации образовательного процесса. Например, на сайте www.pedsovet.org опубликован перечень документов, необходимых для заполнения учителем с целью самоанализа его работы, он включает 12 пунктов:

- 1) технологическая карта учителя,
- 2) стандартные программы образования,
- 3) календарно-тематические планы,
- 4) должностные обязанности учителя,
- 5) программы по самообразованию с анализами,
- 6) программа факультативов, кружков с расписанием, учебным планом, списком и анализом работ,
- 7) анализ качества обученности учащихся с учетом четвертей и полугодий,
- 8) анализы контрольных работ, четвертных, годовых, административных. В анализе должны быть указаны причины снижения или повышения параметров качества, типичные ошибки, причины допущенных ошибок, пути их преодоления, сроки ликвидации пробелов,
- 9) анализ проверки рабочих тетрадей,
- 10) справки об индивидуальной работе с учащимися: а) группы риска, б) одаренными детьми,
- 11) анализ уроков взаимопосещения,
- 12) научно-методическое обеспечение учебного процесса, методические пособия, рекомендации, система контроля занятий, уроки, открытые мастер-классы.

На всероссийском интернет-педсовете собираются свидетельства и показания очевидцев (учителей, директоров школ) о том, какое количество бумаг им приходится заполнять в течение учебного года и какое количество часов вообще это отнимает от нормально-го учебного процесса. Так вот, согласно его данным, учитель тратит

на заполнение документации в среднем 8 часов в неделю. Получается, что в год он тратит 36 дней, а за 10 лет набирается год, это год работы с бумагами [3].

4. Социальный аспект дисфункции института образования в современной России заключается в первую очередь в том, что стремительно создается пропасть между массовым и элитарным образованием, которая продолжает углубляться и расширяться. Та часть населения, которая дорожит образованием, пытается во что бы то ни стало «перепрыгнуть» разлом и оказаться на элитарной стороне. Платежеспособные родители используют один из трех самых популярных вариантов дать ребенку хорошее образование: за спонсорский взнос определить в одну из лучших государственных школ, воспользоваться дополнительными образовательными услугами и помощью репетиторов по предметам, с преподаванием которых не справляется школа, обеспечить обучение в частной школе в России или за рубежом.

Дети бедных семей, как правило, довольствуются образованием в массовой школе и не имеют возможности самостоятельно заделывать дыры в подготовке. Согласно проекту реформы современного образования, предлагается вывести за рамки образовательных часов развивающую деятельность — уроки физкультуры, труда, изобразительного искусства, иностранного языка, музыки, которые теперь будут оплачиваться за счет родителей. Но это явный «перевертыш», когда образование рассматривается как некий комплекс образовательных услуг, за которые нужно взимать деньги. На самом деле образование не для того, чтобы быть источником прибыли для государства. Оно — механизм воспроизводства индивидов, общества, культуры. И должно быть не обогащение государства за счет оказания «образовательных услуг», а вложение финансов и ресурсов в образование как важнейшие инвестиции государства в свое будущее.

Это как раз очевидное проявление дисфункции института образования, когда вместо пользы получается вред, вместо равных образовательных возможностей — социальное расслоение, вместо вложений — извлечение прибыли. Такое развитие событий противоречит генеральным на сегодняшний день государственным целям — войти в информационное общество и успешно осуществить модернизацию.

5. Особенно рельефно дисфункция института образования на ментальном уровне выражается в следующем. Образование — «генетическая матрица» культуры. В соответствии с этой матрицей воспроизводятся последующие поколения. Российская традиция — универсальная школа, акцентирующая смыслы, понимание, формирующая

целостное видение мира. Истоки российской универсальной школы восходят к XIX в. Один из основателей славянофильства А. С. Хомяков писал еще в 1847 г.: «Ум, сызмала ограниченный одною какою-нибудь областью человеческого знания, впадает по необходимости в одно-сторонность и тупость и делается не способным к успеху даже в той области, которая ему была предназначена. Обобщение делает человека хозяином его познаний; ранний специализм делает человека рабом вытверженных уроков. Само богатство материалов, если они все принадлежат к одной какой-нибудь отрасли науки и не пробуждают дремлющей силы сравнивающего внимания, обращается в тягость: оно лежит бесплодным и свинцовым грузом в сонной голове, между тем как меньшее количество материалов, пробудившее деятельность ума с разных сторон и в разных направлениях, приносит богатые плоды и самому человеку, и обществу, которому он принадлежит. ... Специальность не может быть положена в основу воспитания. Твердою и верною основою может служить только просвещение общее, расширяющее круг человеческой мысли и его понимающей способности; но из этого не следует, чтобы это общее просвещение не имело своих степеней. ... Итак, степени общего просвещения, передаваемого ученикам в разных приговорительных училищах, могут быть весьма различны; но характер всех приговорительных школ должен быть одинаков: он служит расширению и обобщению мысли, а не размежеванию ее областей» [4]. Между тем ведущей современной тенденцией в реформировании российской школы, как общеобразовательной, так и высшей, является узкая специализация и профилизация, что не соответствует культурной традиции и национальному менталитету, подрывает устойчивость и самовоспроизводимость общественной системы. Итог такого подхода — нравственная глухота и духовная слепота выпускников, производство человека-функции, утратившего личностную целостность.

Библиографический список

1. Долой бюрократию из школы // Эхо Москвы [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/assembly/673674-echo/>
2. Интервью с директором департамента медико-социальных проблем семьи, материнства и детства О. В. Шараповой [Электронный ресурс]. — URL: http://www.rffi.ru/default.asp?doc_id=5937
3. Минздрав предупреждает: школа опасна для здоровья [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ecolife.ru/jornal/emed/2000-3-1.shtml>

4. Хомяков А. С. Об общественном воспитании в России [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.oim.ru/reader@whichpage=1&mytip=1&word=&pagesize=15&Nomer=342.asp>

М. Б. Сыздыкова (Казань)

СИСТЕМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Научный руководитель — В. В. Фурсова

Система высшего образования — это то основание, на котором формируются казахстанские кадры и потенциал развития страны. От того, насколько эффективно работает эта система, будет зависеть, насколько успешно будет развиваться казахстанская экономика.

На сегодняшний день в Казахстане во многих отраслях экономики остро стоит проблема с наличием высококвалифицированных специалистов. Парадоксальным является тот факт, что причиной нехватки квалифицированных специалистов не является недостаточность людских ресурсов или учебных заведений, занимающихся подготовкой данных специалистов, напротив, в стране наблюдается высокий процент безработицы и избыточность учебных заведений. Процентный показатель количества учебных заведений к общему числу населения страны является одним из самых высоких в мире и в разы превышает аналогичный показатель в европейских странах. А основной причиной нехватки квалифицированных специалистов является низкий средний уровень подготовленности выпускников в учебных заведениях страны.

Обеспечение качества, доступности социальной и экономической эффективности — это основные цели, которые стоят перед образованием. Образование определяет качество человеческих ресурсов страны, имеет ключевое значение для ее конкурентоспособности. Большую роль играет защищенность образовательной системы на всех ее этапах от коррупции. Настоящее исследование представляет собой результаты анкетирования студентов, преподавателей высших учебных заведений и экспертов с целью выявления уровня восприятия коррупции. В нем также рассмотрены и выявлены коррупционные риски, предложены пути разрешения существующих проблем.

Образование во многом определяет качество человеческих ресурсов страны и, следовательно, имеет ключевое значение для ее кон-

курентоспособности. Многие государства в мире пришли к выводу, что образование является скорее частью экономики, нежели социальной сферы, соответственно и законы, по которым оно должно существовать, должны обеспечивать в первую очередь прозрачность и подотчетность образования. Отсутствие внятной политики раскрытия информации является серьезным коррупционным риском как для регулятора сферы образования, так и для самих вузов, служит основным источником конфликтов в этой сфере.

Сложившаяся у нас система отношений предполагает, что работники, не участвующие в управлении организации, не могут даже и рассчитывать на получение такой информации и что это в принципе не должно их интересовать. Однако, исходя из разработанных принципов долгосрочной программы развития образования в РК, где предполагается широкое привлечение инвестиций в область и превращение сферы образования в конкурентоспособную область экономики, основной принцип корпоративного управления гласит: инвестиции приходят только туда, где соблюдаются права всех заинтересованных сторон.

Как известно, в современном обществе образование является ключевым и регулирующим фактором в различных видах человеческой деятельности и, как подчеркивается в послании народу президента РК Н. А. Назарбаева, играет главную роль в обеспечении «интеллектуального потенциала общества, его конкурентоспособности и сохранения культурного своеобразия страны». Это обуславливает все больший интерес не только к сопоставлению экономических показателей и социально-политических систем, но и моделей культуры и образования разных стран и народов.

В послании Президента Республики Казахстан 2006 г. в главе «Развитие современного образования, непрерывное повышение квалификации и переквалификации кадров и дальнейшее процветание культуры народа Казахстана» указано, что «реформа образования — это один из важнейших инструментов, позволяющих обеспечить реальную конкурентоспособность Казахстана. Нам нужна современная система образования, соответствующая потребностям экономической и общественной модернизации» [2].

В Законе «Об образовании» Республики Казахстан отмечается, что «главной задачей системы образования является создание необходимых условий для получения образования, направленных на развитие и профессиональное становление личности, на основе национальных ценностей, достижений науки и практики» [3].

Государственная политика Казахстана в области образования после 1991 г. осуществлялась в направлении реформирования законода-

тельной базы, системы управления и финансирования образования в контексте задачи качественного преобразования системы образования. Реформирование высшего образования в республике наиболее интенсивно стало проводиться с 1995 г.

Реформа образования, осуществляемая в настоящее время в республике, связана с комплексом мер, направленных на кардинальное изменение его организационно-экономических, правовых, структурных и содержательных компонентов. Объективными факторами, определяющими сущность, характер и направленность нововведений в образовании, выступают: становление Республики Казахстан в качестве суверенного независимого государства; ориентация на рыночную модель экономики; развитие различных форм собственности; вхождение образования в мировую образовательную систему. Эффективность процесса реформирования системы образования в Республике Казахстан будет определяться не только этими факторами, но и степенью осмысления мирового опыта в области образования.

За годы независимости Казахстана этапы реформирования системы высшего образования можно условно подразделить на следующие:

- Первый этап (1991–1994 гг.). Становление законодательной и нормативной правовой базы высшего образования.
- Второй этап (1995–1998 гг.) Модернизация системы высшего образования, обновление ее содержания.
- Третий этап (1999–2000 гг.) Децентрализация управления и финансирования образования, расширение академических свобод организаций образования.
- Четвертый этап (начало 2001–2007 гг.) Стратегическое развитие системы высшего и среднего образования.

Согласно проведенным реформам в сфере образования в 90-гг. были достигнуты демократический характер управления образованием; расширены полномочия образовательных учреждений; гарантированы государством бесплатность среднего общего и начального профессионального образования в государственных учебных заведениях; узаконены негосударственный сектор образования и право на получение образования в РК наравне с гражданами РК, для лиц казахской национальности, являющихся гражданами других государств; создана законодательная основа для внедрения системы кредитования в виде образовательного гранта или кредита; проведена реструктуризация сети вузов и научно-исследовательских институтов для повышения маневренности и мобильности; признана автономия вузов как одного из основных условий социальной эффективности высшего образования.

Новый этап развития Казахстана ориентирован на ускоренное продвижение государства в сообщество 50 наиболее конкурентоспособных стран мира. В связи с этим политика в области образования направлена на формирование национальной модели образования, интегрированной в мировое образовательное пространство и обеспечивающей подготовку специалистов, конкурентоспособных на мировом рынке труда.

Следует отметить, что Казахстан обладает значительным научно-техническим потенциалом, представленным научными организациями различных форм собственности и ведомственной принадлежности. В рамках структурного реформирования науки намечено объединить ряд академических научных учреждений с передовыми вузами. Президент страны поручил оказывать прямую поддержку в создании инновационно-образовательных консорциумов. На базе ведущих университетов будут сосредоточены высокие технологии для проведения научных и прикладных исследований. Данным университетам будет присвоен статус инновационных университетов.

Если государство будет правильно использовать свое влияние и учесть тенденции глобализации, вполне возможно, что в ближайшие пять-десять лет в Казахстане удастся построить современную и высокоэффективную систему высшего образования.

Библиографический список

1. Государственная программа развития образования в Республике Казахстан на 2005–2010 годы. — Астана, 2004. — С. 18.
2. Никитина Л. Е. Социальный педагог в учреждении образования (модель и методика работ). — М., 2001.
3. Об образовании : Закон Республики Казахстан от 27 июля 2007 г.
4. Обсуждаем концепцию развития системы образования в Республике Казахстан // Мир языков. — 2004. — № 1.
5. Жумагулов Б. Качество образования для нас главней всего // Казахстанская правда. — 2013. — 2 апр.

Раздел III

**ПОТЕНЦИАЛ ПРИКЛАДНОЙ
СОЦИОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ
АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА,
ЧЕЛОВЕКА И КУЛЬТУРЫ**

*S. G. Maximova, D. A. Omelchenko, O. E. Noyanzina,
N. P. Goncharova, S. Penkin (Barnaul)*

TRANSIT MIGRATION IN BORDER REGIONS OF RUSSIA: IMPACT ON REPRESENTATIONS ABOUT "OTHERS"⁵

The dynamic of social-economic and geopolitical conditions is reflected in new forms and practices of migration, jeopardizing the systems of social security and assistance, functioned for decades before in developed countries. According to data provided by the United Nations international migration report, over the past 25 years (from 1990 to 2015) the number of migrant had increased by 90 million to amount to 244 million people [1]. Russia is second among most attractive countries for immigration, counting more than 11 million of migrants from over 30 countries of the world. In recent years, the ratio between proportions of countries of "near" and "far" abroad in net migration has changed dramatically because of introduction of new migration legislation, offering big preferences to workers from CIS, who received possibility to obtain a work permit themselves, bypassing the employer [2]. The leaders on migration rates are Uzbekistan (12.4% of all newly-arrived migrants), Kazakhstan (11.0%) and Tajikistan (8.0%) [3].

Besides overall problems of international migration, from the early 1990s Russia struggles with particular issues caused by transit migration. After the collapse of the USSR and the destruction of the holistic system of protection of the state borders multiple latent and overt transit routes from Asian and African countries to the Europe appeared in the territory of Russia. Occupying intermediate geographic position between developed and developing countries, Russia has become a natural transit region for migrants from the South-East Asia, Afganistan, Irak, Pakistan and other countries moving to the West [4; 5].

Border regions, which are in the focus of our research, are the most susceptible to risks, caused by migration, being not only transit territory on the road of migrant to more prosperous countries and regions, but also the nearest point of their first location and adaptation to a new society. The substantial increase in migration poses a problem of growth of polyculture relations, leads to the change of ethno-social structure and ethno-cultural

⁵ This work was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the State Order for the scientific research "Transit migration, transit regions and migration policy of Russia: security and Eurasian integration" [№ 28.2757.2017/ПЧ].

landscape of host communities and territories, intensifies identification processes within the frame of one national space [6]. In such a context, the study of categorical structures of public consciousness and public opinion about migration problems might provide important information critical for understanding and reflecting sociocultural transformations, that have occurred during the past decades.

Representations about different ethnic group which may be defined as “others” or in contrary as “we” was studied by means of modified technics of semantic differential and repertory grids. The procedure consisted in assessment of 10 elements (meta-ethnic groups) by 22 seven-point graded scales (from -3 to +3 points). The list of groups which had been evaluated: Russians, Europeans, Asians, Slavs, Caucasian peoples, Central Asian peoples, Small indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East, Migrants, Friendly people and Hostile people. The set of constructs, proposed to respondents for evaluation, contained assessment characteristics, describing mentality, national culture, behaviour, interethnic and intercultural relations, forming social image of one or another meta-ethnic community and reflecting respondent’s auto-identification.

The choice of regions was justified by their border geographic position and the need to represent different parts of Russian borderland. Thus, the Republic of Karelia was selected as a representative of the western part of Russia, one of the national republics with specific ethnic composition. The Altai region represented Siberian territories. The Jewish autonomous oblast (JAO) was selected as the only remaining federal subject with similar status. The Amur region represented one of oldest regions of the Russian Far East. The stratified sampling and proportional allocation (by age, gender and urban/rural place of residence) were used to get regional samples of population. All regional samples consisted of 100 respondents.

In the first step of analysis we described general profiles and explored interrelations between constructs and elements. In the second step, constructs were analyzed by means of hierarchical cluster analysis. Then, we have described the most important factors, extracted with principal components analysis and explored factorial invariance among regional samples. The fourth step consisted in building semantic spaces, considered as mental maps of representations of images of ethnic “other” or “own” in the structure of social representations of population of borderland regions of Russia, having their general, invariant (core) and specific (peripheral) features.

As our research has revealed, characteristics, related to identification, emotional evaluation, security, social and economic position are the

most important for the assessment of meta-ethnic groups. In all regions Russians are perceived as “own” and “close”, their image is highly idealized, especially with the regard to public engagement and wiliness to help others, intelligence and ability to maintain security and order. Simultaneously, they are associated with weak discipline, poverty and low social status, that leads to a low self-esteem of majority of population from border regions, which are not economically well-developed. Slavs are very attractive for identification, people ascribe positive traits to them, such as practicality, education and high level of culture, related with individuality and superiority in comparison with other ethnic groups. The European’s image is assessed as very appealing, especially on the criteria, related to material position and standards of living, but incompatible with the character and mentality of the majority of respondents. Only the inhabitants of Karelia have a very characteristic feature to include Europeans in the “own” group, that might be explained by the specific of geographical position. Caucasian peoples are one the most contradictory categories, excluded from identification groups in all regions. The stereotype of this group consisted high evaluations of impulsivity and emotionality, conservatism, supplemented in several regions by aggressively, warlike behavior and intolerance. *Small indigenous peoples of the North, Siberia and the Russian Far East* were Inspiring sympathy and respect, this position was evaluated as “rational”, “peaceable” and “secure”, but “poor” and “taking lower steps at the social ladder”, “not exciting envy” and “conservative, traditionalist”. Taking into account the values of identification constructs (own/alien, similar/different, close/distant), which were relatively high, we may conclude small indigenous peoples, living in the remote areas, were perceived as a part of one Russian people, deserving sympathy and respect, but, at the same time, were singled out by the originality of life-style and traditions. Hence, in the Altai region this position had traits such as courage, ruse, shrewdness. In the Amur region the accent was made on the dissimilarity, while in the JAO, in contrast, small indigenous peoples were considered as “own”, “close” and “compassionate”, but lacking responsibility and discipline.

Migrant’s image had characteristics of alienness, it didn’t excite envy, that meant that our respondents were aware of typical for migrants’ hardships and difficult material situation, that was reflected in corresponding stereotypes. In the Altai region this position was associated with poverty, but at the same time with courage and determination, that reflected existing representations about migration as a long shot, supposing vulnerability and necessity to make serious decisions. In the JAO migrants were assessed as responsible and disciplined, and in the Republic of

Karelia — as laborious and purposeful, but having low social status. It should be noted that this category didn't represent in the respondents' view a serious danger, for it was perceived in a whole as a group with conservative thinking, low level of education and culture, dependent from the receiving society.

Friendly peoples, in representations of inhabitants of Russian borderland, were dispossessed of financial power and wealth, the most important is a proof of good intentions and moral virtues, such as courage and diligence. This image involves paternalistic attitude, suggesting that "Big Brother" (evidently Russia) supports and helps "Younger brother", despite of not being himself in favorable and advantageous social-economic situation.

Interrelations between constructs form sustainable systems of meanings, used in comparison of ethnic groups. These systems, united by subjects of social-economic position, interpersonal relations, national character and identification, define conditional division of all groups into "own" and "alien" ones. "Own" are usually presented under the complex "Russians — Slavs — Friendly people — Small indigenous peoples of North, Siberia and Russian Far East", representing the civilizational and cultural core of all-Russian people, which, despite its multi-national character, is perceived in close connection with dominant Russian nationality. Only in Amur region all positions of this complex are perceived separately, and we could not prove existence of significant semantic ties. In two Far Eastern regions (the Amur region and the JAO) we have found a tendency to semantical union of Asians and Europeans as two different groups of peoples, living on the same continent.

The high congruence of factorial structures in three of the four regions was indicative of existence of semantic determinants of similar assessment of meta-ethnic groups. Among key factors, influencing their perception, were the factor of social-economic progress and cultural development and the factor of types of mentality, corresponding to modern or traditional, rational or emotional types of civilizational cultures. Regional semantic spaces reflected systems of values and representations, existing in the conscience of population, forming stereotyped image of this or that meta-ethnic group. Of course, these representations are very simplified, with exaggerated positive and negative traits, they don't take into account many factors of personal, social group and societal character, having impact on real inter-ethnic relations.

Bibliography

1. Department of Economic and Social Affairs, 2016. International Migration Report 2015. Highlights. United Nations, New York, 2016.

2. Legal attraction of foreign labor force on the territory of the Russian Federation in 2005–2008 (2009). Analytical material on the base of official statistical reports of FMS and Rosstat. Foundation “Migration XXI century”.

3. Number and migration of population in the Russian Federation in 2015 (statistical bulletin) (2016). Federal Service of State Statistics. Moscow. Retrieved from <http://www.gks.ru>.

4. Ivakhnyuk I. (2009) Russian Migration Policy and Its Impact on Human Development. Published in: Human Development Research Paper (HDRP) Series, Vol. 14, No. 2009.

5. Williams L., Aktoprak S. (2010). Migration between Russia and the European Union. Policy implication from a small-scale study of irregular migrants. International Organization for Migration.

6. Maximova S. G., Noyanzina O. Y., Omelchenko D. A., Maximov M. B., Avdeeva G. C. (2016). Methodology of Diagnostics of Interethnic Relations and Ethnosocial Processes. International Journal of Environmental and Science Education, 11 (11), 4885–4893.

В. А. Артюхина (Барнаул)

ОПРОСНЫЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Опрос является одним из основных методов сбора первичной информации в современной эмпирической социологии. Опросные методы изучения общественного мнения прошли долгий путь эволюции от т. н. «соломенных опросов» до современных технологий проведения массовых анкетирований и интервьюирований.

Опросные методы стали традиционными и для изучения общественного мнения по актуальным вопросам жизнедеятельности основных сфер общества. Российские социологические исследовательские центры (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-центр) проводят опросы общественного мнения omnibusного типа, получая информацию о мнениях людей по самым разным аспектам политической, экономической и социальной жизни граждан.

Такое широкое распространение опросных технологий в социологии свидетельствует о значительных достоинствах этого метода получения первичной социологической информации. Попробуем обозначить некоторые из них.

Во-первых, опросные методики позволяют учесть субъективную составляющую общественного мнения. Формирование и функциони-

рование общественного мнения совершается в ходе взаимодействия субъективных и объективных факторов. При этом объективные факторы можно измерить и представить с помощью четких и объективных показателей. Например, с помощью методов социальной статистики можно получить достаточно объективную картину уровня жизни того или иного сегмента общественности. Однако объективное состояние и его субъективное восприятие (у отдельных людей и целых социальных групп) могут не совпадать.

Так, объективно (по «качеству жизни», которое измеряется уровнем прожиточного минимума, уровнем образования и здоровьем населения и т. д.) очень большое количество современных россиян следует отнести к бедным слоям населения, однако многие из этой категории россиян сами себя относят (проявляют склонность отнести) к среднему слою.

Отсюда вытекает общее значение массовых опросов общественного мнения в деле изучения субъективной составляющей, которая зачастую играет важную роль в формировании и функционировании общественного мнения [1].

Во-вторых, опрос привлекает исследователей по причине своей универсальности. Массовое анкетирование и интервьюирование применяются в самых разных областях и в различных целях.

В-третьих, опросные технологии (особенно современные) позволяют добывать необходимые данные оперативно и применительно к определенному времени и социальному пространству. Социолог-исследователь формулирует вопросы, отражающие реальную социально-политическую обстановку. Массовые опросы способны выявить отношение населения к острым, актуальным на сегодняшний день проблемам.

Несмотря на неоспоримые достоинства опросных методик, многие исследователи отмечают, что между общественным мнением и процедурой его обследования существуют далеко не равнозначные отношения. Под вопрос ставится то, как соотносится между собой само общественное мнение и результаты его изучения. Иными словами, насколько результаты опросов полно и достоверно отражают реальное общественное мнение. Рассмотрим ограничения массовых опросов в изучении общественного мнения в трех основных аспектах.

Первый аспект связан с манипуляцией результатами опросов общественного мнения. Речь не идет о намеренно искаженных или фальсифицированных данных. Под манипуляцией здесь понимаются возможные разночтения в трактовке результатов социологического исследования. Представим себе ситуацию: социолог про-

водит исследование, направленное на выявление степени удовлетворенности новой системой оплаты труда на предприятии. На вопрос «Удовлетворяет ли Вас новая система оплаты труда» 25% респондентов ответили «да, полностью удовлетворяет». Как интерпретировать такие данные? Первый вариант — новая система оплаты труда оказалась провальной, подавляющее большинство (больше 70%) сотрудников не удовлетворены нововведением. Второй вариант — несмотря на трудности реализации реформирования системы оплаты труда, достигнуты определенные успехи, четверть опрошенных удовлетворены новым подходом в начислении заработной платы.

Такой простой пример доказывает, что социология в определенной мере субъективна, интерпретация данных эмпирического исследования зависит от многих факторов: методологической позиции исследователя, его идеологических и мировоззренческих установок. Любые результаты опросов общественного мнения предстают перед нами в трактовке исследователей, их организовавших.

Второй аспект ограниченности массовых опросов как метода исследования общественного мнения напрямую связан с природой и сущностью общественного мнения как феномена. Общественное мнение можно определить как некий способ бытия общественного сознания с особыми свойствами, структурой и функциями. Общественное сознание формируется в результате взаимодействия и взаимовлияния двух форм сознания: группового и индивидуального [2]. Иначе говоря, конгломерат индивидуальных мнений, выявленных в ходе массовых опросов, не может в полной мере отражать реальное общественное мнение, оно всегда рождается в дискуссии, в споре между отдельными индивидами и их группами.

Третий аспект ограниченности опросных методик связан с явлением т. н. давления элит на массы. Социологами-теоретиками общественного мнения (П. Лазарсфельд, Д. Дивайн) доказано, что общественное мнение в своем развитии проходит два этапа. На первом из них оно зарождается в среде т. н. «лидеров мнений» или «внимательной общественности», затем уже распространяется в широких слоях населения [3]. Подобный механизм предоставляет возможность для различного рода манипуляций и спекуляций, зачастую интересы элиты навязываются обывателям, выдаются за истинное общественное мнение.

Опросы широких слоев населения не выявляют, сформировано ли мнение естественными механизмами его зарождения и развития либо это мнение искусственно создано. Иными словами, вопрос манипуляции общественным мнением остается за рамками массовых

опросов. В стандартном бланке анкеты невозможно выяснить, навязано ли мнение респонденту либо это его личная позиция.

Итак, как и любой другой метод исследования, опросные методики изучения общественного мнения имеют свои достоинства и недостатки. Важно помнить об этом при планировании исследования и по возможности дополнять массовые опросы другими методами эмпирической социологии — фокус-групповой методикой, контент-анализом прессы и др.

Библиографический список

1. Епархина О. В. Социология общественного мнения : учебник. — М., 2013. — 240 с.
2. Михайлов В. А. Социология общественного мнения : учеб. пособие. — Тверь, 2005. — 384 с.
3. Селькова Е. П. Социология общественного мнения : учеб. пособие. — Благовещенск, 2011. — 84 с.

С. В. Вараксин, Н. В. Вараксина, Н. П. Гончарова (Барнаул)

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА НЕЧЕТКОЙ ЛИНЕЙНОЙ РЕГРЕССИИ К МОДЕЛИРОВАНИЮ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ⁶

Научные исследования, привлекающие технику нечетких множеств и нечеткой логики, ведут начало от основополагающей работы Л. Заде [1]. Отличие нечеткого множества от обычного в том, что характеристическая функция принадлежности $\mu(x)$ нечеткого множества может принимать произвольные значения от 0 до 1, соответственно степени достоверности принадлежности элемента этому множеству. Нечеткое число — это нечеткое множество с выпуклой унимодальной (т. е. имеющей один максимум) функцией принадлежности, значение в точке максимума которой равно 1. Одними из наиболее употребительных нечетких чисел являются треугольные числа (a, b, c) , ненулевые части графика функции принадлежности которых образованы двумя наклонными отрезками. Нахождение значений функций принадлежности нечетких множеств на основе обычных, четких данных называют фазификацией, а нахождение обычно-

⁶ Статья выполнена в рамках гранта РФФИ р № 16–06–00350 «Прогностический потенциал теории нечетких временных рядов в построении модели демографического поведения населения» 2016–2018 гг.

го, нечеткого значения для нечеткого множества — дефазификацией. Нечетким временным рядом называют набор соответствующих определенным моментам времени нечетких чисел.

1. Построение модели нечеткой линейной регрессии демографического поведения.

В стандартной вероятностной регрессии возникают проблемы при исследовании коротких временных рядов, с неясными законом распределения и зависимостью между входной и выходной переменными. При построении модели нечеткой регрессии не требуются подобные предположения. Первой в разработке моделей нечеткой линейной регрессии стала работа Х. Танака [2], базовая модель нечеткой линейной регрессии в которой имеет вид $x = kt + b$, где k и b — некоторые треугольные числа. В данной работе использован частный случай модели Танака, равномерной нечеткой регрессии, в которой k является четким числом, а b — нечетким числом вида $(b - \Delta, b, b + \Delta)$. Исходный временной ряд $\{x(t)\}$ является обычным числовым рядом, а его значения считаются дефазификациями соответствующих нечетких чисел. Согласно работе И. В. Пономарева, В. В. Славского [3], параметры подобной нечеткой линейной регрессии находятся из условия наибольшего правдоподобия как параметры наиболее узкой полосы между двумя параллельными линиями, содержащей все точки временного ряда $\{x(t)\}$. Эта задача сводится к задаче линейного программирования, которую можно решить симплекс-методом в два этапа с введением искусственных переменных, т. к. исходная задача не имеет подходящего исходного опорного решения.

2. Моделирование динамики численности населения России.

Численность населения России с 1991 по 2016 гг. задана последовательностью (в тыс. жителей) 148543, 148704, 148673, 148366, 148306, 147976, 147502, 147105, 146693, 145925, 146304, 145649, 144964, 144168, 143474, 142754, 142220, 141980, 141900, 142962, 142914, 143103, 143395, 143700, 146267, 146546. Применение симплекс-метода применительно ко всему периоду дает коэффициенты $k = -90$, $b = 330330$, $\Delta = 2650$. В ряду данных четко видна точка минимума в 2009 г., поэтому применим данный алгоритм к периодам 1991–2009 и 2009–2016 гг., получим соответственно $k = -400$, $b = 936220$, $\Delta = 860$ и $k = 70$, $b = -118660$, $\Delta = 1002$.

3. Математическая модель коэффициента рождаемости.

Исходные данные с 1991 по 2015 гг.: 12,1, 10,7, 9,4, 9,6, 9,3, 8,9, 8,6, 8,8, 8,3, 8,7, 9, 9,7, 10,2, 10,4, 10,2, 10,4, 11,3, 12,1, 12,4, 12,5, 12,6, 13,3, 13,2, 13,3, 13,3. Применение симплекс-метода применительно ко всему периоду периоду дает коэффициенты $k = 0.057$, $b = -104$,

$\Delta = 2.13$. Также найдем линии регрессии для интервалов 1991–1999 и 1999–2015 гг.: $k = -0.47$, $b = 950$, $\Delta = 0.88$ и $k = 0.32$, $b = -635$, $\Delta = 0.53$ соответственно.

4. Математическая модель коэффициента смертности в России.

Найдем параметры линейной регрессии коэффициента смертности в России с 1991 по 2015 гг. Исходные данные: 11,4, 12,2, 14,5, 15,7, 15,14,2, 13,8, 13,6, 14,7, 15,4, 15,6, 16,2, 16,4, 16, 16,1, 15,2, 14,6, 14,6, 14,2, 14,2, 13,5, 13,3, 13,1, 13,1, 13,1 на тысячу жителей. Применение симплекс-метода применительно ко всему периоду дает коэффициенты $k = 0.071$, $b = -128$, $\Delta = 2.1$, а отдельно с 1991 по 2003 и с 2003 по 2015 гг.: $k = 0.31$, $b = -613$, $\Delta = 1.7$ и $k = -0.30$, $b = -617$, $\Delta = 0.45$ соответственно.

Подобные исследования показывают, что метод нечеткой линейной регрессии вполне применим для моделирования демографических процессов. Сочетание математического моделирования и социологического анализа позволит разрабатывать более точные и многоаспектные прогнозные модели демографического поведения населения.

Библиографический список

1. Zadeh L. A., Fuzzy sets // Information and Computation. — 1965. — Vol. 8. — P. 338–353.
2. Tanaka H., Uejima S., Asai K., Linear Regression Analysis with Fuzzy Model // IEEE Transactions on Systems, Man and Cybernetics. — 1982. — Vol. 12. — No. 6. — P. 903–907.
3. Пономарев И. В., Славский В. В. Нечеткая модель линейной регрессии // Доклады Академии наук. — 2009. — Т. 428, № 5. — С. 598–600.

А. М. Сергиенко, Е. А. Старосвет (Барнаул)

СТИМУЛЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АГРОБИЗНЕСА

Современный агропромышленный бизнес России не только выполняет задачи обеспечения продовольственной безопасности страны, но и является одним из флагманов инновационного развития экономики. Инновационное развитие агробизнеса определяется во многом социальными факторами, включающими не только развитие человеческого потенциала экономики отраслей производства и переработки

сельхозпродукции, но и социальное благополучие работников агропромышленных предприятий и членов их семей, а также в целом социальное воспроизводство сельских сообществ [1–4]. В связи с этим все более актуальным становится вопрос о сохранении и развитии потенциала социальной ответственности агробизнеса.

В данной статье рассмотрим основные стимулы развития социальной ответственности аграрного бизнеса на примере одного из аграрных регионов России — Алтайского края. В крае аграрный сектор относится к числу ведущих секторов экономики: в 2014 г. доля сельского хозяйства в ВРП региона составила 23,1%, что почти в 4 раза выше аналогичного показателя по стране.

Методология исследования. Согласно «Руководству по социальной ответственности», представленном в Международном стандарте ИСО 26000:2010, под социальной ответственностью понимается ответственность организации за воздействие ее решений и деятельности на общество и окружающую среду через прозрачное и этическое поведение, которое: 1) содействует устойчивому развитию, включая здоровье и благосостояние общества; 2) учитывает ожидания заинтересованных сторон; 3) соответствует применяемому законодательству и согласуется с международными нормами поведения. Следовательно, социальная ответственность бизнеса включает в себя не только производство продукции и оказание услуг надлежащего качества, добросовестное ведение бизнеса, соблюдение прав персонала, выполнение требований к безопасности и гигиене труда, к охране окружающей среды, ресурсосбережению, но и участие в социальных мероприятиях, поддержку инициатив местного сообщества.

Развитие социальной ответственности бизнеса зависит от множества факторов — внутренних (организации) и внешних. Так, к внутренним факторам, по мнению Г. Ф. Остапенко, относятся: 1) интересы/ожидания ключевых стейкхолдеров (акционеров, поставщиков, сотрудников), влияющих на принятие стратегически важных решений; 2) конкурентные преимущества, определяющие положительную динамику развития компании; 3) ключевые ценности организации (опыт, традиции, организационная культура), особенности ее политики, стратегии, эффективность менеджмента [5, с. 72]. Причем среди объективных факторов формирования внутрикорпоративной социальной ответственности выделяют форму собственности, экономическое положение организации, стадию ее жизненного цикла, зрелость системы социального партнерства; к субъективным факторам относят компетентность и стиль управления руководителей организации, конкурентоспособность, сплоченность и лояльность персона-

ла. Внешними факторами социальной ответственности бизнеса являются экономическая конъюнктура и перспективы развития отрасли, уровень и динамика конкурентной борьбы, институциональные условия (законодательство и другие нормативные акты, международные соглашения, общественные инициативы и др.) и риски (финансовые, инвестиционные, политические, экономические и проч.).

Агропромышленный бизнес обладает рядом особенностей, отражающихся на формировании его социальной ответственности. Так, с одной стороны, среди специфических факторов, накладывающих серьезные ограничения на развитие социальной ответственности хозяйств, является высокая зависимость экономической деятельности и ее результатов от природных условий (неурожаев) и, как следствие, относительно низкая инвестиционная привлекательность отрасли, связанная с высокими рисками капиталовложений, сравнительно более слабая конкурентная среда. С другой стороны, агробизнес является важнейшим элементом сельского сообщества, носителем его культуры, основным элементом на моральных ценностях крестьянского общества, которое зиждется на взаимной поддержке [6]. Именно поэтому агробизнесу во многом изначально присущи ориентация на поддержку работников и сельского сообщества в целом⁷. Кроме того, особую роль в стимулировании социальной ответственности агробизнеса играет государственная политика, а в последнее время государственный протекционизм отечественным сельскохозяйственным товаропроизводителям.

Результаты нашего исследования основаны на данных ряда экспертных опросов руководителей агропромышленных предприятий Алтайского края, проведенных в 2008 (n = 81), 2011 (n = 32), 2013 (n = 20) и 2016 (n = 29) гг., а также на результатах анкетного опроса 100 работников таких предприятий, проведенных в четырех сельских муниципальных районах в 2010–2011 гг. и 60 работников в 2016 г. [2, 3, 7–11]. Кроме того, использованы результаты глубинных интервью с представителями сельского бизнеса и местной власти в 2013 и 2015 гг. и материалы СМИ за 2012–2016 гг.

Развитие хозяйства и сельского сообщества как стимулы социальной ответственности хозяйств. По результатам исследования, в сельской местности Алтайского края сохраняются традиции содержания

⁷ Исключением могут быть современные агрохолдинги и другие новые индустриализированные формы агробизнеса, образованные пришедшим из крупных городов капиталом; в этом случае отсутствуют глубинные (сетевые, институциональные) связи с сельским сообществом, выросшие на почве моральной экономики. О концепции моральной экономики Дж. Скотта см.: [6].

и направленности социальной поддержки агробизнесом своих работников и поддержки социального развития села [2–3]. Хотя и произошли существенные изменения в спектре и распространенности социально ориентированных практик в хозяйствах, основные направления поддержки сохранили значимость и до последних двух-трех кризисных лет стали носить более системный и массовый характер, что определялось ростом их экономического благополучия. По результатам опроса 2013 г., практически не оставалось хозяйств, не оказывающих никакой поддержки работникам (предыдущие пять лет назад их было 13%).

Со второй половины 2000-х гг. до 2015–2016 гг. устойчивую и массовую приоритетность получили практики агробизнеса, прямо или косвенно повышающие доходы работников: выплата денежных премий, реализация своей продукции по более низким ценам, организация льготного питания (в отдельных случаях бесплатные обеды для работников) и предоставление работникам служебного транспорта, техники для использования в личных целях, материальная помощь нуждающимся работникам. Особенностью социально ответственного поведения агробизнеса являлись активно используемые до последнего времени практики повышения профессионально-квалификационного уровня персонала и другие формы развития человеческого капитала, улучшения здоровья, обеспечения работников жильем и организации комфортных условий их быта, способствующие в конечном счете сохранению рабочих мест и повышению их привлекательности. Так, по данным опроса 2013 г., две трети представителей агропромышленного бизнеса Алтайского края направляло своих работников на курсы повышения квалификации (из интервью с руководителем ЗАО «Кольванское»: *«Мы учим, у нас на сегодняшний день имеются такие возможности, имеются программы через центр занятости... В этом году у нас там, на практике, обучились... пять человек, обучили механизаторами (молодые парни). Т.е. мы по программе центра занятости переучиваем этих людей»*), вкладывало средства в развитие своего персонала (в 2008 г. таковых было менее трети). В заботе о перспективах кадрового обеспечения каждое четвертое агропредприятие участвовало в образовательных проектах и программах, оказывало помощь в проведении молодежных мероприятий, каждое восьмое хозяйство помогало своим работникам оплачивать расходы на обучение в вузах их детей. Такая политика характерна для относительно крупных сельхозпредприятий, хотя в последние докризисные годы широко использовалась и среди наиболее устойчивых в социально-экономическом отношении небольших крестьянско-фермерских хозяйств.

Более трети хозяйств оказывало помощь своим работникам в диспансеризации, получении дополнительного медицинского страхования и других форм медицинского обслуживания, каждое четвертое предприятие погашало расходы работникам и их семьям по путевкам в дома отдыха, санатории, летние лагеря и т. п. (в 2008 г. такие практики применяло только примерно каждое десятое предприятие). Четверть предприятий АПК строила или предоставляла жилье для своих работников и приглашенных специалистов (по словам молодого животновода ООО «Колос», с. Покровка, Локтевский район, *«на предприятиях стараются решать жилищный вопрос для всех молодых специалистов и их семей... Сейчас в обновленном здании конторы обустраиваются гостиничные номера по типу общежития для проживания сотрудников и работников социальной сферы села. Давно действует схема: после пяти лет хорошей работы молодежи жилье переходит в их собственность»* [4]); почти треть — выдавала ссуды (кредиты) или гарантии для получения кредита на покупку или строительство жилья, хозяйственных построек и т. п. (в 2008 г. их было в три раза меньше).

В последние кризисные два года наблюдается сокращение спектра и массовости социально ориентированных практик агробизнеса, вновь выросла доля предприятий, не использующих такие практики (почти до 10%). По данным опроса, весной 2016 г. сохранились (при сокращении их объемов) практики, в первую очередь направленные на стабилизацию численности персонала и устойчивое развитие предприятия; среди таких практик: выплата премий в денежной и натуральной форме, реализация своей продукции по более низким ценам, реже предоставление работникам служебного транспорта, сохраняются отдельные формы повышения квалификации персонала.

Первостепенным признаком социально ответственного работодателя является отсутствие трудовых нарушений в хозяйствах, к числу которых можно отнести занижение уровня заработной платы, задержку ее выплаты, незаконное увольнение, высокий уровень эксплуатации работников, производственный травматизм и др. Большинство опрошенных нами в 2011 г. работников отрицали существование большей части таких практик; исключением составляет задержка выплаты заработной платы, редко указывали ее заниженный уровень и в единичных случаях отмечались незаконное увольнение и высокая эксплуатация. Несмотря на отмеченные нарушения, практически все опрошенные работники агропромышленных предприятий были удовлетворены (71%) или частично удовлетворены (26%) существующими условиями работы на предприятии (неудовлетворен-

ных — 3%). В 2016 г. работники хозяйств отказывались говорить о нарушениях их трудовых прав (часто из-за боязни возможного увольнения). В то же время представители агробизнеса признавали, что такие нарушения встречаются в деятельности хозяйств, в первую очередь это задержки выплаты заработной платы, оформление на работу без трудового договора, работа без отпуска, отсутствие медицинского и пенсионного страхования. Степень удовлетворенности условиями труда на агропромышленных предприятиях зависит во многом от качества рабочих мест, уровня оплаты труда. Среднемесячная зарплата занятых в сельском хозяйстве остается одной из самых низких в экономике на протяжении последних двух десятилетий, хотя в последнее десятилетие отставание от среднего показателя по региону заметно сократилось (в 2015 г. 15,2 тыс. рублей против 20,1 тыс. рублей в среднем по региону, т. е. в 1,3 раза ниже).

Преобладание низкоквалифицированных и малооплачиваемых рабочих мест в сельском хозяйстве и отраслях сельхозпереработки, массовая миграция молодежи из села привели к значительному дефициту квалифицированных кадров (по словам руководителя СПК «Путь Ленина» Поспелихинского района, *«надо обязательно остановить массовый отток молодежи из села... Уже сейчас нет ясной картины, кто будет трудиться на полях через пять-десять лет... Однако эта проблема требует комплексного решения государства — сил только одних хозяйств в этом вопросе недостаточно»*) [12]. Оценка обеспеченности агропредприятий кадрами показала, что в последние годы наблюдается устойчивый нарастающий дефицит квалифицированных кадров. Так, в 2013 г. только в 40% хозяйств численность и квалификация работников соответствовали потребностям производства, тогда как остальные 60% испытывали нехватку квалифицированных работников, ощущали низкую мотивацию молодежи к сельскохозяйственному труду (из интервью с представителями местной власти: *«В сельском хозяйстве механизаторов не хватает, хотя у нас ПТУ есть, там готовят их. Вот скорее всего (в малых селах в основном) доезжают на тракторах, и все, их там тоже не будет. Сейчас уйдет это поколение, которое на земле и с землей росло, как говорится... А уже приходит поколение, которое выросло с Интернетом и компьютером. Поэтому селу очень трудно будет»; «Люди очень, как говорится, изменились за последние годы. А молодежь сейчас, она не та, молодежь-то, и у нее нет мотивации такой, как вот у нашего поколения. То есть у них нет азарта, нет интереса в работе, только потребительское все...»*); пять лет назад дефицит кадров был несколько меньше — половина предприятий.

Как следствие, руководители агропредприятий стали более активно использовать различные методы кадровой политики, направленные главным образом на формирование постоянного состава преимущественно на основе местных жителей. Так, по опросу 2013 г., помимо повышения квалификации кадров за счет предприятия, хозяйства практикуют совмещение профессий (более трети), приглашают квалифицированных работников из соседних сел, других районов, помогая им в обустройстве (из интервью с руководителем КФХ «Ковшира В. В.»: *«Я им предоставляю... квартиру. Если там ремонт такой им не нравится, я им даю средства безвозмездно, они покупают все, что нужно в эту квартиру, ремонт делают, я им за это оплачиваю, и они там начинают жить»*). Кроме того, специфика сельскохозяйственной деятельности определяет популярность сезонного регулирования численности (его применяет четверть предприятий). Иногда предприятия расширяют штат путем совместительства и найма по договорам, принимают на работу молодежь, направляемую центрами занятости.

Агробизнес продолжает играть сегодня значительную роль в сохранении и социальном развитии сельских сообществ, в решении социальных проблем сельского населения. Причем в последнее десятилетие эта роль заметно возросла, усилилась зависимость сельских муниципалитетов от поддержки села бизнесом. Большинство представителей сельского бизнеса оказывают помощь не только своим работникам, но и остальным односельчанам (почти три четверти, по опросу 2011 г.): в основном в приобретении скота, кормов, семян, сена и дров, реже реализуют продукцию предприятий по более низким ценам, оказывают материальную помощь нуждающимся (пенсионерам, инвалидам, обездоленным семьям и др.), предоставляют служебный транспорт для оказания медицинской и другой помощи. Помогают также участием в содержании объектов жилищно-коммунального хозяйства, в жилищном строительстве, организуют льготное питание, помогают оплачивать расходы на обучение детей, на содержание детей в дошкольных учреждениях. По данным опросов 2008–2016 гг., агропромышленные предприятия выделяют спонсорскую помощь на проведение культурно-досуговых (например, КФХ «Гуков» помогло учреждениям культуры района в оснащении духового оркестра, приобретении электронного пианино) и спортивных мероприятий, оказывают помощь школам и детским садам (например, в проведении ремонтных работ, оплате расходов на отопление, снабжают своей продукцией по низким ценам), предоставляют свои услуги

по благоустройству села (очистка дорог и вывоз мусора, обустройство детских площадок, помощь в ремонте водопровода и других инженерных сетей) (из интервью с агрономом ЗАО «Комсомольский», Павловский район: *«Понятно, что от социальной сферы мы избавились когда-то, и сейчас муниципальным органам намного тяжелее. Помогаем чем можем. Допустим, даем деньги на водоснабжение в поселке... Латаем дыры, таких масштабных средств у нас, конечно, нет. Ну наши же работники все-таки в поселке живут, поэтому стараемся»*); из интервью с руководителем ЗАО «Колыванское»: *«На сегодняшний день, как бы то ни было, мы снабжаем теплом половину села. Мы пытаемся, цены чтобы были на эти услуги как можно ниже, то есть меняем теплотрассы, ремонтируем котельные, котлы меняем...»*).

Государственная политика стимулирования развития социальной ответственности агробизнеса. Значительную роль в формировании социальной ответственности агропромышленных предприятий играют в настоящее время государственные программы развития АПК и социальной поддержки села. В Алтайском крае до последнего времени повышалась роль региональных органов управления в стимулировании развития социально ориентированных действий бизнеса, чему способствовало проведение краевого конкурса «Лучший социально ответственный работодатель Алтайского края». По данным Главного управления Алтайского края по труду и социальной защите населения, в 2015 г. в реестр социально ответственных и социально ориентированных работодателей было включено 374 организации Алтайского края (для сравнения: в 2009 г. таких работодателей было девять). В период с 2010 по 2015 гг. доля сельхозпредприятий в таком реестре выросла на порядок и превысила половину общего состава признанных таковыми работодателей.

В последнее десятилетие роль государственных (федеральных и региональных) органов управления в стимулировании развития социальной ответственности агробизнеса повысилась. Это проявилось в позитивных сдвигах в формировании социально ориентированных практик сельхозпроизводителей, сокращении масштабов трудовых нарушений (до последних двух кризисных лет), сокращении отставания зарплаты в сельском хозяйстве от средней в экономике. Расширение потенциала использования государством инструментов стимулирования развития социальной ответственности агробизнеса видится в предоставлении налоговых льгот и льготных кредитов, софинансировании социально значимых проектов, поощрении социально ответственных работодателей.

Библиографический список

1. Калугина З. И. Рыночная трансформация аграрного сектора России: социологический дискурс. — Новосибирск, 2015. — 342 с.
2. Сергиенко А. М., Анисимова М. М., Кононенко А. С. Социальная политика агропромышленного бизнеса: современные направления и тенденции развития в Алтайском крае // Бизнес: социальное измерение (современные аспекты корпоративной социальной ответственности) : сборник статей II межрегион. науч.-практ. конф. / под ред. И. А. Бушмина. — Барнаул, 2012. — С. 81–93.
3. Сергиенко А. М. Внутренняя социальная политика агробизнеса в Алтайском крае: современные практики, тенденции и факторы развития // Актуальные проблемы социологии бизнеса : сборник статей / под ред. В. В. Нагайцева. — Барнаул, 2016. — С. 24–40.
4. Где лучше // Алтайская нива. — 2016. — № 30 (694).
5. Фадеева О. П. Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. — Новосибирск, 2015. — 264 с.
6. Остапенко Г. Ф. Корпоративная социальная ответственность. — Пермь, 2012. — 112 с.
7. Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. — М., 1992. — С. 202–210.
8. Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития : монография / науч. ред. А. Я. Троцковский. — Барнаул, 2011. — 296 с.
9. Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления : монография / под общ. ред. А. М. Сергиенко. — Барнаул, 2014. — 330 с.
10. Сергиенко А. М. Активность населения на рынке труда: тенденции и механизмы трансформации в регионах Сибири в годы рыночных реформ : монография. — Барнаул, 2013. — 298 с.
11. Сергиенко А. М., Решетникова С. А. Социальная поддержка сельских молодых семей в Алтайском крае : монография. — Барнаул, 2013. — 202 с.
12. Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты : монография / науч. ред. А. Я. Троцковский. — Барнаул, 2013. — 330 с.
13. Сергиенко А. М., Иванова О. А. Миграция сельской молодежи как индикатор благополучия села // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. Вып. 8 : в 2 ч. / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2016. — Ч. 2. — С. 21–26.

Н. П. Гончарова (Барнаул)

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ ПОСТСОВЕТСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ГОРНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)⁸

Анализ трендов в многообразных процессах, отражающих современные трансформации регионов России, является одним из важнейших шагов к пониманию сути современного развития нашей страны. Особенно актуальны оценки трендовых изменений, выражающихся в различных масштабах и уровнях освоения территории [1, с. 3]. Во всем «букете» постсоветских трансформаций можно отдельно выделить изменения систем природопользования в периферийных горных районах страны с высокой долей представителей коренных малочисленных народов. Направленность и сила таких трансформаций имеют свою выраженную региональную специфику [2, с. 151].

На протяжении нескольких тысячелетий на территории Алтая с ее специфическими природными условиями складывалась максимально адаптированная к ним система природопользования [2, с. 151], тесно связанная с воспроизводством и сохранением этнической идентичности, образа жизни и социокультурных особенностей коренного населения. Специфика природной среды и технологическая слабость производственных структур аборигенных социумов в досоветский период способствовали формированию широкого спектра стратегий адаптивного жизнеобеспечения [3, с. 116]. В отличие от условий централизованной плановой экономики, территориальная организация природопользования в современных российских регионах формируется объективными (стихийными, хаотичными) процессами, природно-хозяйственные структуры функционируют и развиваются принципиально по-другому [4, с. 222].

В рамках исследования «Постсоветские трансформации систем горного природопользования в Южной Сибири» (проект РФФИ № 14-05-00650 А) на территории Республики Алтай в 2015 г. проводилось анкетирование местного населения (n=200), в ходе которого опрошено 39,4% алтайцев, 33,7% русских, 16,1% казахов, 10,9% предста-

⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 14-05-00650 А «Постсоветские трансформации систем горного природопользования в Южной Сибири».

вителей других этнических групп (дунгане, метисы, татары, теленгиты, украинцы). Обратимся к результатам опроса местных жителей, рассказывающих о том, как за последние 25 лет изменился хозяйственный уклад их семьи.

Основными видами деятельности, которыми занимаются сегодня жители Республики Алтай, являются торговля и скотоводство (по 42% выборов). Следующим по популярности видом является огородничество (38,5%). Далее, с большим отрывом, идут пастбища и сенокосы (20,9%), а также собирательство (20,3%), рыболовство (19,2%). Охота, ручное земледелие, пашенное земледелие и лесозаготовки являются менее популярными.

Выявлена специфика видов деятельности в зависимости от района проживания респондентов⁹. Так, в Кош-Агачском районе жители занимаются преимущественно скотоводством (71,7%), а также пастбищами и сенокосами (32,6%). В Майминском и Онгудайском районах на первом месте стоит торговля (соответственно 61,5% и 52,3%), а на втором — огородничество (46,2% и 40,9%). В Улаганском районе на первом месте также торговля (60%), а на втором — охота (33,3%). Жители Чемальского района преимущество отдают работе на дачах и огородах (73,7%) и только потом уже торговле (39,5%). Похожая ситуация отмечена в Шебалинском районе: дачи/огороды и торговля занимают первое место среди основных видов деятельности местных жителей (по 42,3%); на втором месте скотоводство и пастбища/сенокосы (по 26,9%).

Также достоверно значимо различаются виды деятельности различных этнических групп, проживающих на территории Республики Алтай. Алтайцы и казахи, как правило, чаще занимаются скотоводством (соответственно 54,1% и 72,4%), русские — торговлей (58,6%), представители других этнических групп — огородничеством (38,1%).

Оценивая изменения, произошедшие в образе жизни их семьи за последние 20 лет, 61% опрошенных отметили, что большую роль в формировании семейного бюджета стало играть личное подсобное хозяйство (животноводство, огородничество, пчеловодство). Промысловое хозяйство (охота, собирательство), напротив, снизило свою значимость в формировании семейного бюджета для 65,6% опрошенных.

Статистически значимо различаются изменения в образе жизни жителей разных районов, участвующих в исследовании. Так,

⁹ Здесь и далее описываются только результаты сравнения, имеющие статистическую достоверность на 5% или 1% уровне по критерию χ^2 Пирсона.

для опрошенных жителей Кош-Агачского и Онгудайского районов за последние 20 лет большую роль в формировании семейного бюджета стало играть личное подсобное хозяйство, для жителей Улаганского района — промышленное хозяйство и собственный семейный бизнес, для жителей Майминского, Улаганского, Чемальского и Шибалинского районов — участие в обслуживании туристов.

В дифференцированных по национальности группах респондентов также выявлены различия, свидетельствующие о том, что ЛПХ стало более значимым в формировании семейного бюджета алтайцев (68,5%) и казахов (86,2%), собственный бизнес — у русских (57,1%) и других этносов (52,9%), а участие в обслуживании туристов — у алтайцев (53,3%) и русских (61,5%).

Далее респонденты оценивали долю различных видов хозяйственной деятельности в формировании их семейного бюджета. Личное подсобное хозяйство составляет половину (50%) семейного бюджета для 35,5% опрошенных и менее 30% — для трети опрошенных. Промышленное хозяйство и собственный семейный бизнес занимают менее 30% в доле семейного бюджета половины участников опроса. Участие в обслуживании туристов для 39,3% опрошенных также составляет менее 30% семейного бюджета. Выявлен интересный факт: в Улаганском районе собственный семейный бизнес у более половины опрошенных (58,3%) полностью формирует их семейный бюджет (100%). В других районах доля семейного бизнеса в формировании бюджета семьи — менее 30%.

Оценивая приемлемость для отдельных районов Республики Алтай различных видов хозяйственной деятельности, респонденты на первое место поставили экологический туризм — 52,4% выборов. На втором месте — создание ферм и плантаций животных и растений — 41,7%. Третью позицию в оценках респондентов занимает отгонное скотоводство — 40,1%.

Среди транспортных средств, используемых местными жителями в своей хозяйственной деятельности, респонденты называли: легковой автомобиль (для перевозки грузов и пассажиров, передвижения), велосипед, мотоцикл, снегоход, трактор (для пахоты, сенокоса, перевозки дров, передвижения), грузовой автомобиль (для перевозки сена, личный транспорт), лодка (для ловли рыбы), вездеход, квадроцикл, катер, мопед, сенокосилка.

Подавляющее большинство опрошенных жителей Республики Алтай имеют (в собственности или аренде) приусадебный земельный участок, треть — пастбища и сенокосы, пятая часть — пашни. Также респондентами были названы квартира, магазин, пасека, туристиче-

ская база. Больше половины участников опроса занимаются предоставлением соответствующих услуг или производством каких-либо товаров для продажи, таких как молочные продукты, овощи, орехи, рыба, сувениры, фрукты. Чаще всего этим занимаются жители Майминского района и алтайцы.

Также в ходе исследования мы анализировали трансформации природной среды за последние 10–20 лет. Более половины опрошенных (60%) отметили, что природа изменяется. Так думают жители преимущественно всех районов, участвующих в исследовании, за исключением Улаганского района, 68,8% опрошенных жителей которого считают, что природная среда не меняется. Чаще других изменение природной среды отмечают алтайцы и русские. По мнению респондентов, данное влияние выражается в ухудшении состояния здоровья, увеличении финансовых издержек (затраты на отопление), снижении урожайности, ухудшении качества земель и пр.

Таким образом, основные тенденции постсоветских трансформаций горного природопользования в Республике Алтай заключаются в следующем: основными видами деятельности, которыми занимаются сегодня жители Республики Алтай, являются торговля и скотоводство. Личное подсобное хозяйство составляет половину или менее 30% семейного бюджета для трети опрошенных, а промышленное хозяйство и собственный семейный бизнес — для половины участников опроса. В Улаганском районе собственный семейный бизнес у более половины опрошенных полностью формирует их семейный бюджет. Вместе с тем, больше половины участников опроса занимаются предоставлением соответствующих услуг или производством каких-либо товаров для продажи, таких как молочные продукты, овощи, орехи, рыба, сувениры, фрукты. Чаще всего этим занимаются жители Майминского района.

На протяжении последних 20 лет в положительную сторону изменилась роль личного подсобного хозяйства (животноводство, огородничество, пчеловодство) в формировании семейного бюджета, а в отрицательную — промышленного хозяйства (охота, собирательство). Заметно снизилась экономическая роль туристической деятельности и собственного семейного бизнеса в формировании семейного бюджета.

Трансформации затронули и сферу использования технических средств, среди которых появились сотовый телефон и автомобиль, мотоцикл, газонокосилка и мотоблок для вспашки. Наименее распространенными в хозяйственной деятельности являются электромедачка и электропастух. Подавляющее большинство опрошен-

ных жителей Республики Алтай имеют приусадебный земельный участок, который характеризуется наличием жилого дома с ограждением и хозяйственными постройками, имеющимся огородом и транспортными средствами.

Несмотря на отмеченное загрязнение окружающей среды, вымирание флоры и фауны, изменение климата, существенно сказывающихся на природопользовании в горных районах, большинство опрошенных отмечают, что изменение природной среды не влияет на их жизнедеятельность.

Перспективы развития хозяйственной деятельности в Республике Алтай определяются приемлемостью таких видов хозяйствования, как экологический туризм, создание ферм и плантаций животных и растений, отгонное скотоводство, огородничество, пчеловодство, изготовление сувенирной продукции и изделий народных промыслов. Для улучшения условий ведения хозяйства местным жителям необходима новая техника, льготное кредитование и продвижение товаров на рынок.

Библиографический список

1. Гуня А. Н. Региональные тренды в освоении территории и ландшафтов : дисс. ... д-ра геогр. наук. — М., 2005. — 297 с.

2. Дирин Д. А., Браун Н. К. Трансформационные процессы в природопользовании коренного населения Юго-Восточного Алтая // Известия Алтайского государственного университета. — 2013. — № 3–2 (79). — С. 151–155.

3. Рагулина М. В. Традиционное природопользование коренных малочисленных народов Сибири: тенденции и парадоксы развития // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. — 2014. — Т. 7. — С. 116–128.

4. Ключев Н. Н. Новые тенденции природопользования в российских регионах и их экологические последствия // Природопользование в территориальном развитии современной России / под ред. И. Н. Волковой, Н. Н. Ключева. — М., 2014. — 360 с. — С. 222–239.

О. В. Даровских (Горно-Алтайск)

КОЛИЧЕСТВЕННО–КАЧЕСТВЕННАЯ СТРАТЕГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТИСОВ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ)

Важным признается положение о том, что жизненный потенциал метисов включает в себя разнообразные формы их этнической идентификации и соответственно различные поведенческие стратегии и практики, личностные ориентиры, которые имеют множество аспектов изучения. Автором в 2006–2015 гг. было проведено социологические исследования, основанные на смешанной стратегии исследования жизненного потенциала метисов. В данной работе обосновывается необходимость применения количественно-качественного подхода. Автор использует понятие «метис» в широком и узком смыслах слова: в широком — как потомок смешанного межрасового или межэтнического (межнационального) брака, в узком — как этническая идентичность («метис (ка)»), как модель этнической самоидентификации.

Анализ специальной литературы по результатам социально-демографических обследований народов Сибири и Севера, европейской части Российской Федерации (РФ) выявил, что в исследованиях в той или иной степени рассматривается проблема метисации населения, но специальных работ, посвященных заявленной теме, недостаточно.

Россия исторически является полиэтничным, поликонфессиональным государством, в котором в начале XXI в. вопросы гражданства, региональной и этнической идентичности, проблемы интеграции общества остаются актуальными. Несмотря на «важные итоги двадцатилетия», в результате которых «сформировалась российская идентичность с ощущением у людей сильной связи с ней» [1, с. 83], для большинства людей актуальной в их самоопределении остается этническая идентичность. Этническая идентификация у человека смешанного происхождения имеет особенности, изучение которых требует применения технологий, позволяющих заглянуть «во внутренний мир», «закрытый мир», «глубинное сознание» и дают возможность, в отличие от количественной стратегии исследования, ориентированной на выявление количественных показателей, сосредоточиться на качественном подходе. Предметная область исследования обеспечена логикой смешанной стратегии исследовательского процесса, которая признает возможность сведения множественности описаний

реальности в одно. Более подробно о методологическом обосновании и практическом внедрении можно прочитать в работах автора [2, 3].

Республика Алтай является многонациональным и поликонфессиональным субъектом РФ, в котором в результате длительного совместного проживания на локальной территории коренного и пришлого населения сложилась устойчивая общность — региональное межэтническое сообщество. В межэтническом сообществе интеграционные процессы в сфере межкультурного обмена, смешения народов и культур носят устойчивый характер, что создает предпосылки для этнически-смешанных браков (межнациональных, межрасовых) и метисации населения. Метисный слой населения республики рассматривается как один из важных социокультурных феноменов в жизненном пространстве регионального межэтнического сообщества. В широком спектре проблем взаимодействия национально-этнических общностей и функционирования социальных институтов в Республике Алтай начала XXI в. недостаточно изученным предстает метисное население, его конкретные группы, представленные потомками смешанных браков, основных этнических общностей: русских, алтайцев и казахов.

Российская научная практика отбора метисных групп сельского населения предполагает работу с Похозайственными книгами [4, 5, 6]. В условиях города этот метод не работает и требует иного подхода. Гипотетично можно предположить следующие способы: 1) визуальный отбор; 2) по данным органов загса (по актам заключения браков и выдачи свидетельств о рождении); 3) по данным паспортного стола. Визуальный отбор метисов отпадает в силу своей некорректности. Акты заключения браков не дают полноты картины, т. к. существует вероятность несовпадения прописки и фактического места проживания человека, отсутствие потомства и др. Использование данных паспортного стола для исследователя непродуктивно ввиду отмены в паспорте графы национальности, что исключает привлечение этого вида работ.

Деликатность положения метисов в обществе, ограниченная возможность их поиска, некорректность прямого вопроса о происхождении человека предполагает, что в условиях города единственно возможным методом формирования выборки становится метод «снежного кома». Метод предполагает тщательный подбор объекта исследования. Основным требованием формирования объекта явилось соблюдение двух критериев: во-первых, это должны быть метисы, родители которых являются кровными представителями трех основных этносов республики — русских, алтайцев и казахов; во-вторых, они

должны представлять метисов первого поколения. Знакомые, друзья, соседи, родственники и др. лица могут выступить потенциальными информаторами, которые могут назвать, познакомить, свести исследователя с метисом. Таким образом, было отобрано 192 человека.

Сбор материала по предмету исследования осуществлялся методом глубинного полуструктурированного интервью с путеводителем, с элементами нарративного и следственного интервью, которое сопровождалось использованием косвенных, зондажных вопросов.

Согласно научной концепции автора уникальность объекта исследования требует применения особых технологий. По Дж. Белзону, количественная стратегия исследования, ориентированная на выявление количественных показателей через постановку вопросов «как много?», «как часто?», не позволяет выявить типическое, который реализуется через качественный подход [7, р. 15]. Предпочтение в выборе качественного подхода как метода анализа было также обусловлено методологическими положениями концепции жизненных сил человека как биопсихосоциального существа, которые позволяют по-новому взглянуть на взаимоотношения и человека, и окружающей среды. Человек в его деятельном подходе выступает «...в единстве его индивидуально-личностной организационно-коллективной субъектности» [8, с. 140]. В этом смысле анализ индивидуального интерпретируется как локальная процессуальная стадия, через которую можно выйти на коллективное, социальное.

С середины 1990-х гг. в российском научном сообществе известны работы исследователей различных областей знаний, в которых важными признаются идеи соблюдения принципа взаимодополнительности, когда качественные данные сопровождаются количественными.

Исследователи В. Б. Якубович [9], В. В. Семенова [10; 11, с. 6], О. М. Маслова сходятся в мысли, что, говоря о социальной реальности, которая доступна счету и отражена в количественных результатах, «...нужно помнить, что есть другие реальности, которые счету не доступны и отражаются в результате качественного анализа» [12, с. 15]. Ю. Н. Толстова, Е. В. Масленникова отмечают, что деление на количественников и качественников необходимо рассматривать как некое искусственное деление, за которым «стоит нечто большее ... наука идет по пути, где пересекаются качественное с количественным, где рождаются новые понятия и приемы исследования, не укладывающиеся ни в «качественное», ни в «количественное ложе» [13, с. 101]. Л. Я. Лаба, сравнивая различие подходов, отмечает, что «качественные и количественные методы могут применяться и для попеременной оценки достоверности их результатов ... качественные методы

могут быть использованы и для проверки эффективности использования инструментария количественных исследований» [14, с. 128].

Широко известны работы В. А. Ядова, который еще в начале 1990-х гг. предлагал научному сообществу взвешенно подходить к определению стратегии исследования, которое должно определяться задачами, объектом и предметом исследования [15, с. 13–31; 16, с. 104]. Н. Ешикова [17, с. 348], А. М. Улановский также предлагают обогащать дизайн исследований данным подходом [18, с. 3]. Т. Г. Исламшина, Г. Р. Хамзина обращают внимание на значимость использования в кандидатских диссертациях методического арсенала социологии в полном объеме, что касается качественных методов, рекомендуют иллюстрировать данные, добытые количественными методами, отмечая при этом ценность количественных методов для валидации качественного анализа [19, с. 329, 331].

В начале XXI в. в российской исследовательской практике наметилось сочетание количественного и качественного подходов, получившее название смешанной стратегии «микс-методов» (mixed methods research, кратко MMR), которая предполагает «совместить плюсы обоих подходов, нивелировав при этом их минусы» [20, с. 96].

В социологическом исследовании, проведенном автором, соблюдение сочетания количественного и качественного подходов осуществлялось обработкой массива данных полевого исследования с привлечением статистических и архивных материалов. Данный подход позволяет выявлять скрытые глубинные сущностные характеристики жизненного потенциала метисов и ранее не изученные тенденции в этнокультурных процессах Республики Алтай.

Библиографический список

1. Дробижеева Л. М. Российская идентичность и тенденции в межэтнических установках за 20 лет реформ // Россия реформирующаяся : ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. — Вып. 10. — М. ; СПб., 2011. — С. 72–85.
2. Даровских О. В. О качественной стратегии исследования этнического самосознания метисов // Тюркология. — Казахстан. — 2005. — № 4 (18). — С. 81–87.
3. Даровских О. В. Этническое расселение, межэтнические браки и метисация населения Республики Алтай : монография / под ред. С. И. Григорьева. — М., 2016. — 85 с.
4. Мархинин В. В. Межнациональные браки: состояние, динамика, проблемные ситуации (по материалам социологической экспедиции в национально-смешанные поселения Ханты-Мансийского, Ок-

тябрьского и Березовского районов Ханты-Мансийского автономного округа). — Новосибирск, 1997. — 237 с.

5. Октябрьская И. В. Туратинские казахи. Судьбы национальных меньшинств в России // Судьбы национальных меньшинств России. Туратинские казахи Алтая: опыт самосохранения этнической группы : материалы науч.-практ. конф. — Вып. 4 / под ред. М. А. Демина. — Барнаул, 2001. — С. 21–34.

6. Лавряшина М. Б. Комплексное исследование динамики демографических процессов и структуры генофонда коренных народов Южной Сибири : автореф. дис. ... д-ра биол. наук. — М., 2012. — 49 с.

7. Belzen J., Hood R. Methodological Issues in the psychology of Religion: Toward Another Paradigm // Journ. of Psychology. — 2006. — Vol. 140 (1). — P. 5–28.

8. Григорьев С. И. Качественное социологическое исследование жизненных сил славянских народов (вопросы теории и методологии) // Образование и социальное развитие региона. — 2001. — № 1–2. — С. 10–18.

9. Якубович В. Б. Качественные методы или качество результатов // Социология: 4М. — 1995. — № 5–6. — С. 17–27.

10. Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. — М., 1998. — 292 с.

11. Семенова В. В. Стратегии комбинации качественного и количественного подходов при изучении поколений // Интер. — 2014. — № 8. — С. 5–15.

12. Маслова О. М. Количественная и качественная методология: методология и методы (по материалам «круглого стола») // Социология: 4М. — 1995. — № 4–5. — С. 5–15.

13. Толстова Ю. Н., Масленников Е. В. Качественная и количественная стратегии. Эмпирическое исследование как измерение в широком смысле // Социологические исследования. — 2000. — № 10. — С. 101–109.

14. Лаба Л. Я. Способы интеграции качественных и количественных методов // Социологические исследования. — 2004. — № 10. — С. 124–129.

15. Ядов В. А. Стратегии и методы качественного анализа данных // Социология: методология, методы, математическое моделирование. — 1991. — № 1. — С. 14–31.

16. Ядов В. А. К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества [Электронный ресурс] // Официальный сайт ИС РАН. — 2010. — URL: <http://www//isras.ru/publ.html?id=1736> (дата обращения: 12.01.2016).

17. Eshikova H., Weisner T., Kalil A, Way N. Mixing qualitative and quantitative research in development science: uses and methodological choices // *Developmental psychology*. — 2008. — Vol. 44. — №2. — P. 344–354.

Д. А. Дирин, О. В. Дирина (Барнаул)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КУЛУНДИНСКОЙ РАВНИНЫ К ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В РАЙОНАХ ЕГО ПРОЖИВАНИЯ¹⁰

Кулундинская равнина располагается в западной части Алтайского края и граничит с Казахстаном на западе и Новосибирской областью на севере. В природном отношении это плоская равнина, занятая сухостепными ландшафтами. При этом данную территорию пересекают уникальные интразональные образования — реликтовые ленточные основные боры, протянувшиеся по ложбинам древнего ледникового стока пятью параллельными лентами с северо-востока на юго-запад. Также для Кулундинской равнины характерно большое количество озер самого разного размера, формы и геохимического состава воды. Многие из них имеют значительные запасы лечебной грязи.

Традиционно Кулундинская равнина имеет сельскохозяйственную специализацию. Однако важной тенденцией последнего десятилетия является диверсификация экономики Кулунды за счет активного освоения туристско-рекреационных ресурсов этой территории и развития на их базе рекреационного хозяйства. Так, Государственной программой «Развитие туризма в Алтайском крае» на 2015–2020 гг. предполагается функционирование в пределах Кулундинской степи двух туристско-рекреационных кластеров (преимущественно бальнеологической специализации) — Завьялово-Гуселетово и Яровой [1]. Наши исследования выявили значительный потенциал для формирования еще как минимум пяти кластеров [2, 3].

Тем не менее очевидно, что наличие высокого туристско-рекреационного потенциала еще не является достаточным условием для успешного развития на территории индустрии туризма и отдыха.

¹⁰ Работа выполнена при поддержке РФФИ и администрации Алтайского края грант № 16–45–220007-р_Сибирь_а «Комплексная оценка туристско-рекреационного потенциала Кулундинской степи и территориальное планирование его рационального использования».

Немаловажное значение имеет отношение населения к этой сфере деятельности и изменениям, которые она принесет в их социальную среду. Для выявления общественного мнения относительно перспектив развития туризма на территории Кулундинской равнины нами были проведены интервью и анкетирование населения в разных ее районах. Опросы проводились в населенных пунктах, расположенных наиболее близко к предполагаемым туристско-рекреационным кластерам. В общей сложности в опросах были задействованы 200 человек (n=200) в 7 населенных пунктах: Яровое — 44 чел. (22%); Малиновое Озеро — 37 чел. (18,5%), Бор-Форпост — 15 чел. (7,5%), Завьялово — 33 чел. (16,5%), Гуселетово — 17 чел. (8,5%), Степное Озеро — 28 чел. (14%), Бурла — 26 чел. (13%). Кроме того, в тех же населенных пунктах (исключение составил Бор-Форпост) были проведены 20 интервью, которые позволили раскрыть некоторые причины суждений, обозначенных в ответах на вопросы анкеты.

Респонденты относились к разным половозрастным и профессиональным группам, соответствуя в целом социально-демографической структуре населения Кулундинской степи.

Ответы на вопросы анкеты распределились следующим образом:

1. Считаете ли Вы перспективными направлениями экономического развития своего района туризм, отдых и оздоровление?

- а) туристско-рекреационное хозяйство может стать одной из ключевых отраслей экономики моего района — 23%;
- б) рекреационное хозяйство здесь может развиваться в основном для удовлетворения потребностей в отдыхе местного населения — 46%;
- в) рекреационное хозяйство для моего района не перспективно — 19,5%;
- г) затрудняюсь ответить — 11,5%.

2. Как Вы относитесь к возможности резкого увеличения туристического потока (приезд большого числа туристов) в Ваш район?

- а) отношусь положительно, так как это улучшит экономическое положение района — 61,5%;
- б) отношусь отрицательно. От туристов одни проблемы — 14%;
- в) мне все равно — 7,5%;
- г) затрудняюсь ответить — 17%.

3. Готовы ли Вы участвовать в обслуживании туристов?

- а) да, конечно — 15,5%;
- б) да, если мне были бы предложены хорошие условия — 42,5%;
- в) возможно, в качестве дополнительного дохода — 24%;
- г) нет, мне это не интересно — 12%;

д) затрудняюсь ответить — 6%.

4. *Каким образом Вы были бы готовы участвовать в туристской индустрии? (если утвердительно ответили на предыдущий вопрос)*

а) готов строить собственный бизнес, ориентированный на обслуживание туристов (экскурсионное бюро, гостиница и т. п.) — 16,5%;

б) могу предоставлять услуги, которые могут быть востребованы в том числе и у туристов (транспорт, торговля и т. п.) — 34,5%;

в) могу продавать свою продукцию туристам — 25,5%;

г) затрудняюсь ответить — 23,5%.

5. *Каковы ключевые проблемы, препятствующие развитию туризма в Вашем районе? (возможно несколько вариантов ответа)*

а) в районе нет препятствий для развития туризма — 5%;

б) в районе нет ярких туристских достопримечательностей/мало ресурсов для отдыха и оздоровления — 32%;

в) отсутствует/слабо развита туристская инфраструктура — 72%;

г) плохая транспортная инфраструктура — 56,5%;

д) местное население не готово к наплыву туристов — 14,5%;

е) другое (напишите) — 21,5%;

ж) затрудняюсь ответить — 13%.

6. *Какие негативные последствия может иметь развитие туризма и рекреации в Вашем районе? (возможно несколько вариантов ответа)*

а) ухудшение экологического состояния природной среды — 78%;

б) конфликты местного населения с туристами — 8%;

в) изменение привычного образа жизни — 21%;

г) повышение цен — 38,5%;

д) рост конкуренции за ресурсы (например, за землю) — 17%;

е) другое (напишите) — 13%;

ж) затрудняюсь ответить — 15,5%.

7. *Каковы основные положительные аспекты развития туризма в Вашем районе? (возможно несколько вариантов ответа)*

а) появление новых рабочих мест и возможности для дополнительного заработка — 71%;

б) развитие инженерной инфраструктуры района — 42,5%;

в) развитие сферы услуг, которыми могут пользоваться как туристы, так и местное население — 31%;

г) улучшение имиджа района — 16%;

д) возможность общения с людьми из разных стран и регионов — 21%;

е) другое (напишите) — 11%;

ж) затрудняюсь ответить — 9%.

8. *Что необходимо для эффективного развития туристско-рекреационного хозяйства в Вашем районе? (возможно несколько вариантов)*

а) разработка проекта комплексного освоения туристско-рекреационного потенциала района и его финансирование из государственного или регионального бюджета — 65,5%;

б) реализация отдельных частных инвестиционных проектов — 52%;

в) государственная поддержка местных предпринимателей — 55%;

г) улучшение транспортной доступности района — 71,5%;

д) рекламирование туристско-рекреационных возможностей района — 23%;

е) другое (напишите) — 13%;

ж) затрудняюсь ответить — 6%.

Полученные результаты анкетирования позволили выявить основные черты общественного мнения населения Кулундинской равнины относительно развития туризма на этой территории.

В целом следует отметить невысокую оценку населением перспектив развития туристско-рекреационного хозяйства в Кулундинской степи. Только 23% респондентов считают, что сфера туризма и рекреации может стать одной из ключевых отраслей экономики в районе, его специализацией в межрегиональном и международном разделении труда. Причем повышенный оптимизм в данном случае проявляли молодые люди (в возрасте до 33 лет) и особенно жители тех населенных пунктов, где индустрия туризма уже активно развивается (Яровое, Завьялово, Гуселетово). Пессимизм же в отношении перспектив развития туризма и отдыха, как показали уточняющие интервью, связан с сомнениями относительно того, что Кулундинская степь кому-то может быть интересна для посещения (перманентная недооценка имеющегося потенциала); представлением о туристско-рекреационном хозяйстве как о нехарактерной, нетрадиционной отрасли для данной территории. При этом к самой возможности приезда туристов в Кулундинскую степь абсолютное большинство респондентов относятся положительно, считая это шансом для улучшения социально-экономических условий территории. Только 14% опрошенных высказались негативно о возможном увеличении турпотока. Преимущественно это были пожилые люди, не желающие, чтобы что-то менялось в привычном жизненном укладе и в их привычной среде.

82% респондентов не исключают возможность своего участия в обслуживании туристов. Однако в структуре ответов ярко выраже-

на безынициативность населения в данной сфере. 42% участников анкетирования готовы работать в сфере туризма, если кто-то предложит им хорошие условия.

Большинство из тех, кто готов участвовать в обслуживании туристов, предполагают оказывать дополнительные услуги (транспорт, торговля, оздоровительные процедуры и т. п.), а также реализовывать туристам производимую продукцию (преимущественно сельскохозяйственную). Многие (23,5%) вообще не представляют, как могли бы участвовать в этой деятельности. Но все же 16,5% опрошенных готовы рассматривать туриндустрию в качестве своего основного источника дохода и строить собственный бизнес в этой сфере. В данном случае это очень высокий показатель, отражающий, в частности, социально-экономическую депрессивность района исследования и неудовлетворенность значительной части населения своим текущим уровнем жизни.

Ключевыми проблемами, препятствующими развитию туризма и рекреации в Кулундинской степи, местное население считает слабо развитую инфраструктуру отдыха и оздоровления (за исключением респондентов в г. Яровое), также в половине случаев отмечается недостаточная развитость (неполный территориальный охват или недостаточно высокое качество) инженерной, особенно транспортной инфраструктуры. Следует отметить, что эти проблемы не имеют фундаментального характера и могут быть легко устранены при наличии соответствующих инвестиций.

В числе прогнозируемых негативных последствий, которые может иметь развитие туризма и рекреации для районов Кулундинской степи, наибольшую обеспокоенность у респондентов вызывает возможное ухудшение экологического состояния природной среды. Также многие респонденты опасаются, что поток туристов может спровоцировать рост цен. В числе собственных вариантов предполагаемых проблем часто указывалось на возможную неудовлетворенность самих рекреантов от посещения района («зачем позориться на весь свет?») в связи с видимыми последствиями социально-экономического кризиса (запустение, бедность, пьянство и т. п.).

Положительные ожидания респондентов от развития туризма связаны, прежде всего, с появлением новых рабочих мест и возможностью дополнительного заработка (71%). Также люди надеются, что развитие туризма будет способствовать улучшению инженерной (42,5%) и социальной (31%) инфраструктуры районов Кулунды. Основными мерами стимулирования развития рекреации и туризма респонденты считают государственные инвестиции в инфраструктуру и финансовую поддержку местных бизнес-инициатив.

Таким образом, местная социосреда в целом является благоприятной для развития туристско-рекреационного хозяйства, большого энтузиазма и инициативности в этом направлении среди местного населения не отмечается. Местное сообщество ожидает инициатив извне. Необходимо повышение степени социальной ответственности и инициативности населения, интеграция всех региональных подсистем и институтов для решения проблем устойчивого социально-экономического развития на основе взаимного обучения.

Библиографический список

1. Государственная программа «Развитие туризма в Алтайском крае» на 2015–2020 годы. — Барнаул, 2014. — 28 с.
2. Дирин Д. А. Территориальная организация туризма в степной части Алтайского края // Туризм в глубине России : сборник трудов III Международ. науч. семинара. — 2014. — С. 24–29.
3. Дирин Д. А., Крупочкин Е. П., Рыгалов Е. В. Возможности диверсификации экономики Кулундинской степи: рекреация и туризм // Географические исследования молодых ученых в регионах Азии : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / ред. О. В. Останин. — Барнаул, 2016. — С. 16–19.

А. С. Качур (Барнаул)

СМИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА СТРАНЫ И СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ

«Имидж — целенаправленно формируемый (средствами массовой информации, литературой и др.) образ какого-либо лица, предмета, явления, призванный оказать на кого-либо эмоциональное и психологическое воздействие с целью рекламы, популяризации и т. п.» [1, с. 53].

Внутренний образ страны (по нашему мнению, в данном контексте возможно использование понятий «имидж» и «образ» как синонимов) зависит от социально-экономических, политических, культурных, демографических, национальных и других характеристик ее развития и базируется на восприятии страны ее гражданами. Также внутренний имидж страны зависит от сформированной у населения собственной идентичности (страновой, гражданской, этнической, локальной), которую можно рассматривать как систему символов,

знаков, мифов, ритуалов, брэндов, коммуникативных средств, проецирующих или отражающих индивидуальность государства, формируемых через систему образования, средства массовой информации.

Множество различных факторов оказывают влияние на формирование образа страны. Профессор Э. А. Галумов выделяет три группы факторов, влияющих на формирование имиджа страны. Первая из них почти не поддается манипуляции, а две другие могут корректироваться

1. Условно-статичные факторы: природный потенциал, национальное и культурное наследие, регулируемые геополитические факторы, исторические факты, имеющие значительное влияние на развитие страны, форма государственного устройства и структура управления.

2. Корректируемые условно-динамичные социологические факторы: социально-психологические настроения общества, характер и принципы деятельности общественных объединений, формы общественно-политической интеграции, морально-нравственные аспекты развития общества.

3. Корректируемые условно-динамичные институциональные факторы: устойчивость экономики (показатели ВВП, уровень доходов на душу населения, привлекаемые инвестиции), соответствие правовых норм международным требованиям, функции, полномочия и механизмы государственного регулирования различных сфер общественной жизни, эффективность властной конструкции [2, с. 36].

Каждая из названных групп факторов формируется с помощью различных инструментов и средств. Одним из таких инструментов формирования имиджа страны в сознании его граждан и преимущественно группы социологических факторов являются средства массовой информации. В процессе формирования образа государства в контексте общественного мнения СМИ используют большой набор приемов, среди которых можно выделить следующие: скрытие одних фактов и выделение других на общем фоне событий, публикация ложных сообщений, обострение определенных эмоций граждан с помощью визуальных средств или вербальных образов, обращение к системе ценностей определенного общества, стимулирование столкновений и другие.

Следует отметить, что средства массовой информации не только влияют на оценку всех сфер жизни общества, но и формируют определенные социальные настроения. Согласно Т. В. Науменко, средства массовой информации нередко принимает форму манипуляции общественным сознанием и социальным настроением. «Манипулирование в деятельности массовой коммуникации есть способ управле-

ния поведением массовой аудитории ... психологическое воздействие, по-разному влияющее как на отдельных индивидов, так и на различные социальные группы». Поэтому стоит отметить такую функцию СМИ, как формирование социального настроения граждан [3, с. 368].

Протестное поведение является видом социального настроения, характеризующимся неудовлетворенностью населения сложившейся ситуацией в обществе и его системах (политической, экономической, социальной, духовной), т. е. неудовлетворенность имиджем страны. Согласно Л. А. Гордону, протестная активность в России является следствием проблем, связанных с переходным периодом в экономике страны. Переходом к более благоприятным, комфортным условиям жизни для граждан, планируемых в перспективе, что создает условия для роста социального недовольства в настоящий момент. Также примером протестных настроений может быть электоральная позиция граждан (неучастие в выборах, голосование за определенные оппозиционные политические силы либо голосование «против всех»).

В период нестабильности (переходности) в развитии государства происходит формирование новой системы социальных субъектов, действующих на основе собственных интересов и принимающих протест в качестве одного из основных методов их достижения.

В первую очередь, к таким субъектам относятся действующие политики и другие представители власти, ученые и, самое главное, представители СМИ. Журналисты обладают самым высоким потенциалом влияния на формирование общественного мнения и протестных настроений в том числе за счет масштаба охвата аудитории. Опираясь на статьи в печатных и интернет-изданиях, радиопередачи и телепрограммы, общество воспринимает каждую отдельную личность или событие в терминах нравственности, организованности, удачности и т. д. Иными словами, средства массовой информации играют важнейшую роль в процессе формирования протестных настроений.

От того, какими источниками информации люди пользуются и каким из них доверяют, будет зависеть и их отношение к тому или иному событию, в том числе и протесту. В таком случае можно предположить, что те, кто пользуются и доверяют средствам массовой информации, представляющим протест в положительном свете, будут более склонны присоединиться к протестным выступлениям.

Таким образом, современные СМИ: газеты, журналы, радио, телевидение, Интернет — являются на сегодняшний день самым мощным каналом коммуникации и манипуляции, а также важнейшим фактором, влияющим на общественное самосознание и социальные настроения, которые, в свою очередь, формируют образ страны в целом.

Библиографический список

1. Васюкова И. А. Словарь иностранных слов: с грамматич. формами, синонимами, примерами употребления. — М., 1999. — 640 с.
2. Гравер А. А. Образ, имидж и бренд страны: понятия и направления исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2000. — № 3 (19). — С. 29–45.
3. Науменко Т. В. Философия массовой коммуникации. — М., 2013. — 390 с.

Я. А. Климук (с. Бурла)

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ КОНТИНГЕНТА УЧАСТНИКОВ КРЕСТЬЯНСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

Политика большевиков в деревне в 1920 — начале 1930-х гг. была основана на догмате об «усилении классовой борьбы по мере продвижения к социализму». В соответствии с ним не только нагнеталась эскалация насилия в отношении так называемых кулаков, но и проводилась планомерная работа по социальному расслоению крестьянства. Постоянно противопоставлялись интересы беднейшего и зажиточного крестьянства, середняки, провозглашаясь союзниками бедноты и рабочего класса, на деле оказывались ущемленными в правах и часто приравнивались к кулакам (отсюда возникали так называемые перегибы). В районах с казачьим населением (Быстрый Исток, Чарыш) казаки противопоставлялись крестьянам. Особой социальной группой на Алтае являлись бывшие красные партизаны, хотя в их числе были представители разных имущественных слоев.

Несмотря на политику искусственного разжигания социальной розни в алтайской деревне, крестьянство выступило единым фронтом против губительной для него политики большевиков. Однако назначенные властями социальные группы деревни позволяют составить довольно четкую социальную стратификацию участников крестьянского сопротивления на Алтае в середине 20-х — начале 30-х гг. XX в. Зажиточная часть деревни, несомненно, играла ведущую роль в противостоянии государству крестьянства в целом, но она была далеко не единственным социальным слоем, выступавшим против мероприятий власти, как долгое время утверждалось в исторической литературе. Все чаще звучат нелицеприятные высказывания в адрес вла-

стей со стороны середняков. Их содержание сводится примерно к следующему: «власть превратилась в Колчака, грабит хлеб, скот у трудовиков-крестьян, только не хватает еще плеток и скоро, как видно, будут драть, но раз так, то еще посчитаемся, кто кого подерет» [1]. Представители этой социальной группы довольно часто переходили к делу. Как и более зажиточные представители крестьянства, середняки неохотно сдавали хлеб государству [2], совершали террористические акты против активистов.

Показателен тот факт, что во главе многих массовых выступлений стояли представители среднего крестьянства. Сообщения об этом в архивных материалах встречаются довольно часто, но рассмотрим лишь одно из них. «5 и 6 мая [1930 г.] в с. Черная Курья Мамонтовского района к помещению с/с собралась толпа около 100 человек, руководимая середняками, с требованием выдачи хлеба. Из толпы были слышны разные нецензурные выкрики по адресу местной власти с угрозой о том, что все амбары будут разбиты» [3].

Настроения бедноты на протяжении рассматриваемого периода претерпевают значительные изменения. Если в 20-е гг. она высказывала претензии к государству, чаще всего связанные с «мягкими» мерами в отношении сельской буржуазии, то с переходом к сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса и ухудшением, как следствие, ее имущественного положения ситуация изменилась. Все чаще звучат высказывания в адрес властей, подобные словам батрачки Байковой на собрании бедноты: «Зачем выселять кулаков, пусть живут здесь, если бы не они, то батраки с голоду подошли бы» [4]. Несмотря на идеологическую обработку, столкновение интересов различных социальных групп деревни и прямой подкуп за счет средств, конфискованных у кулаков, беднейшее крестьянство весной — летом 1930 г., доведенное до отчаяния разорительной и для них коллективизацией, приняло участие в активном противостоянии государству. Характерно, что на некоторых этапах осуществления государственной политики в деревне участие бедноты и середняков в крестьянском сопротивлении на Алтае превосходило по численности кулацкое» [5].

О широком охвате различных социальных слоев алтайской деревни противостоянием крестьянства и государства на рубеже 1920–1930х гг. свидетельствует и социальный состав участников самого известного восстания — Уч-Пристанского. Всего восставшие насчитывали в своих рядах до 300 человек. Социальный состав примерно таков: 32% кулаки и антисоветские элементы; 42% — служащие; середняков — 24%; бедноты — 1,5% [6]. Таким образом, можно утвер-

ждать, что крестьянское сопротивление на Алтае в изучаемый период охватывало все социальные группы деревни по имущественному признаку. Однако необходимо отдельно рассмотреть еще две группы, не совпадающие с «кулачеством» по политическому признаку. Это партийно-советские работники и бывшие красные партизаны. Эти группы логично было бы отнести к оплоту большевиков в деревне, тем не менее и они приняли активное участие в сопротивлении крестьянства большевистскому режиму. При этом партизаны представляли реальную силу и вызывали наибольшее опасение властей. Местные советские и партийные работники, как правило, не выступали активно против мероприятий, проводимых правительством в аграрном секторе экономики. Тем не менее докладные записки и информационные сводки содержат информацию о пассивном недовольстве коммунистов. При этом чаще всего под недовольством понимается реальная оценка сложившейся в деревне ситуации. Отмечается, что ряд партийцев молча выслушивают потоки антисоветской агитации в одинолических беседах, даже поддерживая таковую [7]. В целом молодежь более открыто и откровенно высказывала свое мнение о политике государства. Если рядовые коммунисты, оценивая сложившуюся на селе ситуацию, выражали недоумение в отношении отдельных мер правительства, то комсомольцы говорили о том, что, по их мнению, делают крестьяне. При этом высказывания молодых людей выглядели как призыв к действиям. Подобным образом звучит высказывание комсомольцев Хазова (член РК КСМ), Мехова, Черемнова и Пинигина о том, что мужикам придется брать вилы и ковать пики, как в 1919 г. [8]. Подобные высказывания, как и недовольство политикой партии в целом, послужат в 1937 г. достаточным поводом для репрессий против значительного числа рядовых коммунистов. Такими же жертвами политических репрессий станут и большинство людей, принявших самое деятельное участие в установлении Советской власти на Алтае — красные партизаны.

Все чаще и чаще бывшие красные партизаны отказывали в своей поддержке политике, проводимой советской властью в отношении крестьянства. На их съездах и собраниях нередко звучали критика «раскулачивания» и даже призывы к восстанию. С мест поступают сообщения об антисоветских настроениях бывших красных партизан. Так, в общей характеристике Большереченского района Бийского округа говорится: «В селе Троицком группа бывших партизан проводит подпольные заседания и обсуждает вопрос о том, чтобы почистить советскую власть от студентов в очках» [9]. Партизаны пишут письма руководству [10], выступают на собраниях, орга-

низируют районные съезды, на которых чаще всего мнения их разделяются [11]. Если сначала партийные и советские органы пытаются использовать эти совещания и съезды в своих целях, то по мере развертывания сплошной коллективизации эта работа бывших красных партизан вызывает опасения у руководства [12] и, как следствие, запрет. Согласно «распоряжения [Сибирского] Крайкома ВКП (б) [Бийский] Окружком сообщает, что созыв конференции бывших партизан не разрешается» [13].

О серьезных опасениях местных органов власти нарастающим недовольством бывших красных партизан свидетельствует следующее письмо Барнаульского ОК ВКП (б) всем РК ВКП (б): «Партизанское движение на Алтае характерно тем, что, наряду с широким вовлечением в русло вооруженной борьбы с Колчаком основных бедняцко-средняцких слоев деревни, в состав партизанских отрядов были вовлечены и некоторые группы крестьян, принадлежащих к верхушечным зажиточным слоям деревни» [14]. Наличие в составе многотысячных партизанских отрядов, оперировавших на Алтае, зажиточной прослойки крестьянства оказало известное влияние и на формирование руководства партизанской армии в том смысле, что «на командные посты некоторых подразделений проник социальное чуждый элемент». Как результат — «в составе руководящих кадров партизанских частей находились, наряду с рабочими большевиками, такие лица, как Громов Иван Евдокимович (командир отряда, кулак-мельник), Кожин (командир полка, крестьянин-середняк, по убеждениям эсер), Тибейкин (командир полка, подпрапорщик, эсер), Бочаров Матвей (председатель армейского трибунала, по убеждениям эсер, подпрапорщик, зажиточный крестьянин), Рогов, Новоселов, Плотников и др.

С разгромом колчаковских банд и приходом Красной Армии начинается процесс дифференциации настроений и политических позиций среди руководящих кадров партизанского движения, вторая часть руководителей движения заняла непримиримую позицию в отношении политики партии и советской власти».

Обострение противостояния государства и крестьян, связанного с проведением целого ряда мероприятий «форсированного наступления на кулака», влечет за собой рост активности зажиточной части партизан, которые все больше и больше становятся на путь активной борьбы с политикой советской власти. При этом необходимо указать на то, что эта часть партизан всячески стремится привлечь на свою сторону бывших партизан, принадлежащих к бедняцко-средняцким слоям деревни, широко используя при этом старые партизанские традиции, личный боевой авторитет и связи.

Наиболее серьезным проявлением активности «антисоветски настроенной части партизан является попытка создать сепаратистские независимые от партийно-советских организаций партизанские центры, затушевать этим классовую борьбу в партизанской среде и, в конечном счете, увлечь за собой общую массу партизан» [14].

Таким образом, можно говорить о том, что те социальные процессы, которые проходили в деревне на рубеже 20–30-х гг., вызывали недовольство не только среди «кулачества», но и среди наиболее «революционно сознательной» части крестьян — красных партизан. А любое инакомыслие или недовольство рано или поздно каралось. Подводя итог всему вышесказанному, необходимо отметить, что, несмотря на доминирование зажиточного элемента, в крестьянском сопротивлении на Алтае с разной степенью активности принимали участие и другие социальные группы крестьянства. Однако в противостоянии крестьян и государства в середине 1920 — начале 1930-х гг. результат был предreshен заранее, и не в пользу самой многочисленной социальной группы. Политика «раскулачивания» объективно ускорила раскрестьянивание и подготовила почву к переходу политического руководства страны к массовым репрессиям.

Библиографический список

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. П-38. — Оп. 4. — Д. 42. — Л. 72–73.
2. ГААК. — Ф. П-38. — Оп. 4. — Д. 53. — Л. 102об. — 103.
3. ГААК. — Ф. Р-100. — Оп. 2. — Д. 108. — Л. 108.
4. ГААК. — Ф. П-46. — Оп. 1. — Д. 48. — Л. 4–6.
5. ГААК. — Ф. П-4. — Оп. 2. — Д. 47. — Л. 152.
6. ГААК. — Ф. П-12. — Оп. 4. — Д. 23. — Л. 54–62.
7. ГААК. — ФП-12. — Оп. 4. — Д. 53. — Л. 47–53.
8. ГААК. — Ф. П-12. — Оп. 4. — Д. 33. — Л. 16.
9. ГААК. — Ф. П-12. — Оп. 4. — Д. 119. — Л. 454.
10. ГААК. — Ф. П-12. — Оп. 5. — Д. 10. — Л. 10.
11. ГААК. — Ф. П-21. — Оп. 4. — Д. 11. — Л. 69.
12. ГААК. — Ф. П-4. — Оп. 4. — Д. 18. — Л. 31.
13. ГААК. — Ф. П-12. — Оп. 4. — Д. 120. — Л. 306.
14. ГААК. — Ф. П-4. — Оп. 5. — Д. 21. — Л. 2–5.

О. Н. Колесникова, Т. В. Чуканова (Барнаул)

СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ И ЗАЩИЩЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ РИСКОВ ПРОТЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В связи с происходящими изменениями общественных отношений на современном этапе развития российского общества проблемы взаимосвязи социального благополучия, социального самочувствия и защищенности приобрели особую актуальность. Они выступают результатом осознания и переживания человеком смысла и значимости различных сторон жизни, вырастают из непосредственных условий бытия человека, определяющих степень удовлетворения его многообразных потребностей, возможностей развертывания индивидуальной жизни, самоутверждения, самореализации.

Благополучие общества — это, прежде всего, благополучие его членов. Социальные и психологические проблемы, возникающие в процессе человеческого бытия в современном сложно структурированном обществе, не могут быть решены только на основе самодетельной взаимопомощи. Эти проблемы должны стать предметом деятельности специально подготовленных профессионалов — социальных работников. В последние годы в стране был сделан существенный шаг по пути институционализации социальной работы как системы идей, отношений и учреждений по поводу обеспечения социального благополучия людей с особыми нуждами и/или имеющими на данный момент социальную проблему, требующую социальной защиты, помощи и социальной поддержки. Ощущение социального благополучия связано с понятием субъективного благополучия человека.

Субъективное благополучие — понятие, выражающее собственное отношение человека к своей личности, жизни и процессам, имеющее важное значение для личности с точки зрения усвоенных нормативных представлений о внешней и внутренней среде и характеризующееся ощущением удовлетворенности.

В понятие субъективного благополучия необходимо включать и конкретные формы поведения, которые позволяют улучшать качество, позволяют достигать высокой степени самореализации. Благополучие личности представляет собой интегральное социально-психологическое образование, включающее оценку и отношение человека к своей жизни и самому себе и несущее в себе активное начало.

Социальное самочувствие определяется как интегральная характеристика удовлетворенности/неудовлетворенности человека своим положением, как индикатор его настроений и ориентаций. Это сложная форма достаточно устойчивого целевого социально-психологического состояния, возникающего у человека или группы людей под влиянием объективных обстоятельств их жизнедеятельности в обществе. Это состояние является тонким индикатором социального бытия людей, показывает удовлетворенность ими своим положением, своей жизнью, отражает их уверенность или неуверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне.

Очевидна взаимосвязь понятия социального самочувствия с защищенностью личности, социальной группы, общности людей от угроз их жизненно важным интересам, а также с понятием социального благополучия.

Интерес представляет субъективная оценка благополучия, социального настроения, самочувствия, которое отражается в оценке степени личной защищенности человека в различных сферах его жизни. Мониторинговое социологическое исследование, проведенное на факультете социологии Алтайского государственного университета методами массового опроса населения, экспертного опроса и контент-анализа СМИ, позволило проанализировать в том числе и субъективную оценку социального самочувствия населения Алтайского края [1, с. 115].

Одним из важных факторов, влияющих на социальное самочувствие, благополучие человека, является, конечно же, здоровье человека, как физическое, так и психологическое. Исходя из этого интересны данные по оценке состояния собственного здоровья и уровня медицинского обслуживания. По результатам исследования (2014 г.) довольно значительный процент респондентов (41,1%) периодически нуждаются в медицинской помощи, поскольку «временами болеют». Считают здоровье «нормальным» и «пока не жалуются на него» 35%; «часто болеют», соответственно, нуждаются в медицинской помощи 11,1%; имеют хронические заболевания 11,1%, а 2,3% — инвалидность. Выяснение того, где «получали медицинскую помощь в последний раз и платили ли за это?», привело к следующим результатам: возникающие проблемы со здоровьем подавляющее большинство респондентов (74,4%) предпочитают решать бесплатно в медицинских учреждениях по месту жительства; 20,5% не обращались за такой помощью, и лишь 5,1% платили за услуги, предоставленные в поликлинике или медпункте по месту жительства. Больше половины опрошенных (56,5%) получали медицинскую помощь в специализированном

медицинском учреждении или больнице, причем не платили за нее 38,4%, а вынуждены были заплатить 18,1%, что связано, очевидно, со спецификой предоставления услуг в подобных учреждениях. Больше половины отвечающих (52,2%) не обращаются в ведомственные медпункты, поликлиники, стационары, а среди обратившихся только 4% платили за оказываемую помощь. Столько же отвечающих (52%) не обращались в кабинеты частных врачей, а 45,1% воспользовавшихся такими услугами заплатили за них. Небольшое количество заболевших получили платную медицинскую помощь на дому (1,9%), не платили за нее 16,3% [2, с. 133]. Таким образом, в большинстве случаев респонденты пользуются бесплатной медицинской помощью, предоставляемой либо по месту жительства, либо в специализированных медицинских учреждениях.

Степень удовлетворенности населения государственным медицинским обслуживанием оценивалась рядом показателей, среди которых наиболее важными, по мнению респондентов, являются трудности в «связи с большими очередями к врачу» (66,3%); «врачи выписывают лекарства, которые трудно достать или они очень дорогие» (33,2%); «советы, рецепты врачей редко помогают» (24,8%). Только 15,2% отвечающих «в целом удовлетворены медицинским обслуживанием». Определенную сложность в получении медицинской помощи представляет удаленность лечебных учреждений. Возможность добраться до ближайшего «врача/фельдшера, поликлиники» составляет в среднем 80 мин., до ближайшей больницы — 93 мин., причем 16,9% отмечают, что и скорая медицинская помощь оказывается через несколько часов после вызова. Самооценка здоровья не может являться точным индикатором его реального состояния, но, тем не менее, на ее основе можно получить представление о существующей ситуации. Кроме того, именно самооценка здоровья может во многом определять поведение индивида (например, его активность на рынке труда), а также его самоощущение, субъективную оценку степени своей «включенности» в общество и, соответственно, степень удовлетворенности своими возможностями и своей жизнью в целом. Именно самооценка здоровья во многом определяет и поведение индивида с точки зрения его взаимодействия с системой государственной и частной медицины.

Важнейшими показателями социального благополучия, социального самочувствия являются его составляющие — психологическое здоровье, психологическое благополучие. Психологическое благополучие представляет собой системное качество человека, приобретаемое им в процессе жизнедеятельности, проявляющееся в переживании

содержательной наполненности и ценности жизни в целом как средства достижения внутренних, социально ориентированных целей, которое является условием реализации его потенциальных возможностей и способностей. Одним из условий, факторов формирования психологического благополучия, а также социального благополучия в целом является достаточный уровень эмоционального комфорта и уравновешенности [3, с. 24]. Важным показателем психологического благополучия человека выступает наличие референтной группы. Оценивая «среди каких людей» наибольший уровень психологического комфорта и где достигается наибольшее взаимопонимание, подавляющее большинство респондентов указали семью (70,3%), затем компанию друзей (20,9%) и работу (3,3%). Всего 0,5% ответивших встречают наибольшее взаимопонимание «в кругу единомышленников», 0,7% — среди соседей, что является показателем сужения социального пространства респондентов. Настораживает тот факт, что 2% отвечавших не находят взаимопонимание, а значит, поддержку, «нигде». Подобные ответы свидетельствуют о сложном социально-психологическом состоянии индивида [4, с. 20–25].

Анализ социального настроения, самочувствия населения дополняется оценкой степени личной защищенности от существующих угроз и опасностей. По результатам исследования в 2010 г., выявлено, что в рейтинге опасностей, волнующих разные группы населения, социально-экономические проблемы занимают лидирующие позиции: на первом месте стояли проблемы бедности, от которых население чувствует себя наиболее незащищенным и которые осознаются ими как проблемы особой важности, порождающие клубок новых проблем. Во-вторых, это преступность. На третьей позиции — экологические угрозы. Высоко, на четвертой позиции, в оценках населения стоит проблема произвола чиновников и правоохранительных органов. Пятерку вызовов защищенности населения замыкают их опасения потерять работу. Далее идут проблемы одиночества и заброшенности; притеснения из-за возраста или пола; преследования за политические убеждения; религиозные; ущемления по национальному признаку. Результаты исследования, проведенного в 2014 г., в целом серьезных расхождений в ранжировании существующих угроз и опасностей не выявили, за исключением опасности потерять работу, которая поднялась с пятого на второе место.

Итак, анализ социального самочувствия как интегральной характеристики социального благополучия предполагает выделение различного рода субъективных и объективных показателей. Полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что общую кар-

тину социального самочувствия, настроения населения дополняют: самооценка здоровья; степень удовлетворенности медицинским обслуживанием; степень психологического комфорта; оценка степени личной защищенности от существующих опасностей и угроз. В этой связи особое значение имеет региональная система социальной защиты населения, способствующая смягчению социальных контрастов и повышению качества жизни различных слоев населения. По мере адаптации большинства населения к экономическим условиям возникает важная задача — поддержание социального и духовного благополучия населения для нивелирования рисков протестного поведения населения региона, что требует дальнейшего изучения данной проблемы.

Библиографический список

1. Колесникова О. Н., Артюхина В. А., Чуканова Т. В. Социальное самочувствие как интегральная характеристика жизнедеятельности населения региона: результаты мониторингового исследования // Вестник алтайской науки. — 2014. — № 1. — С. 115–120.
2. Колесникова О. Н. Некоторые результаты и перспективы исследования социального самочувствия населения Алтайского края // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 6 / под ред. Колесниковой О. Н., Попова Е. А. — Барнаул, 2014. — С. 130–135.
3. Психическое здоровье детей и психосоциальное развитие детей: доклад комитета экспертов ВОЗ // Серия технических докладов № 613. — Всемирная организация здравоохранения. — Женева, 1979. — С. 16–37.
4. Колесникова О. Н., Чуканова Т. В. Социальное самочувствие, благополучие и безопасность человека: основные элементы взаимодействия // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 6 / под ред. Колесниковой О. Н., Попова Е. А. — Барнаул, 2014. — С. 20–25.

И. Б. Кузнецова, Ж. В. Савельева (Казань)

ПРИКЛАДНОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАВЕНСТВА В ЗДРАВООХРАНЕНИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ¹¹

Категории «социальная справедливость» и «социальное равенство» в истории социальной мысли имеют огромный «багаж» определений, в основе которых лежат разные классифицирующие основания, что создает определенную трудность для изучения данной проблемы в рамках прикладного социологического исследования. В связи с этим особое внимание заслуживают вопросы теоретической интерпретации и операционализации данных категорий в рамках разработки программы социологического исследования, которые требуют глубокой и детальной проработки для эффективного решения поставленных задач и для понимания столь сложного явления.

Одно из ключевых размышлений о справедливости, как среди классиков, так и среди современных мыслителей, связано с двумя крайними идеями. Первая интерпретирует феномен справедливости как равенства граждан в обладании ресурсами системы. Вторая идея отталкивается от догмата о справедливости неравенства в обладании благами, о необходимости соблюдения принципа пропорциональности блага вкладу индивида в систему и его заслугам. Данные идеи в широком смысле соответствуют социальной (социалистической) и либеральной (рыночной) модели политики в отношении здравоохранения.

В рамках «промежуточных» версий можно рассматривать те, в которых справедливость, в том числе в здравоохранении, понимается в контексте прав человека, приоритета равенства прав, их универсальности, и те, где трактовки справедливости отталкиваются от посыла о необходимости равенства в возможностях. «Критически важная роль возможностей (capability) для идеи справедливости» указывается А. Сеном как ключевая необходимая интерпретация концепта в условиях современности [1, с. 383]. Справедливость как обеспечение возможности выбора не исключает, по мысли Сена, в определен-

¹¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФНФ. Проект «Справедливость и равенство в здравоохранении: мнение экспертов, дискурс масс медиа и социальные представления пациентов». № 16-03-00579.

ных ситуациях для приближения к идеалу актуализацию, например, таких идей, как равноправие, учет личной успешности при распределении благ и т. п. Но при этом ядром понимания справедливости должны стать реальные эффективные возможности, которыми обладают люди для выбора жизни, в том числе выбора образа жизни в контексте здоровья. Концептуализируя теоретический подход к справедливости А. Сена применительно к здравоохранению, Дж. П. Руджер предлагает развивать идеи о необходимости возможностей доступа к ресурсам системы и соблюдению прав граждан на охрану здоровья [2].

Важной составляющей концепта справедливости является также традиция ее понимания как демократического консенсуса (плюралистический подход), который можно соотнести, например, с теорией рациональной политической коммуникации Ю. Хабермаса [3] и с концепцией публичной социологии М. Буравого. Как известно, М. Буравой различает четыре направления науки об обществе: профессиональная социология, политическая социология (в практическом смысле, т. е. удовлетворяющая запросы клиентов в лице организаций, агентств, корпораций), критическая социология и публичная социология, которую автор связывает с развитием риторики по актуальным вопросам жизни общества интеллектуалами за пределами академической аудитории [4].

В рамках социологии здоровья и медицины накоплен большой опыт всех четырех направлений социологии. Однако большое влияние на переосмысление политики в сфере здравоохранения и доступности медицинской помощи в последние несколько лет оказали политические (практические), публичные и критические подходы, связанные, прежде всего, с пониманием социальной справедливости и здоровья в контексте междисциплинарного поля социологии, общественного здоровья [5] и политической экономики [6]. Данные работы придают особенный вектор исследованиям здоровья и медицинского обслуживания, актуализируют важнейшую роль социально-экономического неравенства в здоровье, в продолжительности жизни в государствах, включая страны с высоким ВВП (такие как США и Великобритания), и предлагают инклюзивные модели здравоохранения.

Таким образом, в современном научном дискурсе проблема справедливости и равенства в сфере охраны здоровья рассматривается, прежде всего, через доступность и реальные возможности гражданина выбора образа жизни, доступность и обеспечение демократического обсуждения приоритетов в здравоохранении. Данные теоретико-методологические суждения предопределили ключевые понятия и характеристики, выделенные в ходе процедур по операционализации.

Определяющими для операционализации категориями, характеризующими социальную справедливость и равенство в здравоохранении в рамках проекта «Справедливость и равенство в здравоохранении: мнение экспертов, дискурс масс медиа и социальные представления пациентов» (Проект РГНФ № 16–03–00579), стали доступность, механизмы распределения и способы принятия решений в сфере охраны здоровья граждан. Ключевым понятием для интерпретации можно рассматривать доступность здравоохранения в сфере разных видов медицинских сервисов (амбулаторно-поликлиническая, стационарная, скорая и другие виды медицинской помощи). При этом доступность определяется, на наш взгляд, через следующие характеристики: территориальная доступность, гендерная доступность (с учетом особых потребностей мужчин и женщин), возрастная (с учетом особых потребностей различных возрастных категорий граждан), социально-экономическая доступность (с учетом статуса человека в сфере занятости, доходов и т. д.), доступность и инвалидность, доступность в контексте хронических заболеваний (развитость и доступность медицинских сервисов по скринингу, профилактике и лечению данных заболеваний), доступность репродуктивных сервисов, доступность и экология (с учетом особых потребностей жителей экологически неблагоприятных районов), доступность высокотехнологичной медицинской помощи.

Помимо доступности важной составляющей справедливости в рамках концепции возможностей, по нашему мнению, являются социокультурные барьеры, которые связаны с такими социальными характеристиками, как образование, социальный статус (например, мигрант, беженец и т. п.), боязнь стигматизации (ЗППП, психические расстройства и т. д.).

Важным субъектом для обеспечения демократического обсуждения приоритетов и совместной работы в сфере охраны здоровья является общественность, местные сообщества (религиозные организации, образовательные учреждения, предприятия), в связи с чем данная категория также была учтена в ходе операционализации. По этой же причине в раздел интерпретации программы социологического исследования были включены блоки «Информационная открытость здравоохранения», «Возможности оценивать медицинские услуги и влиять на их качество», «Возможность влиять на процессы принятия решения в сфере политики здравоохранения». Помимо перечисленных характеристик, в схему операционализации вошла категория «Профессиональная мотивация и ожидания медицинского корпуса», что обусловлено необходимостью выяснить оценки

справедливости специалистов в области здравоохранения в контексте проводимых реформ и социальных изменений.

В заключение укажем, что проблема социальной справедливости здравоохранения, ее интерпретации с позиции различных субъектов социального пространства является крайне актуальным полем для прикладной социологии. Разработанная программа социологического исследования и будущие результаты проекта позволят выстроить символические модели интерпретации справедливого здравоохранения и сделать шаг в направлении гармонизации социальной политики в сфере здоровья.

Библиографический список

1. Сен А. Идея справедливости. — М., 2016.
2. Ruger J. P. The health capability paradigm and the right to health care in the United States // Theoretical Medicine and Bioethics. — 2016. — 37 (4). — P. 275–292.
3. Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность. — М., 1995.
4. Burawoy M. Introduction: Sociology as a combat sport // Current Sociology Monograph. — 2014. — Vol. 62 (2) 140–155 [Electronic resource]. — URL: <http://burawoy.berkeley.edu/PS/Precarious%20Engagements.pdf> (дата обращения: 18.11.2016).
5. Kho S. Health justice and capabilities: A turning point for global health? // International Sociology. — 2013. — Т. 28. — №2. — С. 155–167.
6. Marmot M. The health gap: the challenge of an unequal world. — New York ; London, 2015.

Д. А. Неваева, М. И. Черепанова (Барнаул)

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ)¹²

В современных условиях России, характеризующихся социально-экономическим, нравственным кризисами общества, кардинальными изменениями ценностных ориентиров, вопрос гражданской ак-

¹² Опубликовано при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет». Код проекта: 1475 «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

тивности молодежи актуализируется. Исторически на молодую часть населения возлагаются активные социальные, политические роли. Это обусловлено тем, что молодежь настроена на внесение новшеств, меньше (чем другие группы населения) подвержена стереотипам и, как правило, не обременена бытовыми проблемами. Совместно с верой в собственные силы, верой в изменение мира к лучшему молодежные инициативы часто являются позитивным вкладом в развитие общества. Однако юношеский радикализм, желание действовать «здесь и сейчас», непринятие общественных законов и норм может и дестабилизировать общество. История имеет и такие примеры. В основе такой разнонаправленной гражданской активности находятся разные платформы мотивации. Как отмечает Р. Ю. Шикова, целенаправленные усилия в сфере формирования гражданской идентичности являются залогом стабильного функционирования социально-политической системы общества [1, с. 2]. И, по ее мнению, социокультурная трансформация порождает «кризис идентичности», в т. ч. гражданской. Привычные механизмы интеграции «пошатнули» жизненные ориентиры граждан. Новые векторы разнонаправлены и в условиях демократизации общества часто размыты. Результаты социологических исследований, проведенных Институтом социологии РАН, демонстрируют сложности в гражданском самоопределении молодежи, в содержательном восприятии ценностей патриотизма и гражданской ответственности. Молодое население (до 30 лет) менее настроено на «активное гражданство», чем, например, старшее поколение. Сразу отметим, что под данной социальной группой лиц мы понимаем население в возрасте 15–30 лет (согласно Распоряжению Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р [2]). Под гражданской идентичностью понимаем «результат когнитивного, ценностного, эмоционального процесса осознания индивидом своей принадлежности к гражданской общности, проявляющегося в определенном типе идентификационного поведения субъекта гражданской общности и принятии им поведенческой модели гражданина» [3, с. 60]. Таким образом, гражданская идентичность в своей структуре имеет три основных элемента: когнитивный (знание), ценностный (отношение) и эмоциональный (принятие). Изучение данных элементов позволит объяснить, на какой мотивационной платформе действует и живет молодежь в конкретном субъекте.

В 2014–2016 гг. факультетом социологии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» под руководством С. Г. Максимовой был проведен социологический опрос, направленный на изучение представлений о народе России, его интересах, отношении к стране.

В опросе приняло участие население 15–75 лет девяти регионов Российской Федерации. Проанализируем результаты, полученные в одном из исследуемых регионов — Алтайском крае.

Согласно результатам опроса, более 95% молодежи считают себя гражданами России. При ответе на вопрос «что для вас значит быть гражданином государства» молодые люди считают: быть патриотом, любить Россию; соблюдать законы, уважать Конституцию. Менее 15% ответили, что быть гражданином — это иметь гражданскую ответственность, гражданскую совесть, чувствовать себя причастным к большим и малым делам государства. Активная позиция гражданина характерна для молодежи, но нужно отметить, что в XXI в. их гражданская активность большей частью реализуется в форме участия в неформальных объединениях следующей направленности: досуговой, общественно-политической, экологической. Эти объединения, как правило, не направлены на реализацию социальных программ, оказание всевозможной помощи (как, например, на Западе). В России, к сожалению, волонтерское движение либо носит принудительный характер, либо является частью досуга молодежи. Результаты опросов (данного и других [4]) позволяют заключить, что у российской молодежи отсутствует политическая культура (интеграция политического сознания, поведения, интересов). Кроме того, общество не умеет (или не желает) формировать данную культуру в молодежной среде. На данный момент результаты опроса показывают, что последовательной и конструктивной активности со стороны молодых граждан не наблюдается. Частные случаи не позволяют говорить о сформированной «активной гражданственности» у молодежи региона в целом. Несмотря на то, что, по сравнению с периодом середины 90-х годов XX столетия, индивидуальная социальная активность молодого поколения повысилась, результаты опроса демонстрируют, что говорить о серьезной, последовательной конструктивной общественно-политической деятельности со стороны молодежных организаций (да и молодежи в целом) пока преждевременно.

Исследование гражданской активности современной молодежи должно основываться на том, что эта группа населения — субъект социального действия (а не объект воспитания). Только в условиях консолидации сферы образования, органов власти и всей структуры социальных институтов возможна разработка комплексной программы, позволяющей самореализовываться и развивать способности молодежи, повышать уровень ее правовой и нравственной культуры, оптимизировать гражданское становление молодого поколения. Обеспечить действенное участие молодого поколения в условиях размы-

тости ценностных ориентиров позволит только усиленная совместная целенаправленная и продолжительная программа.

Библиографический список

1. Шикова Р. Ю. Идентичность молодежи России в условиях социокультурной трансформации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — № 1. — 2010. — 5 с. [Электронный ресурс]. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-molodezhi-rossii-v-usloviyah-sotsiokulturnoy-transformatsii>
2. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru/>.
3. Еремина Е. В., Ретинская В. Н. Гражданская идентичность молодежи как приоритетное направление государственной политики // Власть. — № 4. — 2014. — С. 59–62.
4. Ноянзина О. Е., Максимова С. Г., Авдеева Г. С., Омельченко Д. А., Гончарова Н. П. Этническая и гражданская идентичность населения современного региона России // Вестник Алтайского государственного аграрного университета России. — № 6 (8). — 2015. — С. 200–204.

А. М. Сергиенко, О. А. Иванова (Барнаул)

ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И ЗДОРОВЬЕ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

Устойчивое социально-экономическое развитие сельских сообществ во многом определяется развитием здравоохранения, доступностью и качеством его услуг, здоровьем населения, его молодой части. В данной статье рассмотрим, каковы современные тренды в развитии сельского здравоохранения и динамика здоровья сельских жителей. Наряду с данными государственной статистики информационной основой исследования послужили результаты проведенных нами выборочных и экспертных опросов (2002, 2008, 2011, 2013, 2016 гг.), глубинных интервью с сельскими жителями (2013–2015 гг.) в одном из российских аграрных регионов — Алтайском крае.

Анализ сдвигов в рейтинге социальных проблем села за 2002–2013 гг. показал, что уже в 2008 г. каждый четвертый сельский житель остро почувствовал низкое качество и снижение доступности

услуг здравоохранения [1–3]. С 2002 г. рейтинг этой проблемы вырос в два раза, поднявшись на шестое место. Изменения в здравоохранении за последующие пять лет вызвали у сельского населения наибольшую неудовлетворенность в сравнении с переменами в других отраслях социальной сферы (более 60% неудовлетворенных), хотя при этом масштабы осознания проблем сохранились на прежнем уровне [4]. В 2013 г. здравоохранение по-прежнему входило в шестерку «лидеров» социальных проблем села, наряду с безработицей, низкой зарплатой, миграцией молодежи из села, проблемами жилья и алкоголизмом. Среди личных и семейных проблем сельских жителей проблемы доступности медицинских услуг также традиционно лидировали (их выделил каждый пятый респондент) вслед за ростом цен и низкими доходами, проблемами неблагоустройства поселения.

Проблемы ухудшение здоровья населения, недоступности и низкого качества медицинских услуг в еще более острой форме оценивались представителями местной власти и организаций социальной сферы, большинство экспертов относили эти проблемы к наиболее актуальным в социальном развитии села [1–4].

Негативные сдвиги в рейтинге социальных проблем отражают реальную ситуацию продолжающегося уже третье десятилетие разрушения его инфраструктурного ядра, массового выбытия его объектов [1–5]. Но если до середины 2000-х гг. наблюдалось постепенное уменьшение количества фельдшерско-акушерских пунктов, больниц и поликлиник на селе, то последующие годы отмечены их кардинальным сокращением, связанным с реструктуризацией в системе оказания медицинских услуг.

Среди проблем получения медицинских услуг сельскими жителями в 2011 г. зафиксированы значительные масштабы их материальной, временной и территориальной недоступности: *«невозможно в разумные сроки попасть на прием к врачу»* (41% респондентов); *«не хватает средств на оплату приема у платного врача, лечения или операции в городской (районной) больнице»* (37%); *«регулярно не хватает льготных лекарств и денег на оплату назначенных врачом лекарств (анализов, процедур)»* (36%), *«нет врачей нужных специальностей»* (30%); *«невозможно быстро получить экстренную медицинскую помощь»* (22%); *«отсутствуют необходимые диагностические службы (рентген, УЗИ, ЭКГ и т. п.)»* (17%) [2, 3]. По этой причине селяне реже горожан проходили диспансеризацию, а в случае недомогания чаще предпочитали лечиться самостоятельно, «народными» средствами.

В 2016 г. здравоохранение, наряду с социальным обеспечением и ЖКХ, вызывало наибольшую неудовлетворенность у сельской мо-

лодежи региона (более четверти неудовлетворенных в рейтинге оценки состояния отраслей социальной сферы). Здравоохранение также является «лидером» по ухудшению позиций в рейтинге изменений в отраслях социальной сферы: половина молодых селян края оценили, что за последние восемь лет (2008–2016 гг.) ситуация здесь ухудшилась наиболее существенно (из интервью с молодой домохозяйкой из с. Стуково Павловского района в 2015 г.: «Наиболее острой проблемой для нашей молодой семьи является неудовлетворительная работа местного ФАПа: здание давно нуждается в ремонте, зимой там очень холодно, постоянно боюсь простудить ребенка, нужных лекарств зачастую не бывает, а единственный фельдшер физически не может уделить всем нуждающимся должного внимания. Вот и приходится ездить в ЦРБ в райцентр, а это почти 60 км, да еще и транспортное сообщение между селами ужасное, а машины у нас нет»).

Вместе с тем, начиная с 2000-х гг., особенно со второй половины, в сфере сельского здравоохранения происходили и позитивные процессы [1–5]. В частности, увеличилась обеспеченность селян медицинскими кадрами (врачами и особенно средним медперсоналом), в отдельных районах появилось новое медицинское оборудование, что отразилось на улучшении диагностики заболеваемости сельских жителей. И в 2008 г. удалось переломить негативный тренд заболеваемости в селах, тогда как за предшествующий период с середины 1990-х гг. статистикой был зафиксирован ее почти полуторный рост. В сельской местности края в 2015 г. общая заболеваемость охватила почти 216 тыс. чел. (96% к показателю 2014 г.), что ниже среднекраевого показателя на 14,3%. Первичная заболеваемость зафиксирована у 90,5 тыс. сельских жителей (97,8% к показателю 2014 г.), что на 17,4% ниже среднего значения по региону.

Дополнительным инструментом в оценке здоровья сельских жителей могут служить их субъективные оценки. Так, среди опрошенных нами в 2011 г. селян только 46% не имели серьезных проблем со здоровьем, каждый третий имел серьезное хроническое заболевание, 12% — инвалидность [2]. По опросу весной 2016 г., почти каждый молодой селянин края имел какие-либо проблемы со здоровьем, в том числе 7% — серьезное хроническое заболевание, 2% — инвалидность. Почти половина представителей сельской молодежи обычно оценивает состояние своего здоровья лишь на основе самочувствия и только 3% — на основе медицинского обследования. Комплексное медицинское обследование для диагностики состояния здоровья с участием разных специалистов в течение последних 2–3 лет проходила только четверть опрошенных молодых селян.

Современной особенностью динамики здоровья населения является рост значимости социальных факторов и повышение удельного веса болезней, имеющих социальные корни, вызванных социальными девиациями. Так, по мнению С. Соболевой, О. Чудаевой и Н. Смирновой, огромную роль в увеличении смертности в России играет алкоголизация и наркотизация населения, опасность которой заключается, в частности, в ее распространении в молодежной среде [6, с. 172]. По опросу 2016 г., для пятой части молодых селян региона алкоголизация и распространение наркомании являются наиболее острыми проблемами социального развития сельских поселений (20 и 17% соответственно). Почти каждый шестой представитель сельской молодежи края лично (либо его семья) столкнулся с данными проблемами в последнее время (из интервью с механизатором, проживающим в с. Стуково Павловского района, в 2015 г.: *«По выходным часто с друзьями собираемся и что-нибудь пьем. А что еще делать, если куда пойти, не в библиотеку же? Правда, в последнее время стал замечать, что некоторые парни совсем запиваться стали, даже могут на работу не ходить. Но пока не вижу в этом серьезной проблемы, если будет нужно, я уверен, они ни капли в рот не возьмут»*). Каждый третий представитель сельской молодежи рассматривает борьбу с алкоголизмом и наркоманией, в том числе в молодежной среде, в качестве наиболее приоритетной меры по сокращению миграционного оттока молодежи из села.

В настоящее время наиболее актуальными проблемами, препятствующими поддержанию и улучшению здоровья, для сельской молодежи Алтайского края является не только низкий уровень материально-технического обеспечения состояния медучреждений и нехватка квалифицированных кадров — врачей, среднего медперсонала (по 30%), но и низкий уровень доходов (43%). По результатам опросов, сельскими жителями с проблемами здоровья чаще являются менее обеспеченные, холостые (незамужние), безработные, имеющие более низкий уровень образования [2, 3, 7, 8]. Такие селяне (с проблемами здоровья) значительно хуже оценивают качество питания и жилья, доступность получения желаемого образования и в целом жизненные перспективы.

Таким образом, анализ трендов развития сельского здравоохранения и динамики здоровья сельских жителей показал следующее. Во-первых, село продолжает активно терять инфраструктурное ядро здравоохранения, что уже отразилось на кардинальном сокращении территориальной доступности медицинских услуг, особенно последние десять лет, и, как следствие, отмечается ухудшение диагности-

рования и регистрации заболеваний, высокий уровень неудовлетворенности сельских жителей состоянием и происходящими изменениями в здравоохранении, ухудшение здоровья. В условиях отсутствия комплексного подхода к развитию здравоохранения на селе акцентированная политика по реструктуризации и оптимизации сети медицинских учреждений на экономической основе привела к тому, что происходящие точечные, селективные позитивные изменения в этой сфере, выраженные в обновлении материально-технической базы, развитии выездного медицинского обслуживания сельского населения (социальный поезд «Здоровье»), дистанционном консультировании сельских врачей, экономической поддержке молодого квалифицированного персонала (например, через государственную программу «Земский доктор»), пока дали столь же точечный, мизерный эффект.

Вместе с тем проблемы здоровья многоаспектны и взаимосвязаны с широким спектром других социальных проблем, зависят не только от состояния сферы медицинских услуг, а от множества показателей уровня и качества жизни, от особенностей социального поведения людей, их образа жизни. Так, в кризисные годы усиливается влияние негативных социальных факторов здоровья, таких, например, как алкоголизация и наркотизация. Именно поэтому решение проблем здоровья и развития здравоохранения на селе должно осуществляться системно. В государственной политике необходимо уйти от приоритетности экономического подхода в критериях оценки эффективности здравоохранения, а именно: ключевым должен стать критерий социальной эффективности, оцениваемый через показатели удовлетворенности населения медицинским обслуживанием, территориальной и материальной доступности медицинских услуг, заболеваемости населения и охвата населения мерами профилактики, а также в конечном счете показатели уровня смертности и продолжительности жизни. Кроме того, более существенный эффект от усилий государства в обеспечении сельских поселений квалифицированными медицинскими кадрами можно получить не только на основе экономического стимулирования приезжающих в село молодых специалистов, но и с учетом оценки их удовлетворенности всем комплексом условий жизнедеятельности.

Библиографический список

1. Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития : колл. монография / науч. ред. А. Я. Троцкий. — Барнаул, 2011. — 295 с.

2. Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления : колл. монография / под общ. ред. А. М. Сергиенко. — Барнаул, 2014. — 330 с.

3. Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты : колл. монография / науч. ред. А. Я. Троцкий. — Барнаул, 2013. — 330 с.

4. Сергиенко А. М. Социальное развитие села: от выживания к системным инновациям? // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 7. — Барнаул, 2015. — С. 132–140.

5. Троцкий А. Я., Родионова Л. В., Сергиенко А. М. Проблемы социального развития села в рамках реализации проекта «Комплексное развитие Алтайского Приобья» // Субфедеральная экономическая политика: проблемы разработки и реализации в Сибирском федеральном округе / под ред. А. С. Новоселова. — Новосибирск, 2012. — Гл. 14. — С. 402–416.

6. Соболева С. В., Чудаева О. В., Смирнова Н. Е. Формирование демографического потенциала Сибири // Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири / отв. ред. В. В. Кулешов. — Новосибирск, 2014. — С. 161–191.

7. Иванова О. А. Типология сельской молодежи Алтайского края по социально-экономическим показателям ее положения и специфике миграционных установок // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 4. — Барнаул, 2012. — С. 342–346.

8. Сергиенко А. М., Решетникова С. А. Социальная поддержка сельских молодых семей в Алтайском крае : монография. — Барнаул, 2013. — 202 с.

Ю. В. Трофимова (Барнаул)

САМООРГАНИЗАЦИЯ И ДОМИНИРУЮЩЕЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ КУРСАНТОВ ВУЗА МВД РОССИИ

На современном этапе саморазвитие рассматривается в двух смысловых контекстах. В первом контексте саморазвитие признается как сознательная деятельность человека, направленная на более полную реализацию себя, через осознанный выбор открывающихся возможностей и отклоненных альтернатив, что часто связывается с ав-

торской позицией человека. Второй смысловой контекст раскрывает «общесистемное» содержание понятия. Феномены саморазвития, самодвижения в изучении мышления были обнаружены смысловой теорией мышления О. К. Тихомирова при изучении операциональных смыслов, эмоциональной активации, динамики ценностно-смысловой структуры ситуации. Сначала феномен саморазвития был обнаружен при исследовании мыслительной деятельности, а позже раскрыт применительно к становлению многомерного мира человека [1].

Важным в процессе рассмотрения феномена саморазвития выступает проблема эмоциональных состояний человека, которая остается актуальной в психологии. Двойная обусловленность эмоций, о которой говорил В. И. Слободчиков, и со стороны потребностей (мотивации), и со стороны особенности ситуации, сигнализирует субъекту о возможности/невозможности удовлетворения его потребностей в конкретной ситуации. Так, на наш взгляд, доминирующие эмоциональные состояния могут выступать маркером успешности или затруднений в жизнеосуществлении, за которым стоит усложнение (стагнация, упрощение) многомерного мира человека [2]. В этой связи становится значимым установление взаимосвязи самоорганизации, как частного проявления саморазвития, и доминирующих эмоциональных состояний. Е. Ю. Мандрикова предлагает рассматривать самоорганизацию деятельности как структурирование личного времени, тактическое планирование и стратегическое целеполагание [3].

В пилотном исследовании приняли участие 58 курсантов Барнаульского юридического института МВД России. В исследовании использовались опросник самоорганизации деятельности Е. Ю. Мандриковой и методика определения доминирующего состояния Л. В. Куликова. Полученные данные по указанным выше методикам подверглись корреляционному анализу (коэффициента корреляции Спирмена).

В результате корреляционного анализа нами было выявлено пять достоверных корреляционных связей между шкалами опросника самоорганизации деятельности Е. Ю. Мандриковой и методикой определения доминирующего состояния Л. В. Куликова. На выборке курсантов выявлены следующие взаимосвязи:

1. Отрицательная корреляционная связь между шкалами «Самоорганизация» и «Тонус» ($r = -0,363$, $p = 0,005$), «Удовлетворенность-неудовлетворенность жизнью» ($r = -0,307$, $p = 0,019$). Это указывает на то, что склонность использовать внешние средства организации своей деятельности выступает условием преобладания негативных эмоциональных состояний. Полученный факт можно объяс-

нить тем, что условия учебной деятельности связаны, с одной стороны, со строгой регламентацией распорядка дня, нормированной последовательностью выполнения разнообразных видов деятельности, с другой, большим количеством внеучебных мероприятий, поручений и заданий в рамках служебной деятельности. Эти условия не позволяют самостоятельно и четко планировать собственную деятельность, так как она может идти вразрез с вновь поступившими поручениями и заданиями, что приводит к необходимости перестраивать свои планы и деятельность под новые условия.

2. Положительная корреляционная связь между шкалами «Настойчивость» и «Устойчивость-неустойчивость эмоционального тона» ($r = 0,310$, $p = 0,018$). Склонность курсантов к приложению волевого усилия для завершения начатого дела и упорядочивания активности связано с возможностью поддерживать ровный положительный эмоциональный тон, высокую эмоциональную устойчивость, эффективную эмоциональную саморегуляцию. Таким образом, способность сконцентрироваться на выполнении задания, довести его до результата, найти ситуацию для реализации намеченного является важным условием положительных эмоциональных состояний.

3. Положительная корреляционная связь между шкалами «Ориентация на настоящее» и «Удовлетворенность-неудовлетворенность жизнью» ($r = 0,340$, $p = 0,009$), т. е. чем выше склонность курсантов фиксироваться на происходящем в настоящий момент времени, тем выраженнее удовлетворенность жизнью и самореализация. Таким образом, способность сконцентрироваться на выполнении задания, довести его до результата, найти ситуацию для реализации намеченного является важным условием положительных эмоциональных состояний.

4. Положительная корреляционная связь между шкалами общей показатель самоорганизации деятельности и «Активное-пассивное отношение к жизни» ($r = 0,261$, $p = 0,048$). Даная группа связей указывает на то, что высокая склонность субъекта самоорганизации деятельности связана с активным отношением к жизни.

Таким образом, можем отметить, что способность самоорганизации собственной деятельности связана и с положительным модусом доминирующих эмоциональных состояний. Есть только одно условие, влияющие на снижение эмоционального тонуса, а именно склонность курсантов к использованию внешних средств организации деятельности, что идет вразрез с условиями обучения. При обучении в режимном вузе, т. е. закрытом учебном заведении с четкой регламентацией жизнедеятельности, самостоятельное и подробное планиро-

вание не всегда может быть реализовано в связи со вновь поступившими поручениями и заданиями, что приводит к необходимости перестраивать свои планы и деятельность под новые условия.

Библиографический список

1. Ключко В. Е., Краснорядцева О. М. Развитие профессиональной готовности преподавателей исследовательского университета к актуализации у магистрантов потенциала одаренности и инновативности // Психология обучения. — 2013. — № 11. — С. 83–93.
2. Трофимова Ю. В. Психологическое благополучие курсантов вуза МВД России // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. — 2014. — № 1 (26). — С. 105–108.
3. Мандрикова Е. Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности // Психологическая диагностика. — 2010. — № 2. — С. 59–83.

М. И. Черепанова, Д. А. Неваева, С. А. Сарыглар (Барнаул)

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В ЗАБАЙКАЛЬЕ¹³

Национальный состав Забайкальского края включает 90% русского населения, 7% бурятов, а также около 100 этносов, населяющих регион, доля каждого из которых составляет менее 0,5%. В регионе, как отмечают специалисты, за межпереписной период, с 2002 по 2010 гг., произошли изменения в национальном составе, которые обусловлены естественным движением населения, миграционными процессами, а также сменой этнического самосознания, влиянием смешанных браков и других причин. Так, за восемь лет численность постоянно проживающих в крае белорусов уменьшилась на 48, % (или на 1429 человек), украинцев — на 43,1% (на 5100 человек); татар — на 28,2% (на 2302 человека); эвенков — на 7% (на 105 человек). Русских за этот период стало меньше на 5,8% (на 60102 человека). Численность бурят, по сравнению с переписью 2002 г., увеличилась на 4,9%, или на 3484 человека [1, с. 48].

¹³ Опубликовано при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках конкурсной части государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». Код проекта: 1475 «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

В результате сложных исторических процессов в Забайкалье, занимающем территорию различных природных зон, сложилась своеобразная этническая ситуация. Находясь в глубине Евразии, этот край стал своеобразным «домом» для многих народов. Здесь проживают представители различных рас, языковых групп, этносов и субэтносов. Это — русские, белорусы, украинцы, поляки, буряты, эвенки, татары, евреи, немцы, корейцы, китайцы, представители кавказских и прибалтийских народов и др. Ландшафтное разнообразие Забайкалья, возможность заниматься здесь различными видами хозяйственной деятельности стали причиной длительного, относительно бесконфликтного проживания на его территории разных народов и обеспечили этническое многообразие региона [2, с. 268].

В данной статье представлены результаты социологического мониторинга, направленного на изучение динамики этнонациональной ситуации в приграничных территориях России, в частности в Забайкальском крае.

Интенсивность позитивных эмоций в отношении к своему этносу (гордость за свою этническую принадлежность, счастье считать себя его частью) чаще актуализируют представители коренных нерусских этносов и национальностей, населяющих данный регион. В целом же каждый третий житель констатирует позитивные установки в отношении принадлежности к своему этносу в максимальной выраженности (абсолютно согласны).

Негативные эмоции (стыд) в отношении принадлежности к этносу проявляет каждый 12-й человек, испытывая подобные негативные ощущения. В большей степени данные тенденции характерны для населения более молодых возрастных групп (15–29 лет), по сравнению со зрелым населением. Однако различия не отличаются высокой достоверностью (χ^2 , $p \geq 0,005$).

Национальная культура, осознание себя ее важной частью является значимым фактором этнической интеграции в исследуемой территории. Значимых различий в региональной дифференциации не выявлено. В среднем каждый второй житель исследуемого региона считает важным фактором межнационального согласия в регионе свою культурную принадлежность, проявляющуюся в проведении национальных праздников, воспитании у молодого поколения приверженности к национальным традициям своего народа и. т. п.

Территориальный фактор, а именно проживание на родине этнической группы является одним из мощных интегрирующих, объективных, исторически сложившихся компонентов этногенеза народов и наций. Каждый второй житель региона считает данный факт

одним из самых значимых в оценке своей сопричастности к своему этническому прошлому и настоящему. В данном контексте одним из вариантов этнической или субэтнической идентичности необходимо считать региональную идентичность или фактор «малой родины». Для современных россиян региональная и локальная идентичность служит важным стабилизирующим фактором культурно-исторической общности [3; 4].

Такой фактор этнического согласия, как конфессиональный признак, исповедуемая религия, в рейтинге значимости факторов этнической принадлежности не занимает ведущих позиций. Наименее выраженным является в Алтайском и Забайкальском краях (лишь каждый 9-й житель считает его значимым).

Несмотря на признание ценности и значимости факта общей государственности, данный компонент является наименее выраженным аспектом этнической идентичности в регионе. Кроме того, менее всего значимости данного компонента оценивают в Забайкальском крае по сравнению с другими приграничными территориями РФ (лишь каждый 9-й человек).

В Забайкальском крае каждый 10-й житель периодически испытывает негативные эмоции к людям другого этноса. Региональные различия статистически значимы (χ^2 , $p \leq 0,005$). Выявлена определенная возрастная специфика негативных социальных установок, которые в незначительной степени преобладают у молодого населения регионов (20–39 лет — л 17%) (χ^2 , $p \leq 0,005$). Негативные, неприязненные отношения к иноэтническому населению в регионе зависят от материального положения населения, уровня образования, семейного положения, степени религиозности населения (χ^2 , $p \leq 0,005$). Например, мужчины в Забайкальском крае достоверно чаще испытывают враждебность по национальному признаку. В этом контексте понятна следующая тенденция: женское население всех без исключения территорий статистически достоверно преобладает в группе «никогда не испытывающих враждебного отношения к другой национальности».

Ощущение враждебности к людям другой национальности стимулируется уровнем материальной обеспеченности, максимально чаще встречается у представителей населения, которые «живут бедно, денег хватает только на скромное питание». Каждый 3-й житель в Забайкальском крае (33%) испытывает подобные эмоции. Вместе с тем в регионе наибольшую толерантность к людям другого этноса испытывает население, находящееся на крайних полюсах материального благосостояния: или очень бедные («живу очень

бедно, фактически голодаю»), или очень богатые («ни в чем себе не отказываю»).

Повышение уровня образования на исследуемой территории снижает проявление у населения негативных социальных установок к иноэтничному населению. Напротив, часто испытывает враждебность к другим нациям население с начальным профессиональным, средним образованием — показатели статистически значимы (χ^2 , $p \leq 0,005$). Таким образом, очевидна тенденция — повышение культурно-образовательного уровня населения стимулирует толерантное отношение к другим этносам и народностям.

Среди базовых причин национальной неприязни представители региона выделяют одинаковые причины. Так, в регионе на первом месте по рейтингу находится угроза терроризма, исходящая от представителей некоторых наций. В регионе каждый 10-й житель опасается террористических актов.

Другой актуальной причиной негативного отношения к иноэтничному населению является отрицательное отношение к нежеланию считаться с обычаями и нормами поведения, принятыми в России, а также отсутствие элементарной культуры, неумение себя вести. Данный факт волнует каждого 9-го жителя Забайкальского края. Таким образом, скрытый, латентный потенциал этнонациональной напряженности в разной степени присутствует в изучаемом регионе.

Резюмируя полученные результаты исследования, можно сделать вывод о том, что Забайкальский край характеризуется противоречивыми тенденциями. В регионе около четверти населения констатирует наличие напряженности, конфликтности в этнонациональной сфере, что в 2 и более раза выше, чем в других приграничных регионах. Более половины населения отстаивают лозунг «Россия для русских», что свидетельствует о значительных разногласиях по данному вопросу в регионе. Для населения региона по большинству вопросов этнокультурной специфики характерна полярность мнений, что может свидетельствовать о конфликтогенном потенциале в региональном сообществе.

Библиографический список

1. Черепанова М.И., Неваева Д.А., Щеглова Д.К. Теоретические подходы к анализу онтологической природы этничности // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. — Барнаул. — 2015. — С. 48–53.
2. Черепанова М.И., Неваева Д.А., Щеглова Д.К. Многообразие этнической идентичности в современном обществе. Социология

в современном мире: наука, образование, творчество». — Барнаул, 2015. — С. 266–270.

3. Черепанова М. И. Гражданская идентичность населения Алтайского края: точки интеграции и дестабилизации // Гражданская идентичность, социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве : сборник материалов Междунар. науч. конф. — Барнаул, 2015. — С. 32–36.

4. Черепанова М. И., Сарыглар С. А. Социальный потенциал межнациональной напряженности населения Алтайского края // Ломоносовские чтения на Алтае : сборник матер. Междун. научно-практ. конфер. — Барнаул, 2015 — С. 3348–3349.

Е. В. Шахова (Барнаул)

ПРОФИЛАКТИКА НЕГАТИВНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРОТЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СФЕРЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОСРЕДСТВОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВА РЕГИОН

Российская Федерация — многонациональное государство. По данным переписи населения 2010 г., здесь проживают представители более 180 этнических групп (национальностей). Русские составляют 80,9% всего населения страны. Также в России проживают татары (3,9%), украинцы (1,4%), башкиры (1,2%), чувашаи (1%), чеченцы (1%) и др. Алтайский край, как один из субъектов Российской Федерации, является полиэтничным регионом, на его территории проживают представители 142 национальностей.

Наряду с процессами глобализации, которая способствует социальной интеграции и взаимопроникновению различных культур, наблюдается проявление протестного поведения в сфере межэтнического взаимодействия, увеличение межэтнических конфликтов, среди которых рост этнической напряженности, территориальные споры, международный терроризм, экстремизм, этнический сепаратизм.

«В Алтайском крае представители различных национальностей проявляют друг к другу дружественное и уважительное отношение, интересуются своими исконными традициями и национальной культурой, в затруднительных ситуациях готовы прийти друг другу на помощь, невзирая на этнокультурные отличия. ... В то же время существуют проблемные зоны, в которых власти не могут пока похва-

статься существенными успехами. Так, по мнению жителей края, государство оказывает слабую поддержку конфессиям и религиозным организациям, услуги которых становятся все более востребованными, недостаточно артикулированно проявляется осуждение национализма, рациональные доводы уступают место предрассудкам, приводящим к недружелюбным высказываниям о людях другой национальности, соперничеству и борьбе за лидерство между разными народами. Таким образом, население Алтайского края довольно остро и эмоционально воспринимает сложившуюся в сфере межнациональных отношений ситуацию, чутко реагирует на ее малейшие изменения» [1, с. 92].

Вопросы межэтнического взаимодействия для современного социума являются достаточно актуальными, ведь с этническим фактором тесно связаны все стороны жизнедеятельности общества: социокультурная, политическая, экономическая, духовная сферы. Конфликты, носящие этнический характер, могут привести к дезинтеграции региона и страны в целом [2, с. 3368].

Различные аспекты данной темы с давних времен обсуждаются научным сообществом. Все более актуальными становятся исследования роли медиапространства в формировании общественного мнения в сфере межэтнических взаимодействий [3]. Роль медиапространства в профилактике негативных последствий протестного поведения в сфере межэтнического взаимодействия осознается обществом как серьезная этическая проблема.

Многочисленные исследования показывают, что посредством медиапространства большим потоком в массовое сознание передается так называемая этническая информация (информация в средствах массовой коммуникации, в которой упоминаются этнонимы, страны или республики, которые ассоциируются с тем или иным народом, а также информация, непосредственно связанная с этничностью). Этническая информация может иметь разный характер:

- положительная этническая информация (способствует формированию уважительного отношения, необходима для познания культуры, обычаев и традиций не только своего, но и других народов. Эти материалы не несут отрицательной информации, не провоцируют на межэтнические конфликты);
- нейтральная этническая информация;
- отрицательная этническая информация (материалы, в результате которых общество может разделиться на «своих» и «чужих» по этническому признаку). Безусловно, такие материалы самые опасные и нежелательные в многонациональном об-

шестве, могут повлечь очень серьезные последствия, привести к негативному отношению к тому или иному народу, к разгоранию межэтнического конфликта.

Для того, чтобы оценить роль медиапространства региона в профилактике негативных последствий протестного поведения в сфере межэтнического взаимодействия, воспользуемся результатами социологического исследования, проведенного в рамках магистерской диссертации Е. В. Шаховой «Роль медиапространства региона в регулировании межэтнического взаимодействия» (на примере интернет-ресурсов Алтайского края) (Барнаул, 2016 г.). В рамках исследования был использован метод контент-анализа.

В результате было проанализировано 15 интернет-ресурсов за следующий период: январь 2012 — декабрь 2015 гг. (Sibinfo.su, ИА Амител, Kapitalist.tv, Altapress.ru, Bankfax.ru, ПолитСиб.Ру, Doc22.ru, ИА Атмосфера, Ngs22. Ru, Интерфакс Сибирь, News22, РИА Новости, Деловой Квартал, Тайга Инфо, Алтай Пост). В 15 отобранных интернет-ресурсах нами были выделены и проанализированы 937 материалов.

Информационные поводы материалов, отобранных в результате контент-анализа интернет-ресурсов, посвящены в основном таким тематикам, как:

- 1) этнические общности;
- 2) процесс дезинтеграции;
- 3) процесс интеграции;
- 4) патриотизм.

Рассмотрим наиболее подробно материалы, связанные с процессом дезинтеграции (339 статьи, что составляет 36,2%). Они представлены понятиями «конфликт, столкновение», «неприязнь, вражда», «ксенофобия», «экстремизм» и «национализм. Почти половина данных работ посвящена процессу экстремизма (47,6%). Новости, связанные с этим понятием, в основном сообщают о том, что какой-либо материал носит экстремистский характер (тексты песен, стихотворения, речь известных людей, комментарии в социальных сетях, религиозные брошюры и пр.), а также призывает бороться с экстремизмом. Почти с одинаковой интенсивностью освещены процессы «конфликт, столкновение» и «национализм» (17,1 и 19,6% соответственно), «неприязнь, вражда» (упоминается в 12,8% работ). При изучении процессов дезинтеграции на информационных сайтах практически не упоминается о «ксенофобии», ей посвящено 2,9% материалов.

Так как наиболее популярным показателем в данной категории является «экстремизм», рассмотрим, отличается ли количество его

упоминаний в зависимости от интернет-ресурса и в каких источниках он появляется наиболее часто.

Для этого мы использовали таблицы сопряженности со статистическими критериями проверки значимости различий (хи-квадрат Пирсона), а также критериями, позволяющими оценить взаимосвязь между переменными (коэффициенты сопряженности).

При анализе индикатора «экстремизм» результаты расчета критерия свидетельствуют о статистически значимых различиях. На наличие статистически достоверной взаимосвязи указывают и симметричные меры (уровни значимости для всех критериев намного меньше 0,05).

Таким образом, показатель «экстремизм» наиболее часто встречается на сайтах СибИнфо (27,9%), Алтапресс и Банкфакс (по 12,7%), реже всего на интернет-ресурсах НГС22 (2%), Капиталист (0,5%), совсем не упоминается в источнике Риа-Новости (0%).

Несмотря на то, что процесс «дезинтеграции» является отрицательным и направлен на разложение и распад общества, новости, связанные с ним, не всегда несут негативный смысл. Как правило, они либо призывают к борьбе с экстремизмом, национализмом и ксенофобией, направлены на профилактику и предотвращение дезинтеграционных проявлений, либо описывают то или иное событие, связанное с конфликтом, протестами или враждой в межэтнических отношениях. То есть публикации, которые на первый взгляд носят негативный характер, являются одним из факторов, положительно влияющим на межэтнические взаимодействия в Алтайском крае.

Таким образом, медиaprостранство Алтайского края играет значимую роль в профилактике негативных последствий протестного поведения в сфере межэтнического взаимодействия, направлено на предотвращение разного рода межнациональных конфликтов, на стремление добиться согласия и мира между всеми нациями, проживающими в регионе.

Библиографический список

1. Максимова С. Г. Мониторинг состояния межнациональных отношений в Алтайском крае : монография / под. общ. ред. С. Г. Максимовой. — Барнаул, 2015. — 100 с.
2. Шахова Е. В. Регуляция межэтнических взаимодействий в современном обществе посредством интернет-ресурсов региона (на примере Алтайского края) // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования : сборник науч. статей Междун. конф. — Барнаул, 2015. — 3796 с.

3. Колесникова О. Н. Социокультурный портрет Алтайского края: специфика приграничного агропромышленного региона России // Наука. — 2010. — №4. — С. 158.

Н. В. Варакина (Барнаул)

МОДЕЛИ И ИНДИКАТОРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ¹⁴

Моделирование демографического поведения, построение краткосрочных и долгосрочных прогнозов на основе комплексного анализа ряда переменных является одним из наиболее эффективных методов оценки динамики репродуктивного, брачно-семейного, миграционного и самосохранительного поведения населения.

Базовыми структурными элементами модели демографического поведения можно считать репродуктивное, брачно-семейное, миграционное и самосохранительное поведение населения. Ряд исследователей предлагают включать в данную модель потребности индивидов и семей в сфере демографического поведения. Потребность выражается в интересах, желаниях, стремлениях, она взаимосвязана с установками, ценностными ориентациями и мотивами. Осознание целевого выбора предпочтительного достижения того или иного результата демографического поведения в конкретных условиях жизнедеятельности находит свое отражение в демографической установке. Потребности в сфере демографического поведения и восприятие условий их реализации определяются социальными нормами, относящимися к демографическому поведению, и ценностными ориентациями, а в их выборе индивид ориентируется на социальные нормы и ценностные ориентации референтной группы [1]. Учет данных категорий, несомненно, улучшит качество итоговой прогнозной модели, но, т. к. данные показатели являются качественными, их анализ возможен только в рамках теории нечетких временных рядов, обладающей большим потенциалом при работе с данной группой показателей.

Индикаторами репродуктивного поведения являются число детей, рожденных в браке, желаемое число детей, факторы, обуславливающие увеличение или сокращение числа рождений (экономический, социальные, религиозные и т. д.). Для России, как и для большинства

¹⁴ Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 16–06–00350 «Прогностический потенциал теории нечетких временных рядов в построении модели демографического поведения населения» 2016–2018 гг.

многонациональных государств, на протяжении XX в. были характерны этнические различия рождаемости. Они отражали как своеобразие культуры и брачно-семейных отношений, так и неравномерность демографического перехода у разных народов в силу особенностей исторического развития. К настоящему времени дифференциация рождаемости по некоторым социально-экономическим признакам значительно уменьшилась. Так, например, почти исчезла дифференциация показателей по такому очень существенному в прошлом для населения России признаку, как уровень образования, но сохраняются различия в группах по национальной принадлежности, в зависимости от проживания в городских или сельских поселениях, в городах разной величины и разного функционального профиля [2].

При этом в брачно-семейном поведении в качестве основных индикаторов можно использовать показатели соотношения вступлений в брак и разводов, средний возраст вступления в брак у мужчин и женщин. Также включение данных о числе официальных браков и так называемых гражданских браков в различных возрастных группах позволит построить более полную модель демографического поведения.

Миграционное поведение может быть рассмотрено через систему индикаторов, таких как число уехавших и прибывших в регион за исследуемый период, с дифференциацией показателей по различным возрастным, профессиональным, национальным группам; численность «потенциальных» мигрантов, декларирующих намерение покинуть текущее место проживания с определением корреляции с факторами, обуславливающими изменение/реализацию данных намерений. Миграционное поведение определяется особенностями личности мигранта, конкретной жизненной ситуацией самого мигранта (пол, возраст, семейное положение, состояние здоровья и т. д.), а также наличием стимула, соответствующего внутренней потребности индивида. Помимо индивидуального стремления мигрировать миграционное поведение определяется объективной информацией о возможностях устройства на новом месте, условиях жизни, необходимых затратах на переезд [3].

В систему базовых индикаторов демографического поведения должно быть включено и самосохранительное поведение, как система действий и отношений, определяющих качество здоровья, рассматриваемое через динамику заболеваемости, продолжительности жизни, численности инвалидов, а также численности граждан, регулярно посещающих лечебные и профилактические медицинские учреждения.

При разработке модели демографического поведения целесообразно в систему факторов, влияющих на прогноз данного типа по-

ведения, включить следующие факторы макросреды — экономический, законодательный, экологический и культурный, которые имеют синергетический эффект и возможность корректировки и брачно-семейного, и самосохранительного, репродуктивного и миграционного поведения.

Комплексный математический анализ представленных индикаторов, их взаимосвязи и взаимообусловленности позволяет сформировать полную и всестороннюю модель демографического поведения населения и, с применением социологического инструментария, построить прогноз динамики как отдельных элементов данной модели, так и демографического поведения населения в целом.

Библиографический список

1. Архангельский В. Н., Елизаров В. В., Зверева Н. В., Иванова Л. Ю. Демографическое поведение и его детерминация (по результатам социолого-демографического исследования в Новгородской области). — М., 2005.

2. Бондарская Г. А. Изменение демографического поведения российских семей за 100 лет // Мир России. — 1999. — № 4. — С. 58–70.

3. Плоских Е. В. Трансформация модели демографического поведения населения // Вестник КРСУ. — 2012. — Т. 12. — № 9. — С. 161–164.

Раздел IV

**СОЦИАЛЬНЫЕ
ПРАКТИКИ В ОБЪЕКТИВЕ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
НАУКИ**

Данный вид помощи предоставляется на основании следующих нормативно-правовых документов:

1. Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи».

2. Постановление администрации Алтайского края от 14.01.2014 № 7 «Об утверждении государственной программы Алтайского края «Социальная поддержка граждан» на 2014–2020 годы».

3. Постановление администрации Алтайского края от 05.10.2007 № 466 «Об утверждении Правил предоставления материальной помощи малоимущим гражданам и гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации».

4. Приказ Главалтайсоцзащиты от 02.11.2009 № 187 «Об утверждении Порядка рассмотрения обращений малоимущих граждан и граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации, о предоставлении материальной помощи».

5. Приказ Главалтайсоцзащиты от 28.06.2012 № 403 «Об утверждении Административного регламента предоставления государственной услуги «Рассмотрение обращений малоимущих граждан и граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации, о предоставлении материальной помощи в денежной форме».

Основной целью оказания государственной помощи на основании социального контракта является выход малоимущих одиноко проживающих граждан (малоимущих семей) на более высокий уровень жизни. Важно разглядеть в заявителе действительно нуждающегося в материальной помощи, способного исполнить обязанности по социальному контракту гражданина и увидеть реальную возможность его выхода из трудной жизненной ситуации.

«Социальный контракт заключается только с малоимущими гражданами и семьями со среднедушевым доходом, размер которого не превышает величины прожиточного минимума по основным социально-демографическим группам населения, установленной в Алтайском крае, в целях выхода таких граждан (семей) на самообеспечение» [3].

В социальном контракте должны быть установлены: предмет социального контракта; права и обязанности граждан и органа социальной защиты населения при оказании государственной социальной помощи; виды и размер государственной социальной помощи; порядок оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта; срок действия социального контракта; порядок изменения и основания прекращения социального контракта.

К социальному контракту прилагается программа социальной адаптации, которой предусматриваются обязательные для реализации получателями государственной социальной помощи мероприятия. К таким мероприятиям, в частности, относятся: поиск работы; прохождение профессионального обучения и дополнительного профессионального образования; осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности; ведение личного подсобного хозяйства; осуществление иных мероприятий, направленных на преодоление гражданином трудной жизненной ситуации [2].

В Алтайском крае срок действия социального контракта составляет от трех месяцев до года, в зависимости от содержания программы социальной адаптации.

Случаями прекращения предоставления материальной помощи на основе социального контракта являются: невыполнение малоимущими гражданами и семьями условий социального контракта и (или) их выезд на иное место жительства с территории Алтайского края [3].

Помощь на основе социального контракта — дополнительный вид поддержки со стороны государства. При этом человек не лишается других льгот, на которые имеет право. Это своего рода стимул для граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, к улучшению материального положения, преодолению бедности. По данным Главтрудоооащиты, реализация программы социальной адаптации семей сопровождается специалистами по социальной работе и непосредственно начальником управления по социальной защите населения по месту жительства (пребывания) заявителя. После завершения срока социального контракта граждане представляют отчет о целевом использовании средств и итогах его реализации. Важно отметить, что за все время оказания данной услуги не было ни одного случая расторжения социального контракта по причине нецелевого использования или нарушений его условий.

По данным Главтрудоооащиты, в 2013 г. было заключено 53 социальных контракта. Работа по их заключению проводилась 49 управлениями социальной защиты населения. Наибольшее количество контрактов в 2013 г. заключено в Зональном, Косихинском, Михайловском и Новичихинском районах (по два социальных контракта). В 2014 г. Главное управление вело работу по заключению социальных контрактов с 44 управлениями — было заключено 92 социальных контракта. Наибольшее количество контрактов было заключено в Михайловском (7 контрактов), Первомайском и Рубцовском (по 6 контрактов), а также Целинном (5 контрактов) районах. В 2015 г. было заключено 132 социальных контракта.

В Алтайском крае социальный контракт предоставляется в форме единовременной выплаты. В 2013 г. это было 8,4 тыс. руб., в 2014 г. — 12,5 тыс. руб., в 2015 году — 8,6 тыс. руб. По данным ведущего специалиста отдела по социальной работе управления по социальной политике Главтрудоооащиты, чаще всего социальный контракт заключается с многодетными семьями, проживающими в сельской местности.

Итак, в Алтайском крае оказание государственной социальной помощи на основании социального контракта начало действовать с 2013 г., после принятия Федерального закона № 258. Данная мера поддержки граждан была применена в большей части муниципальных районов Алтайского края. Развитие личного подсобного хозяйства — наиболее часто встречающаяся цель заключения контракта в данном регионе. За три месяца текущего года этой услугой уже воспользовалось 10 семей Алтайского края, что говорит об эффективности и востребованности данной меры поддержки. Одной из основных задач социального государства является поддержка наиболее незащищенных слоев населения, таких как пенсионеры, несовершеннолетние, люди с ограниченными возможностями здоровья, малообеспеченные, безработные, многодетные, неблагополучные семьи и другие категории. Государственная социальная поддержка граждан — это реализуемая государством социальная политика, направленная на создание благоприятной социальной атмосферы [4]. Социальный контракт направлен на расширение масштабов адресной социальной поддержки, оказываемой населению, на уровне регионов. В рамках социального контракта одновременно учитываются потребности в социальной интеграции человека, попавшего в трудную жизненную ситуацию, его возможности трудовой занятости или приобретения необходимой для этого квалификации.

Библиографический список

1. Бобков В. Н., Гулюгина А. А., Маликов Н. С., Чесалкина Е. Ю. Социальный контракт как основа модернизации системы социальной поддержки трудоспособного малоимущего населения // Уровень жизни населения регионов России. — 2011. — № 3. — С. 4–19.

2. О государственной социальной помощи : Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 28.11.2015, с изм. от 29.12.2015) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_23735/

3. Об утверждении административного регламента предоставления государственной услуги «Рассмотрение обращений малоимущих граждан и граждан, находящихся в трудной жизненной ситуа-

ции, о предоставлении материальной помощи в денежной форме»: приказ от 28 июня 2012 г. № 403 [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/499105978>.

4. Официальный сайт Главного управления Алтайского края по труду и социальной защите [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.aksp.ru/>

В. А. Артюхина (Барнаул)

АБСЕНТЕИЗМ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА

В России 18 сентября 2016 г., в единый день голосования, состоялись выборы депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации VII созыва. Не будем подробно останавливаться на результатах выборов, отметим только низкий уровень активности избирателей в единый день голосования. По данным системы ГАС «Выборы», в Алтайском крае явка избирателей составила 40,77%, т. е. по тем или иным причинам не желали выразить свою политическую позицию более половины населения края, имеющих право голоса.

Говоря о тенденции снижения электоральной активности населения, необходимо отметить два обстоятельства. Во-первых, низкая явка на выборы разного уровня — это общемировая проблема. Даже в развитых демократических странах явка зачастую бывает не выше 60–70%, т. е. треть электората отказывается от участия в выборах. Во многих странах наблюдается такая тенденция: наибольшая активность избирателей проявляется на общенациональных выборах, значительно ниже она на региональных выборах и выборах органов местного самоуправления. В развитых демократических странах существуют разные способы обеспечить более высокий уровень электоральной активности. Например, в Италии и Германии, а также в некоторых других государствах введен штраф за неучастие в выборах (см: <http://www.kommersant.ru/doc/1656313>).

]. Во-вторых, явка на выборы в государственные органы власти снижается с каждым новым голосованием. Так, в Алтайском крае процент явки избирателей на выборы в Государственную думу РФ снизился на 20 пунктов с 2007 г. (на выборах 2007 г. явка в крае составила 60,91%, в 2011 г. — 51,4%, в 2016 г. — 40,77%).

Для вышеописанного поведения граждан в обществоведческих науках используется термин «абсентеизм». Остановимся на самом общем его определении: абсентеизм (лат. *absentis* — отсутствующий) — одна из форм сознательного бойкотирования избирателями выборов, отказ от участия в них [2]. В широком плане под абсентеизмом можно понимать факт равнодушного отношения населения к политической жизни, обывательское представление отдельных людей о том, что от них в политике ничего не зависит.

Определение любого научного понятия, помимо выявления его существенных черт, предполагает его экспликацию, т. е. «вписывание» в систему ранее определенных категорий науки, соотнесение его содержания с содержанием общепринятых в ней понятий. Это теоретико-методологическое правило необходимо соблюсти и относительно категории «абсентеизм».

Автору статьи представляется, что родовой категорией относительно сознательного бойкотирования граждан выборов является феномен социального протеста, т. е. абсентеизм есть не что иное, как форма социального протеста. Обоснуем этот тезис следующими обстоятельствами.

Первое обстоятельство. Социальный протест есть закономерное явление, которое было, есть и будет при любом общественном устройстве. Могут меняться формы выражения протеста (от подпольных и нелегальных до открытых и гласных), однако сам феномен сопровождает всю человеческую историю. Абсентеизм также представляет собой естественноисторическое явление, неотъемлемый атрибут политической системы. Он является феноменом политической жизни любого демократического общества и правового государства. Возможность для граждан участвовать или не участвовать в выборах — важная особенность демократической политической системы. В СССР и других социалистических странах, как правило, на выборах голосовало почти 100% избирателей. Сам политический строй не предполагал другого развития событий, абсентеизм не был характерной формой проявления социального протеста в социалистических странах.

Рассматривая абсентеизм как закономерное явление, важно не допустить его оценки как негативного или позитивного явления. Несомненно, он выполняет деструктивные и конструктивные функции. К первым можно отнести негативное влияние на развитие избирательного процесса, расшатывание демократичности политической системы, ко вторым — возможность указать представителям государственной власти на проблемы, существующие в обществе.

Второе обстоятельство. В социальном протесте есть, как минимум, две стороны-участницы, это а) отдельные личности, малые и крупные социальные группы, выражающие недовольство; б) антиподы протестующих, ими могут выступать представители власти, конкретные работодатели и другие субъекты, вызвавшие недовольство.

Рассматривая феномен абсентеизма, нетрудно разглядеть двух участников конфликта: гражданина и представителей государственной власти. Рассматривая любой конфликт, исследователь анализирует стратегии поведения сторон-участниц. Под стратегией поведения обычно понимается ориентация человека (группы) по отношению к конфликту, установка на определенные формы поведения в ситуации конфликта. Принято различать пять основных стратегий поведения в конфликте: 1) приспособление (уступка); 2) уклонение (уход); 3) конкуренция (противоборство); 4) сотрудничество; 5) компромисс. Нетрудно заметить, что граждане-абсентеисты в своем конфликте с государственной властью выбирают стратегию ухода, уклонения от разрешения противоречий. Государство также не желает разрешать противоречия со своими гражданами и на законодательном уровне закрепляет возможность игнорирования позиций уклонившихся от выборов. Так, в связи с принятием Федерального закона от 05.12.2006 г. № 225-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» из избирательного законодательства исчезло понятие минимального порога явки, выборы в России признаются действительными вне зависимости от процента проголосовавших на них граждан. До сих пор выборы считались состоявшимися, если в них участвовали 20% избирателей на региональных выборах, не менее 25% — на федеральных парламентских и не менее 50% — на президентских.

Третье обстоятельство. Социологическое исследование социальных протестов предполагает признание многопричинности протестных действий. Однопричинных социальных протестов в принципе не бывает. Любой протест и любая его акция возникает как итог взаимодействия многих причин, как объективных, так и субъективных.

На уровень абсентеистических настроений также влияет множество факторов, которые можно условно разделить на объективные и субъективные.

Объективные факторы:

- Численность неучаствующих в голосовании во многом определяется уровнем выборов. На выборах местного и регионального уров-

ней отмечается значительно меньшее количество проголосовавших, чем на выборах федерального уровня.

- У представителей тех или иных социальных, демографических, социально-экономических групп населения сформировался определенный тип электорального поведения. Так, например, существует прямая зависимость степени активности от возраста гражданина: чем он старше, тем активнее на выборах. Просматривается зависимость степени активности в выборах от уровня образования: чем ниже уровень образования, тем активнее электоральное поведение, самый высокий показатель активности в выборах у пенсионеров, самый низкий — у студентов, учащихся, предпринимателей. Наблюдаются различия в электоральной активности работников госсектора и частного сектора: большая активность у работающих в госсекторе, чем выше доход тех или иных групп населения, тем ниже показатель участия в выборах.

- Факторы общесоциального и общеполитического характера. В качестве примера: длительные экономические трудности, на решение которых итоги выборов значительного влияния не оказывают, низкий уровень доверия к действующим органам власти, невысокий престиж депутатского корпуса в глазах населения.

- Факторы, связанные с несовершенством законодательства и работой избирательных комиссий. После каждых выборов, проходящих как на федеральном, так и на региональном уровне, выявляются недостатки, несовершенство законодательства, что приводит к внесению ряда существенных поправок в основной избирательный закон, т. е. Федеральный закон Российской Федерации «Об основных гарантиях избирательных прав граждан и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Само наличие подобных недостатков провоцирует у населения недоверие.

Субъективные факторы:

К ним можно отнести индивидуальные и психологические качества избирателя, специфику его культуры, в том числе и политической, социально-психологическое состояние на момент выборов. Субъективные факторы не только объясняют причины отказа от участия в голосовании, но и связывают проявления абсентеизма с отчуждением от политики. Уклонение избирателей от участия в голосовании — частный случай уклонения от участия в политической жизни вообще, показатель равнодушного к ней отношения [3].

Четвертое обстоятельство. Формы проявления социального протеста разнообразны, выражать свое недовольство социальные субъекты могут как активными способами, так и преднамеренно бездей-

ствуя. В практике протестующих заняли свое почетное место такие формы выражения недовольства, как отказ от участия в официальных мероприятиях, организуемых в поддержку властей, целенаправленное неисполнение распоряжений руководителей и т. п. В этой связи явление абсентеизма представляется логичным продолжением выше описанных форм социального протеста.

Таким образом, представленные тезисы убеждают нас рассматривать абсентеизм как форму социального протеста. Такой методологический подход диктует и некоторые особенности социологического анализа феномена уклонения от участия в выборах. В частности, необходимо не только обращать внимание на поведение и мотивы абсентеистов, но и учитывать ответную реакцию представителей государственной власти на подобное явление.

Библиографический список

1. Словарь по политологии / отв. ред. В. Н. Коновалов. — Ростов-на-Д., 2010. — 285 с.

1. Джандубаева З. З. Абсентеизм как феномен современной российской практики — М., 2005. — 134 с.

С. А. Воронина (Барнаул)

НАРЦИССИЗМ И SELF`I В МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРЕ

Молодежь всегда являлась и является самым уязвимым социальным ресурсом общества, сегодня она пытается строить свою жизнь так, чтобы чувствовать духовное удовлетворение от собственной личности, которое увеличивается при наличии одобрения и снижается при неодобрении окружающих. Такая ярко выраженная особенность молодых заставляет обратить пристальное внимание на те стили жизни, социальные и культурные практики, которые продуцирует сегодня молодежная культура. «Увеличенное до чудовищных размеров ради удовлетворения нужд растущего населения, производство уже не поддается разумному регулированию, процесс производства и потребления благ вышел из-под контроля человека и не выполняет его команд» [1, с. 22]. Но проблема заключается в том, что современный человек не только не в состоянии контролировать технологии [2], но эти технологии начинают диктовать свои условия существования человека. Одной из главных особенностей освоения совре-

менной личностью социального пространства является утверждение собственного Ego в социальных сетях. Овладение сетевыми ресурсами дает возможность современному молодому человеку поддерживать самоуважение путем получения со стороны анонимных зрителей и слушателей подтверждения собственной значимости, которая не имеет возможности реализоваться в реальном социуме. Особенно остро груз социальных обязательств чувствует молодежь, как в силу своего эмоционального, психического, так и душевного состояния. Нарциссизм и инновационность — так можно трактовать содержание специфических молодежных культурных практик, набирающих обороты в молодежной среде. Нарциссизм — это психологическая компонента молодежной культуры, а инновационность — социокультурная особенность молодежи. Сочетание инновационности и нарциссизма реализуется сегодня в таких социальных и культурных молодежных практиках, как, например, культ телесного и экспериментирование с телом. Рассмотрим несколько примеров.

В последнее время в сетях и в реальной жизни получила большое распространение субкультура «фитоняшек». Фитоняшками называют себя девушки, активно занимающиеся спортом, правильно питающиеся и ведущие здоровый образ жизни. Создавая идеальное тело и нарочито демонстрируя достижения в социальных сетях, представители данной субкультуры, тиражируя свои собственные фотосессии в Интернете, на самом деле не пропагандируют здоровый образ жизни, как это, предположим, свойственно настоящим спортсменам и педагогам, а реализуют потребность в поддержании self — уважения, оставаясь при этом поглощенными исключительно собой. Так называемый нарциссический эффект затмевает при этом другие формы творческого развития настолько, что личность становится полностью поглощена собой, заиклившись лишь на обслуживании телесной оболочки (определенной длины ноги, определенной обхват талии, груди и др.), что рождает диспропорции в отношении к социальной, культурной критике и чувствительности.

К данному виду субкультур можно отнести и культуру фриков (от английского freak — урод). Фрик — это человек, отличающийся ярким, необычным, экстравагантным внешним видом и вызывающим, зачастую эпатажным поведением, а также обладающий неординарным мировоззрением, которое является результатом отката от социальных стереотипов. Стереотипом фриков является безумие, т. к. эти люди готовы на самые экстремальные поступки, уже один их только внешний вид является в какой-то степени экстримом. У каждого фрика свой «прибамбас»: нарочито выпяченные части тела,

подчеркнутое врожденное или приобретенное уродство, измененные параметры тела и др. Self` I этих причудливых персон сегодня переполняют странички, блоги социальных сетей. Тем не менее, в следовании фрикской моде чувствуется некая культурная потерянности молодого поколения. Еще не умея реализовывать свои творческие замыслы, молодой человек в погоне за любовью придумывает способы заявить о себе.

Другая социальная и культурная практика молодежных субкультур реализуется в их нарочитой агрессивности как способе компенсации недостающих для социального взаимодействия ресурсов. В далеком прошлом остались милые и наивные суфражистки, отстаивающие социальную значимость и равноправие женщины. Сегодня их сменили представители субкультуры body-позитива, движения, направленного на безоговорочное принятие собственного тела таким, какое оно есть, и разрушение негативных стереотипов общества по отношению к людям, чья внешность отличается от общепринятого стандарта. Представители данной субкультуры живут под девизом: «Мое тело — мое дело», агрессивно настаивая на формировании общественной толерантности к любым телесным формам и проявлениям. «Женская грудь — это просто грудь» — борьба с сексизмом, «внешность ничего не говорит о здоровье» — и полный человек может активно участвовать в общественной жизни, вопреки сложившемуся стереотипу о полных людях как потенциально нездоровых. «Да, на человеческом теле волосы растут» — оправдание неряшливости, нежелание следовать сложившимся гигиеническим канонам; «несовершенство — это нормально», «одежда для нас — а не мы для одежды», «женщина не должна радовать глаз», «мы больше, чем тело» — как на уровне внешнего, так и внутреннего восприятия действительности — концепция собственного Ego как альтернатива функционалистской концепции, приводящей к задержке духовного развития личности и дефицита стыда, нравственности и морали.

В данных субкультурах формируется новый тип личности, замешанной на отчужденности, эксгибиционизме, эмоциональной непробиваемости, фантазиях о собственном всемогуществе, следствие этого — переоценка своих творческих и социальных способностей и невозможность последующей реализации в социуме.

Другая социальная и культурная практика реализуется в образовании закрытых сообществ, претендующих на некоторый культурный коллективный прорыв. Демонстрируя свои изображения в соцсетях, представители данных субкультур искренне считают, что являются проводниками новых культурных символов в массы. В частно-

сти, руферы. Само это слово возникло от английского roof, которое переводится как «крыша». Руферами называют себя те, кто увлекается ружфингом — экстремальным занятием, суть которого заключается в прогулках по крышам высотных зданий. Конечно, это рискованно, но впечатления — ошеломляющие. В общем, руфер — это смелый мечтатель, который жаждет оказаться на вершине города и славы. В целом, это еще одна разновидность нарциссизма — желание привлечь к себе внимание и уважение. А главное — ведь и творить особо ничего не надо, рискни ради себя — и станешь знаменитым и любимым.

Еще одна социальная и культурная практика молодежной культуры реализуется в формировании строго иерархичных, организованных по принципу вождизма закрытых сообществ. К данной практике можно отнести психосексуальную субкультуру БДСМ, основанную на эротическом обмене властью и иных формах сексуальных отношений, затрагивающих ролевые игры в господство и подчинение. Физиологически в основе БДСМ лежит повышение уровня сексуального возбуждения человека и получения им психофизиологического удовольствия в результате сознательного нарушения тех или иных социально-детерминированных условий или табу, а также (хотя и не всегда) определенных физических воздействий. В составной аббревиатуре-акрониме BDSM заключены названия основных составляющих этого явления: BD (Bondage&Discipline — неволя и дисциплина, воспитание) — бондаж (связывание, ограничение подвижности), дисциплинарные и ролевые игры, игровое подчинение, унижение, наказание; DS (Domination & Submission — доминирование и подчинение (англ.)) — господство и подчинение; отношения, в которых в результате предварительной договоренности присутствует неравноправие партнеров; SM (Sadism & Masochism — садизм и мазохизм) — садомазохизм; практики, связанные с получением удовольствия от причинения или переживания физической боли.

Рамки данной статьи не позволяют представить все разновидности молодежных субкультур: блоггеров, клуббингов, гранжеров и других, но в целом, как бы ни позиционировала себя выложенная в сеть на всеобщее обозрение, молодежная субкультура self¹ имеет ряд общих признаков:

Во-первых, всем представителям нарциссической субкультуры свойственны переоценка собственной значимости, талантов и способностей.

Во-вторых, постоянное ожидание признания своего превосходства и уникальности без наличия качеств, оправдывающих достиг-

нутое. В-третьих, фиксация на фантазиях о безграничном успехе, власти, уме, собственной красоте и неотразимости или идеальной любви. В-четвертых, убежденность в своей особенностях, уникальности, возможности быть принятыми и понятыми лишь своими или особыми, влиятельными людьми или высокими учреждениями. Далее — постоянная потребность в чрезмерном поклонении перед собой, ничем не обоснованное представление о своем праве на привилегированное, льготное положение в обществе, сиюминутное автоматическое удовлетворение желаний, замешанное на склонности к эксплуатации, использованию других для достижения своих целей. Отсюда — недостаток эмпатийности, нежелание признавать и считаться с чувствами и нуждами окружающих, зависть к ним и, как следствие этого — заносчивое, высокомерное поведение и установки.

Библиографический список

1. Воронина С. А. Взаимодействие современного информационно-общества и человека: социально-философский аспект : монография. — Барнаул, 2013. — 255 с.

2. Попов Е. А. Проекция социального: человек и социальная безопасность // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2015. — С. 224–228.

Ю. А. Калинина, Т. В. Сиротина, С. Г. Чудова (Барнаул)

МЕТОДИКА НЕЗАВИСИМОЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА РАБОТЫ ОРГАНИЗАЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ В 2016 г.

Методика проведения независимой оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги в сфере социального обслуживания Алтайского края, разработана на основании ряда нормативно-правовых документов: Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», 2013 г.; приказа Минфина РФ «Об утверждении порядка предоставления информации государственным (муниципальным) учреждением, ее размещения на официальном сайте в сети Интернет и ведении указанного сайта», 2011 г.; приказа Министерства труда и соци-

альной защиты Российской Федерации «О методических рекомендациях по проведению независимой оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги в сфере социального обслуживания», 2013 г.; приказа Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации «Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества оказания услуг организациями социального обслуживания», 2014 г.; СП 59.13330.2012 Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения. Актуализированная редакция СНиП 35–01–2001 (с Изменением № 1 от 21.10.2015); постановления администрации края «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Повышение эффективности и качества услуг в сфере социального обслуживания населения Алтайского края (2013–2018 годы)»; положения об Общественном совете при Главном управлении Алтайского края по труду и социальной защите и др.

Методика предусматривает проведение независимой оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги в сфере социального обслуживания населения Алтайского края, и формирование рейтинга этих организаций с участием и на основе мнения получателей социальных услуг, общественных организаций, экспертов и профессиональных сообществ.

Для целей Методики под организациями, оказывающими социальные услуги, понимаются краевые государственные бюджетные учреждения, оказывающие услуги населению в сфере социального обслуживания.

Для формирования рейтинга рассчитывается итоговая средняя балльная оценка учреждений по 33-балльной шкале.

Оценка представляет собой сумму баллов, набранных по каждому из критериев:

$$\sum K = K_1 + K_2 + K_3 + K_4 + K_5,$$

где: K — комплексная балльная оценка качества работы учреждения, по которой определяется место в рейтинге. $K_1 \dots K_5$ — балльная оценка учреждения по каждому критерию, определяемая как сумма баллов индикаторов данного критерия.

Критерий K_1 : «Полнота и актуальность информации об организации социального обслуживания, размещаемой на общедоступных информационных ресурсах (на информационных стендах в помещении организации, на официальных сайтах организации социального обслуживания, органов исполнительной власти в сети Интернет)». Данный критерий включает в себя оценку [1]: полноты ин-

формации о государственных и муниципальных учреждениях, представленных на официальном портале www.bus.gov.ru в сети Интернет; соответствия информации о деятельности организации социального обслуживания, размещенной на официальном сайте организации в сети Интернет, соответствие оценивалось положениям ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в РФ», 2013 г.; наличия информации о деятельности организации социального обслуживания (в том числе о перечне, порядке и условиях предоставления социальных услуг, тарифах на социальные услуги) на информационных стендах в помещениях организации, в брошюрах, буклетах; наличия версии официального сайта организации социального обслуживания в сети Интернет для инвалидов по зрению; наличия дистанционных способов взаимодействия организации и получателей социальных услуг, а также результативность использования этих способов, посредством телефона, электронной почты, других электронных сервисов сети Интернет; наличия возможности направления жалоб, предложений и отзывов о качестве предоставления социальных услуг с использованием различных способов; доли получателей социальных услуг, удовлетворенных качеством, полнотой и доступностью информации (при личном обращении, по телефону, на официальном сайте организации социального обслуживания) о работе организации социального обслуживания, в том числе о перечне и порядке предоставления социальных услуг, от общего числа опрошенных.

Критерий К2 «Комфортность условий предоставления социальных услуг и доступность их получения». Данный критерий включает в себя оценку [1, 2]: доступности условий беспрепятственного доступа к объектам и услугам в организации социального обслуживания для инвалидов (в том числе детей-инвалидов) и других маломобильных групп получателей социальных услуг; доли получателей услуг (в том числе инвалидов и других маломобильных групп получателей услуг), считающих условия оказания услуг доступными, от общего числа опрошенных; наличия оборудованных помещений для предоставления социальных услуг в соответствии с перечнем социальных услуг, предоставляемых в данной организации социального обслуживания; доли получателей социальных услуг, оценивающих благоустройство и содержание помещения организации социального обслуживания и территории, на которой она расположена, как хорошее, от общего числа опрошенных.

Критерий К3 «Время ожидания предоставления социальной услуги». Данный критерий включает в себя оценку [1]: доли получателей

социальных услуг, которые ожидали предоставление услуги в организации социального обслуживания больше срока, установленного при назначении данной услуги, от общего числа опрошенных; среднего времени ожидания приема к специалисту организации социального обслуживания при личном обращении граждан для получения информации о работе организации социального обслуживания, порядке предоставления социальных услуг (среди опрошенных потребителей социальных услуг).

Критерий К4 «Компетентность сотрудников организаций социального обслуживания, их доброжелательность и вежливость». Данный критерий включает в себя оценку [1]: доли получателей социальных услуг (либо их родственников), которые высоко оценивают доброжелательность, вежливость и внимательность работников организации социального обслуживания, от общего числа опрошенных; доли получателей социальных услуг, которые высоко оценивают компетентность работников организации социального обслуживания, от общего числа опрошенных; доли работников (кроме административно-управленческого персонала), прошедших повышение квалификации/профессиональную переподготовку по профилю социальной работы или иной осуществляемой в организации социального обслуживания деятельности за последние три года, от общего числа работников.

Критерий К5 «Показатели, характеризующие удовлетворенность качеством оказания услуг». Данный критерий включает в себя оценку [1]: доли получателей социальных услуг, которые положительно оценивают изменение качества жизни в результате получения социальных услуг в организации социального обслуживания, от числа опрошенных; доли получателей социальных услуг, удовлетворенных условиями предоставления социальных услуг, от числа опрошенных, в том числе удовлетворенных; доли получателей социальных услуг, удовлетворенных качеством проводимых мероприятий, имеющих групповой характер (оздоровительных, досуговых), от общего числа опрошенных; количества зарегистрированных в организации социального обслуживания жалоб получателей социальных услуг на качество услуг, предоставленных организацией в отчетном периоде на 100 получателей социальных услуг (в течение года); доли получателей социальных услуг, которые готовы рекомендовать организацию социального обслуживания родственникам и знакомым, нуждающимся в социальном обслуживании, от общего числа опрошенных.

Критерии были детализированы в разработанном инструментарии: бланках интервью, с учетом специфики учреждения (для ком-

плексных центров социального обслуживания; реабилитационных центров социального обслуживания детей с ограниченными возможностями; психоневрологических интернатов и домов-интернатов для умственно-отсталых детей; домов-интернатов для престарелых и инвалидов); карт наблюдений для экспертов в организации социального обслуживания и в сети Интернет (на портале bus.gov.ru и официальном сайте организации и учредителя); матрицы контрольных звонков и контрольных электронных писем.

При разработке инструментария по предложенным Министерством труда и социальной защиты РФ критериям возникли следующие трудности: во-первых, подсчет доли получателей услуг стационарных учреждений социального обслуживания, удовлетворенных качеством, полнотой и доступностью информации о работе организации социального обслуживания, в том числе о перечне и порядке предоставления социальных услуг, при обращении по телефону и на сайте организации, при условии, что получатели проживают в интернатных учреждениях по несколько лет, а в отдельных случаях десятилетия. Во-вторых, оценка по единым критериям оборудования территории, входных зон в организациях, при условиях существенных различий в отдельно взятой организации (так, например, в организации могут отсутствовать прилагающая территория, входная лестница и, соответственно, пандус). В-третьих, один из критериев доступности для МГН душевых комнат: отсутствие крана с раздельным управлением горячей и холодной водой в отдельных типах учреждений (психоневрологический интернат) является необоснованным, т. к. обслуживающий персонал, исходя из практического опыта, отмечает целесообразность использования крана именно с раздельным управлением горячей и холодной водой, при этом отмечают большую экономическую выгоду от использования кранов с сенсорным управлением в умывальных комнатах данного типа учреждений. В-четвертых, трудность адаптации инструментария по предлагаемым критериям для опроса получателей услуг детских домов-интернатов для умственно отсталых детей.

Библиографический список

1. Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества оказания услуг организациями социального обслуживания: приказ Минтруда России № 995 от 8 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/orders/339>

2. Свод правил. Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения. Актуализированная редакция СП 59.13330.2012. СНиП 35–01–2001 (утв. приказом Минрегиона России от 27.12.2011 № 605) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru>

*О. Н. Колесникова, С. Г. Чудова, Т. В. Чуканова,
К. А. Великжанина (Барнаул)*

ДВА УРОВНЯ ПОДГОТОВКИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА»: ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ

В настоящее время в научно-педагогической среде утвердилась формулировка, включающая в себя две ключевые составляющие термина «образование»: процесс и результат [1, с. 31]. В 2003 г. Россия присоединилась к Болонской конвенции, что повлекло за собой изменение образовательных стандартов, которые были приведены к требованиям стран-участниц этого международного соглашения в системе высшего образования. Было установлено два уровня образования: общее высшее профессиональное образование с квалификацией «бакалавр» и углубленное специализированное высшее образование с квалификацией «магистр».

Интересно в связи с этим напомнить, что в истории образования уже были шаги по получению бакалаврской и магистерской степеней. В русском языке слово «бакалавр» известно с XVIII в. — впервые оно упоминается в форме «бакалаврей» в 1758 г. в «Московских ведомостях». В дореволюционной Российской империи применялась ученая степень бакалавр, но она имела другое значение по сравнению с современной степенью высшего образования — бакалавр. Академическая степень бакалавр была первой ученой степенью. Ученая степень бакалавр присваивалась в МГУ в XVIII в. по аналогии с европейскими университетами.

Магистр (от лат. *magister* — наставник, учитель) — академическая степень, квалификация (в некоторых странах ученая степень), приобретаемая студентом после окончания магистратуры. В России звание «магистр» вводится в 1803 г. Магистр занимал промежуточное положение между кандидатом (лицо, окончившее университет с отличием) и доктором. Присуждение ученой степени магистра осуществлялось после сдачи магистерского экзамена (состоявшего из устной и письменной частей) и защиты диссертации на собрании уни-

верситетского факультета; в некоторых случаях требовалась также публичная лекция. Подготовка к магистерскому экзамену занимала до четырех лет, известны лишь единичные случаи подготовки к такому экзамену за два года. Таким образом, степень магистра начала XIX в. приблизительно могла соответствовать степени кандидата наук в Российской Федерации. В 1917 г. в России упраздняются все научные степени, и до 1934 г. ученых степеней нет. Термин «магистр» возвращается как квалификация выпускников образовательных учреждений высшего профессионального образования в России в 1993 г. Начиная с 2010 г. квалификации (степени) бакалавра и магистра стали основными для выпускников российских вузов.

Как происходит подготовка магистров и бакалавров и какие существуют проблемы на уровне государственных образовательных стандартов в конкретном направлении? Рассмотрим эти вопросы на примере направления подготовки 39.04.02 и 39.03.02 «Социальная работа».

У работодателя в последние годы складывается устойчивое мнение, что подготовка бакалавра ориентирована на практическую деятельность, а магистра — на научную и педагогическую. Рассмотрим эту точку зрения на примере последних государственных образовательных стандартов по направлению подготовки «социальная работа», принятых в 2015 и 2016 гг.

В государственном образовательном стандарте бакалавра и магистра предусмотрены идентичные типы образовательных программ: академическая и прикладная [2, 3]. По видам профессиональной деятельности, к которым готовятся выпускники, освоившие программы, также практически зеркальны: научно-исследовательская (в бакалавриате — просто «исследовательская»); организационно-управленческая; педагогическая; социально-проектная; социально-технологическая [2, 3].

При этом в стандарте оговаривается, что подготовка может быть предусмотрена образовательной программой как по одному, так и по нескольким видам деятельности, при соблюдении условия, что к академическому типу относятся научно-исследовательская (в бакалавриате — исследовательская) и педагогическая виды профессиональной деятельности [1, 2]. Вместе с тем отсутствует какое-либо упоминание о преемственности подготовки по видам деятельности между двумя уровнями образования.

Сравним области профессиональной деятельности по двум уровням подготовки — они абсолютно идентичны: социальная защита населения; социальное обслуживание; сферы образования, здраво-

охранения, культуры; медико-социальная экспертиза; пенитенциарная система и система организаций, регулирующих занятость, миграция, помощь в чрезвычайных ситуациях; предприятия и фирмы различных видов деятельности и форм собственности, некоммерческие организации [2, 3].

При рассмотрении объектов профессиональной деятельности можно сказать, что они также абсолютно идентичны. Относительно задач, которые должны быть готовы решать выпускники, освоившие программы по разным видам деятельности, можно отметить существенную разницу в их формулировках. Если в образовательном стандарте по подготовке бакалавра предусмотрено решение задач практического характера, которые начинаются со слов «организация...», «адаптация...», «реализация...», «участие...», «применение...», «использование...», «содействие...», «ведение...», «обеспечение...» и т. п., то образовательный стандарт по подготовке магистра гораздо шире и глубже формулирует задачи с использованием оборотов «планирование...», «разработка...», «управление процессом...», «проектирование...», «совершенствование...», «руководство...», «изучение...» и т. п. [2, 3].

Особый раздел анализа — сформированные в процессе обучения компетенции выпускников. По двум уровням подготовки они выделяются одинаково: общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные. Компетенции также сформулированы с разной глубиной формирования и развития личностных ресурсов, профессиональных качеств и возможностей. Так, бакалавр должен быть способен: «использовать основы...», «анализировать основные этапы...», «к самообразованию...», «учитывать специфику...», «использовать основные методы», «выявлять...» и т. п., в то время как магистр должен быть способен: «к абстрактному мышлению...», «к действиям в нестандартных ситуациях...», «к саморазвитию и самореализации...», «к конструированию...», «к прогнозированию...», «к руководству...», «к привлечению ресурсов...» и т. п., что сущностно согласуется с задачами, которые выпускники каждого из уровней подготовки должны быть готовы решать [2, 3]. Таким образом, в целом можно заключить, что образовательные стандарты предполагают по сути подготовку бакалавра как тактика, а магистра как стратега. Причем и тот, и другой выпускник программы может осуществлять как практико-ориентированную, так и исследовательскую и педагогическую деятельность с важной оговоркой, что только у магистра при подготовке к педагогической деятельности формируется компетенция «организовывать и осуществлять образовательный процесс в системе ... выс-

шего профессионального образования», в то время как профессиональная компетенция бакалавра — участие в образовательной деятельности только в системе общего, профессионального и дополнительного образования [2, 3].

Вместе с тем необходимо отметить, что ни в одном из 14 профессиональных стандартов специалистов в области социальной работы, которые вступили в силу с 1.07.2016 г., в требованиях к уровню профессионального образования не выделяют магистратуру, а сформулировано общее требование: наличие или среднего профессионального образования, или высшего образования по профилю деятельности [4].

Библиографический список

1. Колесникова О. Н., Вышегурова Л. Р. Компетентностный подход и проблемы качества образования в условиях модернизации российского высшего образования // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 2 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2010. — С. 31–36.

2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 39.04.02 «Социальная работа (квалификация (степень) «магистр»», утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 08 апреля 2015 г. № 369 // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования [Электронный ресурс]. — URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/93/91/5/112> (дата обращения: 10.11.2016).

3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 39.03.02 «Социальная работа (квалификация «бакалавр»), утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 12 января 2016 г. № 8 // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования [Электронный ресурс]. — URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4/89> (дата обращения: 10.11.2016).

4. Чудова С. Г. Профессиональные и образовательные стандарты в области социальной работы: согласованность квалификационных требований // Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей. — Вып. 8 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2015.

Л. С Рехтина, Н. В. Соколов (Санкт-Петербург)

МИГРАЦИЯ НА СТАРТЕ III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ — РАЗРУШЕНИЕ ГРАНИЦ ИЛИ НАЧАЛО НОВОГО МИРА?¹⁵

Миграция постепенно становится одной из ведущих тем современного публичного дискурса — ее модно обсуждать и перспективно исследовать. Разные отрасли, в том числе и социология, обратили к ней свои взоры, применяя весь арсенал науки, для того чтобы понять и оценить перспективы и риски этого явления. Мультидисциплинарный подход, предполагающий интеграцию идей, взглядов, методологий из ранее совершенно независимых исследовательских отраслей, возможно, даст ответ на вопрос, с чем на самом деле мы имеем дело: обычным переездом отдельных индивидов в поисках своего «места под солнцем» или признаком начавшегося системного кризиса нашей эпохи?

Генетик Н. Яковин утверждает: «Разговор о том, к чему приводит миграция, следует начинать с другого явления — изоляции» [1, с. 52]. Продолжительная изоляция популяций, с точки зрения генетики, приводит к инбредной депрессии — обеднению генетической информации и закреплению генетических заболеваний у потомства — все это способствует снижению жизнеспособности. С точки зрения социологии, продолжительная изоляция — как индивидуальная, так и изоляция отдельных социальных групп, их последовательная стигматизация — также может вызвать разбалансировку системы, только уже социальной. Рано или поздно вовлеченная в изоляционные процессы система достигнет точки бифуркации, после чего поведение дискриминированной популяции нельзя будет предсказать, а результаты могут стать катастрофическими для целого общества. Достаточно вспомнить «железный занавес» и «Берлинскую стену» — а ведь они существовали по историческим меркам совсем недолго.

В настоящий момент ключевой проблемой является качественный скачок масштабов миграции. Согласно оценке Фонда Организации Объединенных Наций в области народонаселения (UNFPA), в 2013 г. миграция достигла 232 миллионов человек, это 3,2% населения земли [2, с. 17]. Может показаться, что для мирового народонаселения это немного. Но для отдельных крупных городов, высту-

¹⁵ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16–18–10092) в Санкт-Петербургском государственном университете.

пающих центрами притяжения и перераспределения миграционных потоков, это более чем ощутимо. Вот пример Санкт-Петербурга: «С 1 января 2012 года население ... выросло на 269,1 тысячи жителей. В 2015 г. естественный прирост населения в СПб. — 7,8 тысячи жителей, в 2014 г. — 6,5 тысячи жителей, остальное дает миграция» [3]. Следовательно, 254,8 тысячи мигрантов переселились в Санкт-Петербург только за два года. Причем речь идет только о постоянно зарегистрированном населении — по оценке Росстата, к 2016 г. оно составило 5223,3 тысячи человек [3], официальная доля мигрантов в нем составляет почти 5% (4,87%). Но это только учтенная при оформлении постоянной регистрации часть приезжих — остаются еще латентные переселенцы, проживающие по временной регистрации или вообще без таковой, включая и жителей соседних регионов, включенных в интенсивную маятниковую миграцию.

Актуальная миграционная активность не похожа на временное явление — она подобна цепной ядерной реакции, причем в начальной фазе. Словно свободные радикалы, мигранты, «сталкиваясь» с другими элементами, выводят их из состояния равновесия, порождая новые толчки перемещений. Как круги по воде расходятся миграционные волны, сталкиваются друг с другом, накапливаются, усиливаются. Восприятие общей картины осложняет то, что наша социальная система не двумерна, и мы смутно себе представляем изменения, вызванные этими волнами под «поверхностью» миграции.

Умберто Эко называет волну массовой миграции новым великим переселением народов: «Великие миграции неостановимы. И надо просто приготовиться к жизни на новом витке афроевропейской культуры» [4, с. 9]. Массовое «переливание» социального, генетического, интеллектуального и других, в том числе и научных, капиталов может стать выходом из латентного кризиса и поспособствовать развитию сразу целого ряда как смежных, так и разрозненных в господствующей картине мира областей. В настоящий момент мы наблюдаем огромное число как состоявшихся мигрантов (которые уже перенесли свою жизнь, свой обывк, свои привычки и традиции через те или иные границы, очерчивающие ареал предыдущего места обитания), так и латентных и потенциальных переселенцев (скрывающихся под видом туристов, школьников, студентов, стажеров и практикантов, сезонных работников и т. д. [5, с. 125]. С чем связано столь массовое перемещение, что его спровоцировало? Почему люди, чьи предки веками обустроивали жизнь в одном месте, вдруг бросили все и уехали в другое?

Некоторые эксперименты генетиков показывают, что у мигрирующих и немигрирующих особей одного и того же вида гены рабо-

тают по-разному. Так, в одном эксперименте ученые Массачусетского университета показали, что у бабочек-монархов, которые мигрируют, и у немигрирующих особей того же вида по-разному работают 40 генов [6]. С точки зрения выживаемости вида рационально, чтобы часть популяции была оседлой, а часть была склонна к постоянным поискам нового. «Обладателей» аллеля R7 отличает импульсивность и жажда новых ощущений» [1, с. 57], т. е. часть популяции склонна к поиску инновационных решений, а часть поддерживает проверенные и безопасные формы жизнедеятельности. Инновационная часть популяции принимает на себя риски исследовательской активности, апробируя ее результаты на себе. В результате успешных исследований обнаруживаются оптимальные решения. Представители традиционной части популяции оценивают выгоды и риски инновационных решений, и при благоприятном балансе последние закрепляются вначале в повседневности, а потом и в генетическом коде.

Так упрощенно выглядит естественный отбор. Но никто не калькулирует, сколько мигрирующих бабочек-монархов выжили в ходе своих перелетов и сколько из них смогли оставить потомство. Иначе как в популяции закрепляется откровенно вредоносное поведение, такое, например, как войны, которые повторяются с пугающей периодичностью, каждый раз набирая все большую мощь и неся все более разрушительные последствия? Ведь если у выживших закрепляются полезные навыки и наиболее безопасные и эффективные модели поведения, то подобные акты разорения не должны повторяться. С одной стороны, войны — это один из агрессивных факторов миграции. Раз уж мы вспомнили Великое переселение народов, укажем, что ряд историков предполагает: оно могло быть эхом великих военных завоеваний античного мира, окончательно его уничтожившим [7]. Когда климат на северной периферии ослабевшей к тому времени Римской империи стал ухудшаться, а германские племена, судя по летописям, впервые столкнулись с перенаселением, они пошли на юг в более мягкий климат, по следам своих завоевателей. Варвары несли голод и смерть, но Римская империя сама породила силу, уничтожившую ее, одновременно положив начало новой эпохе, новому миру [8].

Второй вопрос состоит в том, что для стабильного и продолжительного существования вида часть особей, генетически предрасположенных к миграции, должна быть значительно меньше, чем часть поддерживающих традиционный и безопасный обывок обывателей. Ставшая классической дихотомия Й. Шумпетера обозначает противостояние новаторов и консерваторов за ресурсы, в том числе — за со-

циальное и физическое пространство. Конфликт новаторов и консерваторов может приводить к тому, что мигрировать начнут именно консерваторы, вытесненные из своего «насиженного» пространства более успешными новаторами [9, с. 45]. «Согласно исследованиям психологов, в любом обществе примерно 3–5 процента инноваторов, 30–35 процентов — эволюционистов, остальные — консерваторы» [10]. Однако, возвращаясь к исследованиям генетиков, мы можем обнаружить, что число представителей популяции с алелем R7, который связывают со склонностью к миграции и рискованному поведению, может достигать 78%! Это объясняется тем, что «обладатели» R7 со своей любовью к риску и новизне имели селективное преимущество во время долгих кочевий...» [1, с. 57].

Так что же представляет собой современный этап миграции? Возможно, это всплеск естественной (в генетическом, социальном и пр. планах) активности. Территориальные перемещения перестают быть инновационной и рискованной деятельностью, начинают закрепляться в обычке как повседневная, полезная и выгодная для глобального мира практика. Но какие агрессивные выталкивающие факторы породили такую многочисленную перестановку социальных пространств? Возможно, физические пространства, ранее защищавшие отдельную популяцию, потеряли свои защитные функции или ослабли границы, разделявшие их. Другой вопрос, что тогда происходит с той частью популяции, которая обладает генетической предрасположенностью к освоению новых территорий. Согласно раскритикованной теории развития государства Фредерика Тернера (он объяснял развитие колоний, образовавших США), освоение новых территорий, преодоление и расширение границ социальной территории — одна из основ ее успешного существования и развития [11]. Что же теперь — границы закончились? Как звучит в фильме «Трасса 60» режиссера Боба Гейла (2001 г., Канада, США), «Границы предохранительный клапан цивилизации... в мире кончились новые границы» [12]. Напомним: прошлое Великое переселение народов длилось примерно семь веков. Оно стало основой формирования новой (нашей) цивилизации, уничтожив при этом родительскую цивилизацию и всех, кто ее защищал или поддерживал.

Библиографический список

1. Яковин Н. Гены ведут: Разговор о том, к чему приводит миграция, следует начинать с другого явления — с изоляции // *Машины и Механизмы*. — №8 [107]. — 2014. — С. 52–57.

2. Population Division International Migration Report 2013 // United Nations Department of Economic and Social Affairs. Printed in the United Nations, New York. — 38 с.

3. Росстат: население Санкт-Петербурга к 2016 г. выросло до 5,223 млн жителей // Сделано у Нас: сайт [Электронный ресурс]. — URL: <http://sdelanounas.ru/blogs/73353/> (дата обращения: 20.11.2016).

4. Эко У. Картонки Минервы. Заметки на спичечных коробках // Симпозиум. — 2010. — 416 с.

5. Рехтина Л. С., Соколов Н. В. Риски академической миграции молодых ученых // Проблемы современной науки и образования. — 2016. — № 16 (58). — С. 125–129.

6. Маркина Н. На примере бабочек-монархов ученые впервые получили картину миграционного поведения infox.ru. Свежие новости политики, экономики и науки [Электронный ресурс]. — URL: http://www.infox.ru/science/animal/2009/03/31/monarch_gene%20butterflies_migration_gene_print.phtml (дата обращения: 18.11.2016).

7. Сазонов К. Европа против Азии. Конфликт цивилизаций или традиция такая? // Эхо Москвы [Электронный ресурс]. — URL: <http://echo.msk.ru/blog/kostaash/1048150-echo/> (дата обращения: 18.11.2016).

8. Торопцев А. История викингов. Гл. III. Великое переселение народов [Электронный ресурс]. — URL: <http://аторопцев.рф> (дата обращения: 18.11.2016).

9. Лебедев О. Т. Экономика отраслевых рынков. — СПб., 2009. — 340 с.

10. Стерлигов И. Набор благих пожеланий // Наука и технологии России: интернет-издание strf.ru [Электронный ресурс]. — URL: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=36429#.WC-u4tKLTIV (дата обращения: 19.11.2016).

11. Тернер Фредерик. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. — URL: <http://bse.sci-lib.com/article110180.html> (дата обращения: 19.11.2016).

Т. В. Сиротина (Барнаул)

БОЛЬНИЧНАЯ КЛОУНАДА: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Госпитализация является травматическим опытом для ребенка и его близких. Л. Хофф анализирует больничную среду как определенную субкультуру. Постоянно пребывающие в стенах больниц люди — врачи, медицинские сестры, другой персонал — знают и охраняют правила, ритуалы пребывания в больничном учреждении, предотвращающие хаос и позволяющие персоналу выполнять свою работу. Ребенок, особенно впервые госпитализированный, может испытывать культурный шок — состояние эмоционального, физического дискомфорта, дезориентации, вызванное попаданием в иную культурную среду, незнакомое место [1, с. 340–341; 2].

Поскольку персонал больничных учреждений со временем становится полностью включенным в субкультуру учреждения, врачи, медицинские сестры и пр. часто забывают, что госпитализация становится значительным стрессом, разрывом нормального каждодневного опыта жизни вновь поступившего человека. Без поддержки в незнакомой институциональной среде способность пациента успешно справляться со стрессорами уменьшается. В то же время в современных условиях большая часть персонала больничных учреждений не имеет возможности оказывать адекватную поддержку пациентам в области совладания с эмоциональными составляющими стресса госпитализации в силу ряда причин: нехватки времени, отсутствия навыков поддержки, непонимания значимости психосоциальной работы с пациентами и др. [2].

Исследования выявили травмирующие эффекты госпитализации для детей, особенно длительной, связанной с большим числом болезненных процедур. Следствием кризиса госпитализации могут стать: снижение уровня адаптации к окружению, ослабленная сопротивляемость к инфекциям, замкнутость, закрытость, нарушение пищевого поведения и др. [3; 4, с. 300].

Одной из инновационных технологий психосоциальной работы, направленной на адаптацию и реабилитацию ребенка в больничном учреждении, является больничная клоунада. Проведенное автором с коллегами исследование деятельности больничных клоунов в детских больничных учреждениях России позволило выяснить, что все опрошенные больничные клоуны в качестве основной цели своей деятельности определяют реабилитацию ребенка, помощь в адапта-

ции к больничной среде, содействие в выплеске эмоций, отвлечение как детей, так и их родителей от больничных будней, создание безопасной ресурсной среды для ребенка в больнице [2]. Сегодня больничные клоуны работают во многих странах, в т. ч. в разных городах России. Значимость больничной клоунады трудно переоценить. Вместе с тем история развития больничной клоунады в мире насчитывает менее 40 лет, в России — значительно меньше.

История развития больничной клоунады берет свое начало в возникновении и развитии клоунады как таковой. В Древней Греции комики были лишены волос, должны были казаться полными, чтобы производить впечатление более крупных персонажей, чем обычные люди. Они выступали как вспомогательные герои в комедиях и пантомимах, пародируя действия более серьезных персонажей. В Древнем Риме в пантомимах клоун носил остроконечную шапку и разноцветную лоскутную одежду. Клоун был объектом шуток, проказ, оскорблений, брани и даже побоев. Клоун как профессиональный комик появился в позднее Средневековье. Придворные шуты и дураки имели влияние на бродячих артистов. В XVI в. в комедии дель арте или импровизированной комедии масок с типовыми сюжетами были рождены многие типовые характеры клоунов, включая Арлекина. Арлекин возник как комический слуга, лакей, дзанни, но вскоре стал акробатическим ловкачом, обманщиком, носившим черную маску домино и палку, которой он часто бил своих жертв. Пьерро был еще одним дзанни, всегда становившимся мишенью шуток и проказ. Пьерро был самым низшим из низших в социальной иерархии [5].

Патч Адамс, или Хантер Доэрти Адамс (настоящее имя), молодой врач, в 1970-х гг. становится первым больничным клоуном. Хантер Адамс воспринял медицину как единственную профессию, связанную с заботой и любовью, поэтому он принял решение — стать врачом, семейным терапевтом, и лечить бедных. В процессе своего обучения в медицинском колледже Университета дружества в Вирджинии (США) Х. Адамс осознал, что только любовь и юмор могут противостоять агрессии и ненависти. После этого Х. Адамс начал свою практику в качестве больничного клоуна. Его пример оказался настолько заразительным, что в скором времени во многих странах появились больничные, или медицинские клоуны [6].

Следующим шагом в развитии больничной клоунады стало открытие в 1987 г. в Нью-Йорке Цирка «Большое Яблоко» Отделения больничных клоунов (the Big Apple Circus Clown Care Units (CCU)). Это была первая структурированная программа работы больничных клоунов в одной из больниц Нью-Йорка. Ее основателем стал М. Кри-

стенсен. На сегодняшний момент основное внимание организации по-прежнему уделяется больницам Нью-Йорка, вместе с тем больничные клоуны работают и в других больницах США.

М. Кристенсен, один из основателей Цирка «Большое Яблоко» (the Big Apple Circus), был приглашен выступить на одном из мероприятий в детской больнице Нью-Йорка. М. Кристенсен и его коллеги представили 20-минутную пародию на обыденную больничную жизнь аудитории, состоящей из детей-пациентов, их родителей и персонала больницы. Для М. Кристенсена это выступление стало лучшими 20 минутами в его профессиональной карьере, именно там родилась идея создания Отделения Больничных Клоунов [7].

Деятельность больничных клоунов была направлена на удовлетворение психосоциальных потребностей госпитализированных детей, а именно: минимизацию стресса нахождения в больнице и лечения для детей и их родных. В некоторых больницах клоуны также стали навещать и взрослых пациентов. Клоуны пародировали ежедневную рутину больниц с целью быстрее адаптации к больничным условиям, отвлекали от болезненных и пугающих медицинских процедур, помогали понять их смысл и то, как они будут проведены. Атмосфера смеха, игры, забавы помогала детям забыть на время о своей болезни и боли. Позже программы больничной клоунады возникли во многих странах, в т. ч. Clini-Clowns («Больничные клоуны») в Австрии, Le Rire Medicine («Веселая медицина») во Франции, Doctors of Joy («Доктора радости») в Бразилии, Fools for Health («Шуты для здоровья») в Канаде, Funny Noses («Смешные носы») в Белоруссии и пр. Одним из наиболее значительных спонсоров больничных клоунов является Фонд Феодора (The Theodora Foundation), поддерживающий клоунов в 82 странах Европы, Азии и Африки [5; 7].

Первым больничную клоунаду в России начал практиковать К. Седов, впоследствии создавший наиболее крупную организацию больничных клоунов на постсоветском пространстве — АНО «Больничные клоуны». Профессиональные больничные клоуны осуществляют выходы в больничные учреждения в нескольких регионах России, АНО «Больничные клоуны» ежегодно проводит обучающие семинары для больничных клоунов из разных стран [8, с. 267; 9].

Л. Лиге отмечает, что помощь, оказываемая больничными клоунами, позволяет ребенку выйти за границы обыденного (создает волшебную зону безопасности и комфорта), развивает волю и перспективу желаний ребенка. Это безвозмездная помощь во всех смыслах — радость без требований, весело без условий. Эта помощь отвлекает ребенка от манипуляций, тревоги и боли [10].

Таким образом, больничная клоунада, берущая начало в клоунаде как таковой, стала особым родом деятельности около 40 лет назад. Возникнув в США, она получила распространение по всему миру. Сегодня больничные клоуны преимущественно работают в детских больничных учреждениях, но есть и те, кто работает со взрослыми пациентами. Больничная клоунада, целью которой является быстрая и наиболее безболезненная адаптация пациента в больничном учреждении, его скорейшее выздоровление, если это возможно, и реабилитация посредством юмора и смеха, активно развивается как в России, так и в других странах мира. Как говорил Чарли Чаплин: «Для того, чтобы по-настоящему смеяться, ты должен быть в состоянии принять свою боль и научиться играть с ней!»

Библиографический список

1. Hoff L. A. People in crisis: understanding and helping. — San Francisco, 1995. — 477 p.
2. Сиротина Т. В., Миллер С. М. Больничная клоунада как технология адаптации и реабилитации ребенка в больничном учреждении // *Baikal Research Journal*. — 2015. — Т. 6. — № 6. — DOI: 10.17150/2411-6262.2015.6 (6).17.
3. Cartwright L. Emergencies of survival: moral spectatorship and the New vision of the child” in postwar child psychoanalysis // *Journal of Visual Culture*. — 2004. — Vol. 3 (1). — P. 35–49.
4. Миллер С. М., Сиротина Т. В. Творческие технологии в практике паллиативного ухода // *Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей*. — Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2015. — С. 299–306.
5. Clown Doctors: the Humour Foundations // [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.humourfoundation.com.au/resources/history-of-clowning.html>.
6. Рагожина Е. Патч Адамс. Смех, открывающий души // *Новый стиль*. — 2013. — Февраль. — № 16 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.newstyle-mag.com/personalii/patch-adams-smex-otkryvayushhij-dushi.html>.
7. Koller D. D. & Gryski C. The Life Threatened Child and the Life Enhancing Clown: Towards a Model of Therapeutic Clowning // *Evidence-Based Complementary and Alternative Medicine*. — 2007. — № 5 (1) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2249744/pdf/nem033.pdf>. DOI:10.1093/ecam/nem033
8. Антонович И. В., Мазайлова Т. А. // *Социология в современном мире: наука, образование, творчество : сборник статей*. —

Вып. 7 / под ред. О. Н. Колесниковой, Е. А. Попова. — Барнаул, 2015. — С. 266–270.

9. Больничные клоуны [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.medclown.ru/>.

10. Linge L. Magical attachment: children in magical relations with hospital clowns [электронный ресурс] // The International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being. — 2012. — Vol. 7 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ijqhw.net/index.php/qhw/article/view/11862>.

Н. А. Стерляева (Барнаул)

ВЛИЯНИЕ ОБРАЗА ЖИЗНИ НА ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА

Здоровье — одна из важнейших потребностей человека, определяющая его способности к любой деятельности. И во многом здоровье определяется образом жизни. Образ жизни — это существенный фактор сохранения здоровья, который показывает, как организована повседневная жизнедеятельность социальных групп, общества или отдельного человека.

Образ жизни обусловлен общественными нормами поведения, которые опираются на определенные правила, обычаи, национальные особенности. Он отражает степень развития общества и общественных отношений и одновременно определяется этим развитием. В основном человек ведет тот образ жизни, который предопределен ему от рождения, но, тем не менее, всегда есть возможность изменить этот образ, сделав определенный жизненный выбор. Здоровый образ жизни позволяет предупредить заболевания и способствует выполнению социальных функций в полном объеме. Для его формирования необходима личная мотивация человека, а также возможность его реализации в материальном плане и в плане социальной оценки. Здоровый образ жизни — это выработка у людей определенных взаимосвязанных между собой навыков и привычек. Влияние образа жизни на здоровье человека не вызывает сомнения. Согласно данным ВОЗ, состояние здоровья человека на 50–55% определяется его образом жизни. Однако современные исследования дают еще более высокие оценки влиянию данного фактора, поднимая его до 70% [1, с. 121].

Воспитывать ответственное отношение к здоровью, формировать навыки здорового образа жизни необходимо с детского возраста.

ста, т. к. именно тогда формируются определенные модели поведения. Так, в детстве закладываются основы культуры правильного питания и поведения. При этом необходимо, чтобы к формированию навыков здорового образа жизни были привлечены не только родители, но и педагоги, медицинские работники.

При изучении влияния образа жизни на здоровье человека существенным представляется то, как население понимает, что такое здоровый образ жизни. Например, П. О. Ермолаева и Е. П. Носкова, по результатам проведенного в восьми федеральных округах и 137 городах и селах по заказу и при поддержке Министерства здравоохранения РФ исследования в рамках оценки эффективности рекламной информационно-образовательной кампании «Здоровая Россия», приводят следующие данные: большинство населения выделили три составляющие ЗОЖ — полный отказ от курения (74,4%), отказ от злоупотребления алкогольными напитками (71,9%) и физическая активность с учетом возрастными и физиологическими особенностями организма (66,4%). Более половины (55,4%) полагают, что к понятию ЗОЖ относятся также сбалансированное питание, т. е. употребление разнообразной пищи, необходимых витаминов, минералов и прочее. При этом люди с высоким уровнем образования шире рассматривают ЗОЖ, включая в него эмоциональное здоровье, в то время как респонденты с низким образованием в основном воспринимают ЗОЖ в виде формулы «отказ от вредных привычек + физическая активность» [1, с. 121].

Важными составляющими здорового образа жизни являются личная гигиена, полноценное и сбалансированное питание, правильно организованный двигательный режим, соблюдение режима труда, отдыха и сна, отказ от вредных привычек. Большую роль при этом играет самовоспитание и самосовершенствование человека, его индивидуальные установки и убеждения, сознательный выбор ценностей здорового образа жизни. Для сохранения и укрепления здоровья немаловажен поведенческий фактор. Так, основной приоритетной деятельностью Всемирной организации здравоохранения в ближайшие годы является формирование здорового поведения, которое будет способствовать решению снижения (или даже ликвидации) наиболее значимых инфекционных и широко распространенных неинфекционных заболеваний.

Здоровый образ жизни предполагает отсутствие вредных привычек, а в случае наличия — отказ от них. К самым распространенным вредным привычкам относят курение и злоупотребление алкоголем. Табакокурение способствует развитию легочных болезней, заболеваний сердечно-сосудистой системы. Алкоголь разрушает печень, вы-

зывает повышение артериального давления, отрицательно влияет на врожденные характеристики детей.

Немаловажным фактором в формировании здорового образа жизни выступает ответственное медицинское поведение человека (своевременное обращение к врачу, выполнение медицинских рекомендаций и т. п.), а также физическая культура. Данное поведение можно рассматривать как совокупность медицинских практик, направленных на сохранение и укрепление здоровья.

Обязательная диспансеризация работающих граждан, предусмотренная национальным проектом «Здоровье», способствует выявлению заболеваний на ранних стадиях и проведению своевременного лечения. Но далеко не всем людям свойственно ответственное медицинское поведение. Так, результаты проведенного А. С. Проценко и Е. Г. Свистуновой исследования показали, что среди респондентов в течение последнего года врача посещали лишь 38%; 58% — считают себя совершенно здоровыми и не видят необходимости в ежегодном посещении поликлиники; остальные (42%) — знают о наличии хронических соматических заболеваний, но на диспансерном учете не состоят. Систематическое лечение имеющейся хронической патологии проводят лишь 18%. Только 14% опрошенных заявили, что всегда выполняют рекомендации стоматолога, 26% — иногда выполняют, а большая часть (60%) рекомендации стоматолога по сохранению здоровья зубов в основном игнорируют [2, с. 111].

Исследование Д. П. Солодухиной и Н. А. Завьяловой, проведенное в Белгородской области, показывает, что только каждый третий всегда обращается к врачу в случае недомогания среди относительно здоровых и каждый десятый — среди хронических больных. В группе лиц, страдающих хронической патологией, выше доля тех, кто обращается к врачу в случае серьезных жалоб. Это обусловлено тем, что больные с хроническими болезнями чаще всего хорошо знают свою патологию, они в определенной степени адаптированы к ней, поэтому сами могут справиться с симптомами, приняв рекомендованное ранее врачом лекарство или воспользовавшись народным средством. Около 20% стараются избегать врачей. Это в основном состоящие в браке граждане, имеющие детей, с высшим или средним специальным образованием, занимающиеся умственным трудом, с отличными жилищными условиями и сбалансированным питанием, т. е. благополучные люди. Среди причин, обуславливающих пассивное поведение в случае недомогания, ведущее место принадлежит организационным недостаткам амбулаторной медицинской помощи: очереди в регистратуре и на прием к врачу, в которых не хотят стоять 17,5%.

Такие причины, как недоверие врачам, психологические переживания при обращении за медицинской помощью и страх диагностировать серьезное заболевание, лечение народными средствами в качестве альтернативы посещения специалиста, занимают незначительные доли в ответах респондентов [3, с. 123].

На медицинское поведение может влиять материальное положение человека. Как отмечает Н. А. Вялых, основываясь на результатах проведенного в г. Ростове-на-Дону исследования, объем затрат на медицинские услуги положительно коррелирует с уровнем дохода пациента. Представители относительно высокодоходных групп (с доходами свыше 35 тыс. руб.) тратят большие суммы по сравнению с другими участниками опроса. Такое положение дел складывается не из-за того, что низкодоходные группы меньше болеют и не нуждаются в медицинских услугах, а из-за крайней ограниченности личного/семейного бюджета [4, с. 129]. Результаты данного исследования аналогичны результатам исследования Д. П. Солодухиной и Н. А. Завьяловой, проведенного в Белгородской области относительно посещаемости врачей: 61,4% горожан в течение года ни разу не обращались за медицинской помощью (консультацией врача, вакцинацией, процедурами, обследованием и пр.) и с профилактической целью. Связь между наличием хронического заболевания и профилактическим обращением отсутствует. Люди, достоверно знающие о том, что у них есть хронические заболевания (51,2%), ничуть не пытаются предупредить наступление или обострение болезней [3, с. 131].

Важным элементом, формирующим здоровье, является информированность. Медицинская информированность характеризуется, прежде всего, знаниями в области профилактики заболеваний. Отсутствие знаний о факторах риска и здоровом образе жизни остается одной из главных причин широкого распространения болезней. Однако информированность и осознание ценности здоровья не гарантируют сами по себе его сохранения и укрепления. Необходимо наличие в мотивационной сфере личности установок на здоровое поведение. Только определенные действия являются следствием позитивной личностной мотивации и готовности вести здоровый образ жизни.

Как уже отмечалось, рациональное питание выступает в качестве важнейшего критерия здорового образа жизни, т. к. оно выполняет одну из главных функций в обеспечении жизнедеятельности человеческого организма, позволяет предупредить многие заболевания. Нерациональное питание, наоборот, повышает риск возникновения заболеваний.

1. Результаты опроса, проведенного ВЦИОМ, показывают, что правильно питаться старается каждый второй опрошенный (51%) — за год эта цифра практически не изменилась (49% в 2014 г.). Треть респондентов (36%) употребляет в пищу полезные продукты. Прежде всего, это москвичи и петербуржцы (51%), люди с высоким достатком (46%), высокообразованные (42%), активные интернет-пользователи (41%). Каждый седьмой (15%) соблюдает диету: выбранную самостоятельно (10%) или рекомендованную врачом (5%). Те же, чей рацион никак не ограничен, объясняют это по-разному. 27% говорят, что не жалуются на здоровье и поэтому едят все, что хотят. 20% сетуют, что материальное положение не позволяет им особо задумываться при выборе продуктов питания (инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 11–12 апреля 2015 г. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России) (см: www.wciom.ru).

Таким образом, одним из главных приоритетов государственной политики на современном этапе является сохранение и укрепление здоровья населения. При этом усиление пропаганды, формирование навыков здорового образа жизни — необходимые составляющие данного направления. Работа по воспитанию навыков ЗОЖ должна проводиться в комплексе. Основная деятельность в этом направлении ложится на плечи здравоохранения (профилактическая, консультативная помощь населению). Немаловажную роль в формировании здоровья, в обучении и воспитании навыков ЗОЖ играют учебные заведения, будучи культурными и образовательными центрами. Особое место в пропаганде здорового образа жизни принадлежит органам социальной защиты населения. К пропаганде здорового образа жизни должны быть подключены и средства массовой информации, культивирующие развитие физически и духовно здорового тела, формирующие позитивное отношение к лицам, ведущим здоровый образ жизни.

Библиографический список

1. Ермолаева П. О., Носкова Е. П. Основные тенденции здорового образа жизни россиян // Социологические исследования. — 2015. — № 4.
2. Проценко А. С., Свистунова Е. Г. Образ жизни и стоматологическое здоровье // Социологические исследования. — 2011. — № 4.
3. Солодухина Д. П., Завьялова Н. А. Культура поведения работающих граждан в ситуации болезни // Социологические исследования. — 2011. — № 7.

4. Вялых Н. А. Факторы воспроизводства социального неравенства в сфере потребления медицинских услуг // Социологические исследования. — 2015. — № 11.

А. А. Фатхутдинова (Казань)

ТРИ ГРАНИ «ПИРАМИДЫ» ГЕЙМЕРСТВА: СУБКУЛЬТУРА, ЗАВИСИМОСТЬ, СПОРТ

Научный руководитель — В. В. Фурсова

За последние 50 лет мир молодежных субкультур охватил около тысячи самых разных явлений и течений, включая: хиппи, панков, металлистов, рэперов, анархистов, футбольных фанатов, готов, скинхедов, скейтеров, паркурщиков, эмо-кидов и получивших широкое распространение в связи с появлением новых медиа — геймеров. Можно ли говорить о них как о новой популярной среди молодежи субкультуре, со своими нормами, ценностями, правилами? А может, это новейший, еще тщательно не изученный вид спорта, со своими правилами игры, призами? Или это все-таки игровая зависимость, болезнь, а люди, которые ею больны, нуждаются в серьезной помощи, лечении?

В нашем современном мире, с его бешеной скоростью развития, техническим и научным прогрессом, с популяризацией новых медиа: ЖК-телевизор, камера, Интернет, компьютер и т. д. — все сложнее и сложнее молодому человеку, который только-только «выпал из гнезда» своих родителей, социализироваться, определить свои цели в жизни, определить свой путь. Так вот для того, чтобы было немного легче, сами же молодые люди организуются в различные группы, сообщества, кружки по интересам.

С появлением все более усовершенствованных мультимедийных средств и медиа появляются и новые сообщества. Самым популярным в последние 10–15 лет стало сообщество геймеров, в связи с появлением компьютеров, Интернета, распространением бесплатных сетей вай фай и т. д.

В последнее десятилетие в отечественной исследовательской и публицистической литературе наблюдается повышение интереса к изучению феномена молодежных организаций, субкультур, а именно субкультур, связанных с компьютерными технологиями. Данная проблематика находит свое отражение в целом ряде психологиче-

ских, социологических, культурологических, социально-философских, и педагогических исследований. Субкультурой геймеров занимается ряд ученых, такие как М. Г. Евдокимова, Д. В. Иванов, В. Н. Ивлев, В. П. Лившиц, О. Маслов, Н. А. Носов и др. Несмотря на то, что о проблеме геймерства и игровой зависимости вообще говорят различные СМИ, исследования практически отсутствуют по данной теме. Все это позволяет посвятить специальное исследование субкультуре геймеров, что даст возможность показать, во-первых, место и роль данной проблематики в изучении особенностей формирования современного информационного общества, во-вторых, раскрыть тенденции и противоречия развития субкультуры геймеров и, в-третьих, рассмотреть ее с трех основных граней (зависимость, субкультура, спорт). Для исследования была выбрана качественная стратегия, которая позволит глубже познать внутренний мир самого представителя данного сообщества, чтобы выяснить, зависим он или нет. Для исследования выбран метод неформализованного глубинного интервью. Количество респондентов 15, в возрасте от 14 до 35 лет, женского и мужского пола. В ходе исследования удалось выявить сделать выводы о том, что, к сожалению, те же самые люди, которые называют себя спортсменами, являются в то же время и зависимыми, больными людьми. Геймерство, прежде всего, это болезнь, болезнь именно XXI в., причиной которой являются бешеные темпы развития компьютерных и интернет-технологий. Компьютерные сети, как вид телекоммуникации — принципиально новый пласт социальной реальности. Больше не нужно ходить в кинотеатр, на концерт любимой группы, засиживаться в библиотеке, утруждать себя походами по магазинам, всю необходимую информацию можно получить, не отходя от экрана монитора. Появился новый вид психологического расстройства — интернет-зависимость. Чаще всего исследователи нацелены на интернет-зависимость у молодежи, в частности у подростков, т. к. этот возраст наиболее подвержен различным отклонениям в поведении и еще не до конца сформировавшаяся психика подростка, как губка, способна впитать все плохое.

Также мы выделим несколько критериев, по которым можно распознать интернет- и игровую зависимость: синдром карпального канала (туннельное поражение нервных стволов руки, связанное с длительным перенапряжением мышц); сухость в глазах; головные боли по типу мигрени; боли в спине; нерегулярное питание, пропуск приемов пищи; пренебрежение личной гигиеной; расстройства сна, изменение режима сна [1]. Это что касается физических симптомов. По мнению исследователя, нельзя только по этим признакам сказать,

что человек зависим, ведь многие другие болезни подходят по этим описаниям.

Психологические симптомы: хорошее самочувствие или эйфория за компьютером; невозможность остановиться; увеличение количества времени, проводимого за компьютером; пренебрежение семьей и друзьями; ощущения пустоты, депрессии, раздражения не за компьютером; ложь работодателям или членам семьи о своей деятельности; проблемы с работой или учебой.

Причинами зависимости могут стать: возможность анонимного общения; возможность для реализации представлений, фантазий с обратной связью (в том числе возможность создавать новые образы «Я»); вербализация представлений и/или фантазий, невозможных для реализации в обычном мире; чрезвычайно широкая возможность поиска нового собеседника; неограниченный доступ к информации. Это как основа или фундамент и первая из граней «пирамиды».

Следующей распространенной гранью, уходящей ввысь, является спорт. Геймерство, как спорт, во всех отношениях будет только совершенствоваться, а стремительный технический прогресс лишь усилит его популярность.

Заглянем немного в историю развития киберспорта. Начиналось все с Quake, Starcraft, WarcraftиCounterStrike. На данный момент самые популярные дисциплины в киберспорте — это LeagueofLegends и Dota 2. Считается, что киберспорт хорошо развивается там, где в одной точке сходятся создатели игр, профессиональные лиги, спонсоры и организаторы чемпионатов [2]. Финалы киберспортивных чемпионатов проходят на тех же многотысячных площадках, что и финалы NBA и NHL. Прямую трансляцию прошлогоднего финала чемпионата по LeagueofLegends посмотрели 32 миллиона человек, а команда победителей разделила между собой приз в 1 миллион долларов. Хотя киберспорт в мире за последние 10 лет заметно набрал обороты, в большинстве стран он все еще считается полумаргинальным и с трудом находит спонсоров. Забавно, что Россия стала первой страной в мире, которая официально признала компьютерный спорт, а спустя пять лет вместе со сменой руководства Росспорта вновь исключила его из реестра. Золотым временем российского киберспорта считается 2002 г. Тогда наши команды по Quake 3 и CounterStrike завоевали золото на крупнейшем международном чемпионате по кибериграм WorldCyberGames. Всего за десять лет в соревнованиях WCG мы заработали пять золотых, шесть серебряных и восемь бронзовых наград. Сейчас в России, вероятно, самыми мощными киберспортивными организациями можно назвать Virtus.Pro, GambitGaming, Empire и RoX.Kis. Официальный ста-

тус киберспорт на данный момент получил только в США и Южной Корее. В 2013 г. канадский геймер Дэнни Ли стал первым, кому выдали американскую визу категории Р-1А, созданную для «всемирно известных спортсменов» [3]. И, наконец, геймеры — это виртуальное сообщество. И настоящих геймеров, которые все отдают ради игры, которые сутками готовы сидеть за компьютерами, не так уж и много. В теории, геймерство можно назвать субкультурой или даже массовой культурой в связи с развитием технологий. Но, как показано в исследовании автора, как следует из анализа статей и социологических опросов, да и по мнению самих же геймеров, это все же сообщество, круг по интересам, место для развлечений. Хотя и перерастающее в серьезную, почти не излечимую болезнь. Это третья грань.

Сравнивать Интернет с наркотиками или с алкоголем кажется бредовой и, собственно, ни к чему не приводящей идеей, но, к сожалению, в последнее время все чаще слышно: «Я сижу на одном чате, я подседа на тот или иной блог или игру». Возможно, в ближайшем будущем то, что геймерство — это болезнь, уйдет на второй план или молодые люди научатся неким образом контролировать себя и геймерство перерастет в профессиональный, хороший вид спорта. Но для того, чтобы это не переросло в еще большую зависимость, возможно, имеет смысл применение таких мер, как: вмешательство государства для лучшей организации досуга молодых людей, школьников; регулирование ценовой политики в игровых салонах, возможно, даже их сокращение; похвала со стороны государства киберспортсменов за тот или иной выигрыш; спонсорская поддержка государства при выходе команды на мировую арену; попробовать поменять стереотип о том, что это легкие деньги, добытые быстрым способом, на то, что это труд и он оплачивается и высоко ценится.

Библиографический список

1. Колиофутис А. Интернет-зависимость подростков. Статистические данные [Электронный ресурс]. — URL: <http://apologet.spb.ru/ru/1488.html> (дата обращения: 17 июля 2013 г.).
2. Рукомойникова В. П. Виртуальные сообщества как объект социокультурных исследований [Электронный ресурс]. — URL: http://sodmu.narod.ru/t_ruk.htm
3. Скопинцева С. Н. Детская и юношеская субкультура как фактор воспитания // Социальная сеть работников образования [Электронный ресурс]. — URL: <http://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/vospitatelnaya-rabota/2012/02/28/detskaya-i-yunosheskaya-subkultura-kak-faktor>.

4. Сикевич З. В. Молодежная культура: за и против. — Л., 1990. — 272 с.
5. Сотников И. М. Дифференциация студенческой субкультуры в современном российском обществе : дис. ... канд. соц. наук. — Ставрополь, 2009. — 182 с.
6. Геймеры более образованны и общительны, чем те, кто над ними смеется // WashingtonPost. — 2014. — 6 июня [Электронный ресурс]. — URL: <http://habrahabr.ru/post/225477>.
7. Прищеп Н., Львов М. Любовь к компьютеру лечится труднее, чем алкоголизм // Комсомольская правда. — 2007. — 15 сент.
8. Виртуальный спорт. Золото геймеров // Корреспондент. — 2013. — № 36. — 13 сент. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.tsikoliya.ru/novosti-internet/81965-korrespondent-virtualniy-sport-zoloto-geymerov.html>
9. Фичер. Геймер — субкультура? [Электронный ресурс]. — URL: http://games.mail.ru/pc/articles/feat/gejmer_subkultura_by_glebghost_mail_ru.
10. Статистика подростков с компьютерной зависимостью [Электронный ресурс]. — URL: <http://mylovekid.ru/p/mlk-19461.html>.

М. И. Черепанова, А. Е. Фокина (Барнаул)

СТРАТЕГИИ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Основным условием закономерного развития общества и его успешного функционирования, критерием благополучия является ценность долголетнего существования. Она формируется культурной преемственностью и жизнью общества. Особую актуальность исследованию отношения к самосохранительному поведению придает отмеченная современными социологами тенденция к сокращению молодежи в структуре российского населения. Кроме того, отмечается ухудшение здоровья россиян от поколения к поколению [1, с. 79]. Ситуация усугубляется тем, что для молодежи характерно наличие широкого поведенческого паттерна, связанного с риском для здоровья, жизни. Многочисленные отечественные исследования позволяют судить о происходящих неблагоприятных изменениях здоровья населения, что наиболее ярко выражено у лиц подросткового и юношеского возрастов. По данным официальной статистики, заболеваемость студентов находится в промежутке от 700 до 1200

на 10000 человек. При этом за период обучения в вузе состояние здоровья студентов, как правило, ухудшается, а деятельность по сохранению здоровья молодежи не приносит серьезных результатов. Согласно исследованиям специалистов, значительная часть студентов российских вузов демонстрируют отсутствие личной ответственности за состояние здоровья [2, с. 19], также им присущ низкий уровень общей и гигиенической культуры, организации питания, условий обучения и проживания [3, с. 19–21]. В то же время результаты современных социологических исследований показывают, что самосохранительное поведение достаточно значимо для большинства студентов, в определенной степени относится к жизненной ценности, и в целом для современной студенческой молодежи характерны жизненные стратегии, направленные на личностную и профессиональную самореализацию. Однако эта ценность недостаточно осознанна. В данной статье представлены результаты социологического исследования проблемы СПП студенческой молодежи. Анализ результатов показал, что большинство респондентов (94%) удовлетворены состоянием своего здоровья. Считают свое состояние здоровья хорошим 47% опрошенных, ровно столько же охарактеризовали состояние своего здоровья как «удовлетворительное». Незначительное количество студентов считает, что здоровье у них в плохом состоянии или затруднились ответить на данный вопрос. Таким образом, около половины студенческой молодежи констатируют наличие проблем в состоянии здоровья. Большинство опрошенных считают здоровье значимой частью их жизни. «Здоровье — самое главное в жизни», — констатировали около половины студентов (45%). Каждый четвертый ответил, что «здоровье — это, конечно, важно, но иногда можно и забыть об этом». Столько же молодых людей уравнивали в важности здоровье и работу, учебу, отдых и развлечения. Выявлено, что 6% молодых студентов предпочитают жить с риском, даже если это вредит здоровью, и 1% не заботятся о здоровье — хотят жить так, как им нравится и ни в чем себя не ограничивать. Таким образом, более половины молодых людей имеет неэффективные в разной степени модели самосохранительного поведения. Здоровье является максимальной ценностью лишь для половины молодежи. Каждый четвертый способен забыть об этом и, значит, рисковать им. Каждый четвертый студент склонен использовать здоровье как средство для продвижения в карьере, в учебе, рисковать им или потратить его в угоду развлечениям. Согласно результатам, каждый третий молодой человек связывает заботу о здоровье с воспитанием, 13% — с влиянием и примером окружающих, 17% — с воздействием медицинской

информации. Треть приходит к необходимости заботы о своем здоровье только при его ухудшении. Выявленные тенденции свидетельствуют о недостаточно эффективной мотивации к самосохранительному поведению (ССП): основная ее часть формируется не в процессе воспитания и личного осознания ее необходимости, а зависит, в частности, от внешних условий, ухудшения здоровья, имеет скорее запаздывающий, чем профилактический характер. Так как отношения в семье и вообще семья оказывает достаточно большое влияние на самосохранительное поведение и здоровье в целом, то интересно узнать, насколько принято в семьях заботиться о здоровье. У абсолютного большинства (84%) заботиться о здоровье принято, а 16% не могут охарактеризовать свою семью как «заботящуюся о здоровье». Таким образом, важно акцентировать проблему повышения значимости семейного окружения, особенностей социализации в формировании СПП. Большинство студентов (63%) редко выпивают алкогольные напитки, часто выпивают 16% и ответили, что не пьют вообще, 21%. Таким образом, полностью трезвый образ жизни характерен лишь только для каждого пятого студента, что значительно снижает резервы здоровья современной студенческой молодежи. Спорт, занятия физкультурой являются средством формирования здорового образа жизни, рассмотрим, как студенческая молодежь мотивирована к подобным видам деятельности.

При ответе на вопрос о причинах, не позволяющих заниматься спортом, абсолютное большинство указало учебную деятельность: 42% не хватает времени на спорт или тренировки, а еще 26% устает после учебы. Также к основным причинам можно отнести отсутствие силы воли (11%), материальных условий (8%), компании (7%). 5% не чувствуют в этом необходимости, и всего 2% руководствуются медицинскими соображениями. Можно сделать вывод, что в основном указаны внешние причины, которые на самом деле не являются решающими, но констатируют определенную пассивность и низкую мотивацию молодежи к занятиям спортом как важного компонента СПП. Кроме того, каждый пятый студент испытывает значительную усталость, истощаемость после учебных занятий, что также свидетельствует о сниженных резервах здоровья, несмотря на возраст респондентов. Отношение к медицине, стремление посещать врача, частота подобных посещений, является важным компонентом СПП. Представим ответы молодежи в данном аспекте. При появлении необычных болевых ощущений большинство респондентов доверяют медицине: каждый третий идет к врачу и выполняет его указания. Половина студентов не обращается к врачу, проявляет определенную са-

моделятельность, возможно, упуская время для эффективного и быстрого излечения. В целом большая часть молодежи (70%) предпочитает не обращаться в медицинские учреждения, особенно это актуально для студентов-медиков. При заболевании обращается к врачу постоянно только каждый десятый человек. Еще столько же указали, что приходят к врачу для получения справки. Большинство (47%) все-таки посещает врача, но в том случае, если диагноз не ясен. Каждый третий посещает врача, если не в состоянии справиться с заболеванием самостоятельно, т.е. в случае тяжелого заболевания. Таким образом, медицина и врачи выступают только в качестве вторичного агента по лечению заболеваний. Большинство же респондентов (70%) намерены лечиться самостоятельно, пока они в состоянии это делать, что можно трактовать как неэффективное самосохранительное поведение. Среди причин непосещения медицинских учреждений преобладают: длинные очереди, значительные потери времени; болезнь пройдет сама; низкая квалификация врача или отсутствие врача нужной направленности. Таким образом, рейтинг причин, ослабляющих ССП, — это самостоятельное лечение, траты времени, ожидание самоизлечения, неудовлетворенность медицинским персоналом и медициной в целом. В основном же респонденты стремятся не посещать больницы. Большинство студентов считаются с необходимостью знакомства с информацией о болезнях, особенно имеющимся у них самих, в том числе в Интернете. Таким образом, знаниевый компонент (признание необходимости ССП) выявлен у студентов вузов Алтайского края в значительной степени.

В основном опрошенные стремятся выполнять то, что считают важным для здоровья, но делают не все (77%) либо делают очень мало (12%). Только 9% студентов следуют всем своим установкам относительно здоровья, а 2% вообще не демонстрируют заинтересованность в сохранении здоровья. Вместе с тем можно предположить, что у большинства студентов сложилось понятие о здоровом образе жизни как об общественной норме, соглашаться с которой необходимо, но переносить в реальность — дело индивидуальное. Таким образом, в процессе анализа данных исследования выявлено противоречие, связанное с тем, что 92% молодежи знают и подтверждают значимость здоровья, однако практическая реализация базовых компонентов ССП характерна только для трети молодежи. Вопрос правильного, здорового питания важен для студентов, особенно потому, что для многих из них поступление в вуз связано с началом самостоятельной жизни. По данным исследования, выявлено, что в основном обеденное время студенты проводят в университете, что приводит

их к необходимости приема пищи в обед в столовой учебного заведения (51%). Также распространена привычка «перекуса фруктами и йогуртами (13%) или булочками и шоколадом (9%)», что гораздо менее полезно для здоровья. Крайние же приемы пищи приходится в основном на дом: 78% утром и 90% вечером. Причем каждый десятый студент никогда не завтракает. Таким образом, выявлено нерациональное пищевое поведение студенческой молодежи, которое значительно влияет на ухудшение здоровья, рост заболеваемости ЖКТ. Данный факт согласуется с другими отечественными исследованиями. Анализ факторов, оказывающих влияние на здоровье, показал, что наименьшее влияние на здоровье, по мнению респондентов, оказывают жилищные условия, по мнению каждого восьмого студента, его жилищные условия ухудшают здоровье. Четверть студентов отметили, что сложные материальные условия в основном либо улучшают (37%), либо косвенно ухудшают их здоровье. Это проявляется в невозможности посещения частных врачей, приобретения дорогих лекарств и пр. Преобладающей установкой студентов явилось: если у человека не выработывается правильное отношение к своему здоровью, медицина не сможет ему помочь. Каждый третий (33%) поддерживает безответственное отношение к здоровью и не считает его составляющим культуры человека. Примерно половина (54%) считает, что люди виноваты в своих болезнях сами. Каждый пятый предпочитает заботиться о здоровье только в случае необходимости. На основании представленных результатов было сформулированы следующие выводы.

Для половины студенческой молодежи здоровье является одной из основных ценностей, что обуславливает эффективное самосохранительное поведение. Значительная часть студенческой молодежи (48%) не считает здоровье безусловной ценностью, склонна эксплуатировать его в угоду карьере, отдыху и развлечениям, что является индикатором неэффективных стратегий самосохранительного поведения. Студенты вузов Алтайского края осознают необходимость самосохранительного поведения, вместе с тем не склонны практически реализовывать свои установки, что свидетельствует о рассогласованности теории и практики, что снижает самосохранительное поведение, делая его неэффективным. Низкий резерв самосохранительного поведения проявляется в том, что большая часть молодежи ориентирована на самостоятельное лечение заболеваний, особенно считающихся легкими, предпочитают не обращаться к официальной медицине. Основными факторами, стимулирующими заботу о здоровье у студенческой молодежи в порядке убывания, явля-

ются: семья, особенности воспитания, примеры близких родственников. Каждый третий молодой человек начинает заботиться о здоровье только по причине его ухудшения, что говорит о низкой профилактической направленности самосохранительного поведения и требует коррекции. Каждого десятого стимулирует к самосохранительному поведению медицинская информация. Выявлена высокая значимость социального окружения, его большой потенциал в формировании самосохранительного поведения.

Библиографический список

1. Черепанова М. И. Специфика стратегии самосохранительного поведения населения провинциального региона России (на примере Алтайского края). Актуальные социальные исследования : материалы Междун. научно-практич. конфер. — София. — 2014. — С. 79–81.
2. Бурак Е. Н., Стариков В. И., Тенянюк М. Ю. Социологические исследования состояния здоровья студентов-юристов // Здравоохранение Белоруссии. — 2010. — № 12. — С. 19–22.
3. Бутов В. И. Демография : учеб. пособие. — М. ; Ростов н/Д., 2013. — 289 с.

*С. Г. Чудова (Барнаул), Т. В. Карачева
(Усть-Каменогорск, Казахстан)*

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ КРИЗИСНЫХ СЕМЕЙ

Семья в фокусе внимания науки и практики находится перманентно. Однако вопрос о функциональных потребностях семьи до настоящего времени не теряет своей актуальности. Понимание и изучение здоровых потребностей кризисных семей зачастую осложнено тем, что в таких семьях доминируют и ярко представлены патологические потребности, и именно они занимают практически все внимание специалистов. В такой ситуации функциональные потребности выпадают из поля зрения, тогда как понимание, исследование и удовлетворение функциональных потребностей создают и развивают необходимый и важный ресурс по выходу семьи из кризиса. «Одно из отличительных качеств семейной терапии — ее оптимистический взгляд на людей. Ряд моделей семейной терапии придерживается положения, что за оборонительными сооружениями, которые люди возводят из гнева или тревоги, находится здоровое ядро личности, кото-

рая может быть разумной, вежливой, терпеливой и желающей измениться» [1, с. 65].

В данной работе под кризисной семьей понимается неблагополучная семья, в которой «противостояние интересов и потребностей членов семьи носит особо резкий характер и захватывает важные сферы семейного союза. Члены семьи занимают непримиримые и даже враждебные позиции по отношению друг к другу, не соглашаясь ни на какие уступки или компромиссные решения» [2, с. 15].

Рассмотрим базисные функциональные потребности кризисных семей. Прежде всего это *потребность в безопасности*. Данная потребность должна быть удовлетворена в первую очередь. «Поскольку семьи зачастую боятся того, что может произойти, если их конфликты станут открытыми, они могут сопротивляться сосредоточению на своих наиболее чувствительных проблемах... Все человеческие системы отказываются меняться, если чувствуют опасность. Семьи сопротивляются любому изменению, пока им не становится ясно, что последствия таких изменений безопасны, и тогда специалист заслуживает доверие. Когда специалист создает теплую, лишенную обвинений терапевтическую среду, она порождает надежду, что исправление даже наиболее угрожающей проблемы возможно» [3, с. 234]. В какой безопасности нуждается семья? Тут важно учитывать разные сферы безопасности — психологическую, физическую, социальную.

Другая функциональная потребность кризисных семей — *потребность в поддержке*. Потребность в поддержке присутствует в каждой кризисной семье, поэтому специалист с самого начала должен проявлять готовность поддержать любые конструктивные изменения в семье. Кризисные семьи *нуждаются* не только в ободрении для решения своих проблем, но *в ресурсах* для их решения. Члены таких семей зачастую отрицают глубину последствий затянувшегося кризиса, не видят каких-либо жизненных перспектив, осознанно или неосознанно отказываются думать о развитии ситуации в будущем. Такой механизм психологической защиты оберегает семью от полного отчаяния. Именно поэтому семье необходимо помочь не только осознать глубину всех проблем, но и найти и увидеть ресурсы для их преодоления. Так, к функциональным внутрисемейным стабилизаторам и ресурсам можно отнести: общее место проживания, общие деньги, общие дела, общие развлечения, общие достижения и успехи, желание семьи изменить ситуацию, знания и умения членов семьи. Важный ресурс — положительный опыт решения проблем в прошлом, из которого можно почерпнуть опыт стратегии и тактики решения семейных проблем. Внешними ресурсами могут быть — сеть социаль-

ных контрактов, различные социальные институты (школа, социальные службы и т. п.). В данном контексте очень важно, чтобы кризисные семьи были не только проблемно-ориентированными, но в большей степени — ресурсоориентированными.

Работа специалистов помогающих профессий всегда связана с эмоциональными затратами. Длительная работа с кризисными семьями, безусловно, влияет на специалиста. В этой связи изучение и поддержка функциональных потребностей кризисных семей — это не только необходимая, более результативная и эффективная помощь семье, но и существенный ресурс для специалиста по профилактике профессионального выгорания.

Библиографический список

1. Николе М., Шварц Р. Семейная терапия. Концепции и методы. — М., 2004. — 960 с.
2. Малкин-Пых И. Г. Семейная терапия. — М., 2005. — 70 с.
3. Олифиревич Н. И., Зинкевич-Куземкина Т. А., Велента Т. Ф. Психология семейных кризисов. — СПб., 2006. — 360 с.

Т. В. Чуканова (Барнаул)

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

Уровень развития современного общества побуждает к внедрению в процесс воспитания и обучения детей с ограниченными возможностями инновационных технологий. В первую очередь речь идет о компьютеризации воспитательно-образовательного процесса. Эффективность внедрения непосредственно зависит от того, какое именно содержание заложено в эти технологии, какие функции им предписываются, какую роль и место они занимают в системе обучения, чему и насколько хорошо обучены специалисты, в руках которых оказываются эти технологии [1, с. 73]. Социальная работа с детьми с ограниченными возможностями возможна с использованием компьютерных технологий, поскольку они обладают рядом преимуществ. Использование новых компьютерных технологий в целях реабилитации нарушений и общего развития ребенка с ограниченными возможностями позволяет научить детей многим полезным на-

выкам. Компьютеры, в данном случае, выполняют роль многофункционального тренажера.

Представляется, что компьютерные технологии смогут сыграть прогрессивную роль в реабилитации детей с ограниченными возможностями при следующих условиях:

- если на уровне профессионального мышления специалистов будет осознана опасность бездумного внедрения в реабилитационное обучение «массовых» компьютерных программ, построенных без учета специфических особенностей развития детей с ограниченными возможностями;
- если будут создаваться специализированные программные продукты для детей с ограниченными возможностями с учетом общих закономерностей и специфических особенностей их развития;
- если специализированные программные продукты будут содержать новые реабилитационные технологии решения «вечных» традиционных задач, нести в себе новые программы реабилитации;
- если содержание курса подготовки и переподготовки специалистов к использованию компьютерных технологий в реабилитационном обучении не будет ограничено и сведено к обучению управлению компьютером как машиной [1, с. 87].

Некоторая обезличенность в общении ребенка с ограниченными возможностями с компьютером способствует формированию доверия к собеседнику, а компьютерные упражнения позволяют ему моделировать различные ситуации общения, осуществить которые в реальной жизни для такого ребенка является довольно затруднительным. Работая с компьютерной программой, ребенок всегда действует. Эти действия объективируют и то, что думает он сам, и то, о чем ему предлагает думать система обучения. Умение применять различные познавательные стратегии в решении проблем означает адекватное использование логических операций мышления при восприятии и переработке информации. Компьютерные технологии как нельзя лучше позволяют выкраивать определенные модели, которые становятся эталонами для решения различных проблем социализации личности [2, с. 10].

В арсенале относительно новых, «высокотехнологичных» средств, используемых в реабилитации детей с различными формами детского церебрального паралича (ДЦП), все более прочные позиции занимают методы, основанные на использовании компьютерных технологий. Применение компьютеров в реабилитационном процессе может

быть весьма многогранным и обширным, но прежде всего это развивающие и обучающие компьютерные игры, ставшие одним из методов реабилитации интеллектуальных, двигательных и речевых дефектов у детей с ограниченными возможностями. Реабилитационная работа с детьми, страдающими ДЦП, с применением компьютерных технологий ведется по следующим основным направлениям:

1. Психолого-педагогическая диагностика.

2. Отбор реабилитационно-развивающих программ с учетом интеллектуальных, двигательных, речевых возможностей.

3. Реабилитационно-восстановительный процесс [3, с. 136].

Психолого-педагогическая диагностика включает в себя:

а) самостоятельное использование спортивно-компьютерно-игрового комплекса. Это сочетание тренажеров, компьютеров, программ, специальных методик проведения занятий. Развивает у детей моторные навыки: вестибулярную устойчивость, координацию движений, мышечно-суставную чувствительность; умение принимать решение в различных ситуациях; поисковую деятельность; познавательные процессы и др. В состав комплекса входят следующие тренажеры: ручная велосипед, контактный коврик, балансирующая платформа и др.;

б) работу с учебными программами;

в) работу в редакторе Word.

Отбор реабилитационно-развивающих программ с учетом интеллектуальных, двигательных, речевых возможностей:

— развитие познавательных процессов;

— развитие двигательных способностей (использование спортивно-компьютерно-игрового комплекса) [3, с. 136].

Реабилитационно-восстановительный процесс выстраивается на основе выявления уровня знаний, умений и навыков каждого ребенка с ограниченными возможностями; его психических, физических, интеллектуальных и речевых возможностей, состояния эмоционально-волевой сферы.

Непосредственная работа с детьми включает четыре части:

1. Содержательная и эмоциональная подготовка детей к решению игровых и дидактических задач на компьютере. Обучающая игра на компьютере.

2. Проблемное общение с каждым ребенком по ходу игры.

3. Реализация вновь полученных (после игры на компьютере) впечатлений детей в разных видах занятий за компьютером [3, с. 138].

В последние годы компьютерные технологии все более прочно входят в образовательный процесс. В специальном образовании компью-

терные технологии находят широкое применение в образовательном и реабилитационном процессе. Использование компьютерных технологий в системе специального образования способствует воспитанию, формированию самостоятельной инициативы детей с ограниченными возможностями, облегчает их интеграцию в общество и достижение социальной полноценности.

Библиографический список

1. Маллер А. Р. Социальное воспитание детей с отклонениями в развитии. — М., 2000. — 216 с.
2. Социокультурная реабилитация инвалидов : метод. рек. / под общ. ред. В. И. Ломакина и др. — М., 2002. — 144 с.
3. Левченко И. Ю., Приходько О. Г. Технологии обучения и воспитания детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата. — М., 2001. — 247 с.

А. В. Шапиева (Чита)

МОЛОДЕЖНЫЕ НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ КАК КОМПОНЕНТ РАЗВИТИЯ НИРС В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Перманентные трансформации во внешней научно-образовательной и инновационной среде предопределили развитие Забайкальского государственного университета как образовательной организации инновационного типа, осуществляющей проведение научных исследований и подготовку квалифицированных специалистов, бакалавров, магистров и аспирантов, способных обеспечить позитивные изменения в области своей профессиональной деятельности, в экономике и социальной сфере Забайкальского края и России в целом.

2012 г. стал новой отправной точкой в истории Забайкальского государственного университета (ЗабГУ) — произошло слияние потенциала двух крупнейших вузов Забайкальского края: Забайкальского государственного университета и Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета. Забайкальский государственный университет открыт в 1966 г. в Чите как общетехнический факультет Иркутского политехнического института. История ЗабГПУ им. Н. Г. Чернышевского, первого вуза на забайкаль-

ской земле, восходит к 1938 г. Сегодня ЗабГУ — это первый и крупнейший вуз края, образовательно-научный потенциал которого отвечает современным требованиям и гарантирует устойчивое развитие высшего профессионального образования в регионе. В ЗабГУ созданы все условия для получения современного качественного образования, развития профессиональных, научных, творческих способностей каждого студента [1].

В настоящее время в ЗабГУ осуществляется переход от классической модели образования к принятой во всем мире многоуровневой системе образования, включающей четырехгодичную подготовку бакалавров по 57 направлениям с возможностью продолжения обучения для получения степени магистра по 25 программам, которые могут продолжить обучение в аспирантуре.

Большую роль в повышении эффективности подготовки кадров высшей квалификации и высококвалифицированных специалистов для сфер науки, образования, производства, наукоемкого бизнеса; профессионалов с инновационным, творческим образом мышления, способных к осуществлению деятельности в условиях рыночной экономики, играет развитие молодежной науки [2, с. 30–35].

Современная концепция молодежной науки ЗабГУ охватывает научно-исследовательскую работу студентов (НИРС), научно-техническое и инновационное творчество молодежи (НТиТМ). В вузе функционируют студенческие научно-исследовательские центры, лаборатории и конструкторские бюро, Совет молодых ученых и студентов ЗабГУ.

Основной целью развития молодежной науки является улучшение количественных, качественных и временных показателей процесса подготовки высококвалифицированных специалистов и кадров высшей квалификации. Создание и введение новых и качественно усовершенствованных инновационных образовательных программ, применение инновационных образовательных технологий, прогрессивных форм организации научно-образовательного процесса скорректировало принципы формирования, функционирования и развития НИРС в ЗабГУ.

Необходимость развития молодежной науки университета обозначена закономерностями обеспечения эффективного образовательного процесса, который ориентирован на формирование требуемых профессиональных компетенций, развитие личности и подготовку к исполнению гражданских и социальных обязанностей [3, с. 125].

Занятие научно-исследовательской работой активно содействует овладению студентами современными методами и технология-

ми в области науки, техники, производства, методологией и практикой планирования и оценки рисков, выбора оптимальных решений в условиях современных экономических отношений.

Система организации НИРС ЗабГУ предполагает способность использовать накопленные знания, соответствовать требованиям профессиональной деятельности, научно обосновывать результаты личного труда.

Сегодня молодая наука ЗабГУ демонстрирует высокие показатели: более 85% обучающихся чувствуют в НИР университета, на базе университета действует 30 студенческих научных объединений и студенческих конструкторских бюро, свою деятельность успешно реализует Совет молодых ученых и студентов ЗабГУ, студенты университета завоевывают призовые места на конференциях различного уровня, внедряют свои разработки в производство, демонстрируют свои изобретения на выставках международного уровня.

Организационно-управленческая деятельность административных структур университета направлена не только на целенаправленное развитие системы молодежной науки университета, но и на перманентное формирование благоприятных организационно-экономических условий развития ключевых компонентов, способствующих активизации научно-инновационной деятельности молодежи и обеспечивающих саморазвитие системы организации НИРС. В ЗабГУ традиционно каждую весну проходит студенческая научная весна. Данное мероприятие включает в себя цикл мероприятий: конференции, слет студенческих научных объединений, решение кейсов в разных областях, олимпиады, форумы, круглые столы. Традиционное мероприятие является значимой площадкой для представления своих работ студентами вуза.

В течение последних лет ЗабГУ является инициатором и главным организатором Фестиваля науки в Забайкальском крае. Фестиваль науки призван популяризировать науку в крае, привлечь в ряды молодых ученых все большее число участников, способствует формированию молодого научного сообщества в крае. В 2016 г. в мероприятиях фестиваля приняло участие более 3 тыс. участников — школьники, бакалавры, магистры, студенты, аспиранты, молодые ученые.

Молодежные научные мероприятия предоставляют молодым исследователям возможность демонстрации и апробации результатов своей научной деятельности, способствуют развитию инновационного мышления и профессиональному росту [4, с. 111].

В ЗабГУ молодежные научные мероприятия представляют собой систему, включающую научно-образовательные мероприятия от уни-

верситетского до международного уровня для учащихся, студентов, аспирантов и молодых ученых.

Это комплекс мероприятий, сведенных в матрицу с ранжированием их *по направлениям деятельности*: олимпиады; конференции, симпозиумы, школы-семинары, форумы; конкурсы; выставки; совещания, круглые столы, презентации, дискуссионные площадки; научно-популярные лекции. *По статусу*: университетский; городской; областной; региональный; российский; международный. *По возрасту потенциальных участников*: первый возрастной уровень — учащиеся; второй возрастной уровень — студенты младших и старших курсов и магистранты; третий возрастной уровень — аспиранты, молодые ученые.

В данной матрице научные мероприятия представлены в виде сквозной последовательной цепи с учетом этапа научно-образовательной траектории и научного направления для демонстрации молодым исследователям максимально возможного участия в 110 научных мероприятиях университета на 2015 г. При этом молодежь достаточно информирована о мероприятиях через отработанные информационные каналы.

Поскольку научные мероприятия являются одним из ключевых компонентов развития НИРС, в ЗабГУ большое внимание уделяется их совершенствованию. Основными показателями данного процесса являются: повышение статуса существующих мероприятий; развитие мероприятий посредством организации дополнительных возможностей демонстрации молодыми исследователями своих достижений (примером может служить организация выставок и конкурсов в рамках уже традиционного Фестиваля науки и др.); организация принципиально новых мероприятий. Подобные мероприятия активно поддерживаются в ЗабГУ, осуществляется финансирование, приглашаются известные ученые с мировым именем, студентов привлекают к участию в хозяйственных темах, конкурсах, грантах. Все это делается исключительно с одной целью — сформировать у студентов тягу к науке, показать, насколько это интересный, творческий, благодарный процесс. Тем самым ЗабГУ формирует благоприятную среду для развития молодежной науки в регионе.

Накопленный опыт в организации НИРС в ЗабГУ показывает, что ключевыми компонентами являются: эффективное научное руководство, мотивация молодежи к активному участию в научно-инновационной деятельности и система молодежных научных мероприятий. Созданные в университете благоприятные организационно-экономические условия и действенные механизмы способствуют

саморазвитию такой системы. Организационные условия формируют необходимость проведения перманентного мониторинга новых научных направлений и обоснования актуальности организации новых научных мероприятий, а экономические — финансирование их университетом.

Таким образом, полномасштабная реализация и поддержка всех начинаний студентов ЗабГУ способна оказать многообразное и системное влияние не только на развитие Забайкальского государственного университета, но и в целом на научно-образовательную сферу Забайкальского края.

Библиографический список

1. Официальный сайт Забайкальского государственного университета. — URL: http://www.zabgu.ru/php/page.php?query=ob_universitete (дата обращения: 03.11.2016).

2. Мосичева И. А., Скибитский Н. В., Шестак В. П. Научно-исследовательская работа студентов: НИРС — современный аспект. — М., 2006. — 200 с.

3. Русанова А. А. Трансформация российского университета в условиях реформ высшего образования. — Чита, 2012. — 215 с.

4. Номоконов М. В. Особенности формирования молодежного кадрового корпуса Забайкальского университета // Дискуссия. — 2013. — № 1 (31). — С. 110–114.

*Д. А. Омельченко, С. Г. Максимова, О. Е. Ноянзина,
Н. П. Гончарова (Барнаул)*

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ СТРАН СНГ И ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ¹⁶

Открытость политики России в сфере функционирования и развития русского языка стала основанием современного решения языковых проблем не только внутри страны, но и за ее пределами. При всех очевидных сложностях продвижения русского языка набирают силу позитивные тенденции повышения гражданской ответственности

¹⁶ Публикация выполнена при поддержке: Министерства образования и науки Российской Федерации; грант в форме субсидии в рамках реализации Федеральной целевой программы «Русский язык», проект № 09. Z82.25.0163 «Русский язык как объединяющий элемент идентичности и основа взаимодействия в России, странах СНГ и дальнего зарубежья» (2016–2017 гг.).

за состояние государственного языка и ресурсов его прогрессивных изменений, признания того, что русский язык в многонациональном российском обществе — это проблема государственности, консолидации народов и единства страны, ее мощи и международного авторитета [1]. В этом контексте одно из ведущих, приоритетных значений приобретает понятие Русского мира, рассматриваемого в качестве особой цивилизации, «шире этносов и наций, территорий, религий, политических систем и идеологических пристрастий» [2, с. 223]. Особенностями Русского мира являются не только владение и активное использование русского языка как средства общения, способа познания и самовыражения, но и отраженные в языке ценности, способы восприятия и отношения к жизни, другим людям, себе [3].

Анализ научных исследований, посвященных актуальному состоянию русского языка в условиях современного развития России и ее взаимоотношений с мировым сообществом, свидетельствует о необходимости дальнейшего осмысления вопросов, в которых языковая ситуация увязывается с проблематикой формирования единой идентичности русскоговорящих граждан во всем мире, реализации языковой и, шире, культурной политики, нацеленной на распространение и укрепление позиций русского языка. И в этом векторе исследований заложен огромный потенциал для русского языка как связующего языка (*lingua franca*) на постсоветском пространстве и за его пределами.

Особенности восприятия русского языка, его роли и позиции в мире, представления о русском языке как об одном из компонентов образа страны составили предмет социологического исследования, проведенного сотрудниками факультета социологии АлтГУ в 2016 г. среди жителей 30 регионов России, стран СНГ и дальнего зарубежья¹⁷. В рамках данной статьи рассматриваются предварительные результаты опроса иностранных граждан (выборка стран СНГ составила $n = 1220$ из девяти стран¹⁸, выборка для стран дальнего зарубежья составила $n = 1631$ из 60 стран).

На вопрос о том, что является наиболее важными характеристиками русского языка, 55,8% опрошенных граждан стран дальнего зарубежья (54,3% в странах СНГ) ответили, что русский язык — это язык мировой художественной культуры — литературы, кино, театра и т. д., 48,8% (в СНГ 52,9%) — что это один из наиболее востребованных языков, объединяющих русскоговорящих людей во всем мире, 47,6%

¹⁷ Опрос проводился в онлайн-режиме на базе платформы LimeSurvey.

¹⁸ Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Узбекистан, Украина.

(36,1% в СНГ) — что русский язык является одним из важных факторов, объединяющих многонациональный народ России. Более трети респондентов (в странах СНГ 36,0%) отметили, что русский язык является одним из ведущих мировых языков и официальным языком международных организаций, для 24,8% опрошенных (18,7% в странах СНГ) важной являлась характеристика русского языка как государственного, 18,3% участников исследования (22,1% в СНГ) отметили, что русский язык занимает лидирующие позиции на рынке образовательных услуг, 13,5% (12,8%) — что это язык науки и технических достижений. Таким образом, в представлениях жителей других стран русский язык ассоциируется прежде всего с культурными достижениями России, ее культурным наследием, а также с интегративными функциями, позволяющими русскому языку объединять многонациональное население России. Примечательно, что для жителей стран СНГ последняя характеристика, наряду с государственным статусом языка, имеет гораздо меньшее значение, чем для стран дальнего зарубежья, тогда как возможности русского языка как средства для получения образования, напротив, выделяются чаще. К сожалению, ни у тех, ни у других русский язык не связывается с развитием науки и техники, что, несомненно, является отражением состояния и нерадушных перспектив завоевания глобального рынка технологий и инноваций. Около 3% респондентов из стран дальнего зарубежья и 1% в странах СНГ помимо выбранных альтернатив предложили свой вариант ответа. Их анализ представляет значительный интерес в силу того, что эти ответы отражают персонализированное отношение к русскому языку, а не только оценку заданных исследователями позиций. По содержанию оценочных суждений все ответы можно разделить на несколько категорий, в том числе ответы, характеризующие русский язык с позитивной стороны, эмоционально нейтральные суждения и негативно окрашенные суждения.

Значительную долю открытых ответов составили рассуждения о красоте и богатстве русского языка, его структурированности и возможностях для самовыражения: *«красивый и родной язык»*, *«могучий, разнообразный, богатый язык»*, *«самый красивый язык, в котором много прилагательных, выражающих чувства»*, *«красивый и приятный на слух язык»*. К этой же категории ответов можно отнести и те из них, что подчеркивают особую роль языка по выражению образа мыслей его носителей: *«русский язык — богатый язык, свидетельствующий об особом образе мысли»*, *«русский — это форма и ритуал общения, в наиболее полной форме соответствующие образу русского мышления»*, *«это язык, которым можно выразить любую эмоцию»*.

Ко второй группе по частоте относились ответы, отражающие функционирование языка в повседневной жизни, обладание языком как важным, естественным и само собой разумеющимся средством общения. При этом четко различались две ситуации. Первая была характерна для респондентов, проживающих за пределами границ Российской Федерации, но для которых русский язык являлся родным: *«мой родной»*, *«язык, на котором я научилась говорить, прежде всего»*, *«русский — язык, на котором я говорю»*, *«русский язык — это то, к чему мы привыкли с детства, это мой родной язык»*, *«это язык, на котором говорили мои родители»*. Во втором случае русский язык также описывается как язык семьи и близких, но уже со стороны иностранных граждан (как правило, в случае смешанных браков). При этом предполагается, что в семье каким-то образом язык пытаются сохранить, передать его детям: *«русский язык — это язык моего мужа»*, *«русский язык — тот, который по случайности стал мне родным»*, *«это язык моей жены и детей»*.

Немаловажную часть открытых ответов респондентов составили своеобразные «признания в любви» к русскому языку, выступающему в качестве объекта для очень сильных позитивных эмоций. Примерами ответов такого рода являлись следующие: *«это чудесный, восхитительный язык»*, *«обожаю русский язык»*, *«это язык культуры, которую я люблю»*.

Примерно треть ответов представляли категорию, маркирующую русский язык как язык, на котором говорят жители определенной географической территории, ограниченной Россией, странами бывшего социалистического лагеря: *«региональный язык северо-востока Евразии»*, *«язык соседней страны»*, *«наиболее распространенный язык среди русскоговорящих народов»*, *«один из языков, на котором говорят в России и в некоторых других странах»*, *«русский язык востребован на территориях стран СНГ»*, *«русский язык для русских»*, *«русский язык объединяет выходцев из бывшего СССР старше 35 лет и жителей РФ»*, *«русский язык распространен на территории бывшего СССР»*, *«язык бывшего СССР и нынешнего СНГ»*, *«язык межнационального общения на территории бывшего СССР»*.

Отдельную категорию составили ответы, дающие характеристику русскому языку как иностранному, в основном подчеркивающие трудности в изучении русского языка: *«сложный для иностранцев»*, *«трудно изучать»*, *«один из самых сложных языков для изучения, слава Богу, что я на нем говорю с детства и учить его не надо»*.

Часть респондентов, скептически настроенная по отношению к исследованию, в своих ответах старались принизить, умалить зна-

чимость русского языка, описать его как практически неотличимый от многих других языков: «язык как язык», «просто язык», «просто один из множества языков», «такой же язык, как и любой другой, нужен, использую, не нужен, не использую», «русский язык — язык такой же, как и все другие, не лучше и не хуже». Для отдельных выходцев с Украины, принявших участие в исследовании, русский язык представлялся как «язык лжи, который используют в последнее время для пропаганды», «язык оккупанта», «русский — язык страны, которая воюет с моей страной», «язык другого (недружественного) государства». В дополнение к вышеперечисленным респонденты приводили высказывания, дающие определения русскому языку как «языку страны, имеющей огромное влияние на мировую экономику и дипломатию», «языку наиболее старинного союзника Франции» (мнение жителя этой страны), «языку православия».

Таким образом, обобщая полученные предварительные результаты исследования, отметим, что русский язык выступает для иностранных граждан не просто лингвистическим средством, позволяющим осуществлять коммуникацию, это прежде всего культурный код, встроенный в более широкий контекст восприятия носителей этого языка и тех территорий и государств, в которых он является доминирующим, в котором отражены ее история, прошлое, настоящее и будущее. На восприятии русского языка в качестве средства межнационального общения и одного из мировых языков сказываются не только актуальные тенденции в языковой ситуации и языковой политике российского государства, но и то, как сама Россия воспринимается мировым сообществом, а также то, какую роль этот язык играет в жизни конкретного человека, его судьбе.

Библиографический список

1. Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом (утв. Президентом РФ 03.11.2015 № Пр-2283).
2. Никонов В. О создании фонда «Русский мир» // Русский язык. — 2007. — Т. 57. — С. 223–229.
3. Максимова С. Г., Гончарова Н. П., Омельченко Д. А., Ноянзина О. Е. Молодежные обмены между странами — участниками Шанхайской организации сотрудничества. — Барнаул, 2015. — 214 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонович Ирина Владимировна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальной работы, кандидат социологических наук

Артюхина Валентина Андреевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат социологических наук

Бендрикова Альбина Юрьевна, Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, доцент кафедры философии и социологии, кандидат социологических наук

Бускина Александра Валерьевна, Алтайский государственный университет, редактор сектора по обеспечению развития информационных и дистанционных технологий управления информатизации, кандидат исторических наук

Вараксина Наталья Владимировна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры общей социологии, кандидат социологических наук

Вараксин Сергей Владимирович, Алтайский государственный университет, доцент кафедры алгебры и математической логики, кандидат физико-математических наук

Великжанина Кристина Андреевна, Алтайский государственный университет, преподаватель кафедры социальной работы

Воронина Светлана Алексеевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры общей социологии, кандидат социологических наук

Гончарова Наталья Петровна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат социологических наук

Даровских Ольга Владимировна, Горно-Алтайский государственный университет, старший преподаватель кафедры психологии и социальной работы

Дирин Денис Александрович, Алтайский государственный университет, доцент кафедры экономической географии и картографии, кандидат географических наук

Дирина Олеся Валерьевна, Алтайский государственный университет, магистрант

Домашев Анатолий Николаевич, Алтайский государственный университет, доцент кафедры общей социологии, кандидат философских наук

Замятина Ольга Николаевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры общей социологии, кандидат социологических наук

Зимирев Георгий Иванович, Комитет образования города Читы, руководитель лаборатории управления образованием, кандидат социологических наук

Иванова Оксана Андреевна, Центр специальной связи и информации Федеральной службы охраны Российской Федерации в Алтайском крае, социолог

Калинина Юлия Александровна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальной работы, кандидат социологических наук

Карачева Татьяна Валерьевна, УО Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии

Качур Анна Степановна, Алтайский государственный университет, аспирант

Климук Ярослав Аполлонович, Бурлинский районный краеведческий музей, главный хранитель музейного фонда, кандидат исторических наук

Колесникова Ольга Николаевна, Алтайский государственный университет, декан факультета социологии, профессор кафедры социальной работы, кандидат социологических наук

Коростелева Ольга Тимофеевна, Алтайский государственный университет, профессор кафедры общей социологии, доктор социологических наук

Кузнецова Ирина Борисовна, Казанский государственный медицинский университет, доцент кафедры истории, философии и социологии, кандидат социологических наук

Максимова Светлана Геннадьевна, Алтайский государственный университет, профессор, заведующая кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий, доктор социологических наук

Маратканова Екатерина Андреевна, Алтайский государственный университет, магистрант

Мукашева Меруерт Муратбековна, Государственный медицинский университет г. Семей, преподаватель кафедры анатомии и гистологии

Нагайцев Виктор Валентинович, Алтайский государственный университет, доцент, заведующий кафедрой эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат социологических наук

Неваева Динара Алиевна, Алтайский государственный университет, младший научный сотрудник, кандидат социологических наук

Ноянзина Оксана Евгеньевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат социологических наук

Омельченко Дарья Алексеевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат социологических наук

Пенкин Севастьян, Алтайский государственный университет, магистрант

Петрова Расиля Галиахметовна, Казанский государственный медицинский университет, доцент кафедры истории, философии, социологии, кандидат исторических наук

Попов Евгений Александрович, Алтайский государственный университет, профессор, заведующий кафедрой общей социологии, доктор философских наук

Пустовалова Елена Валерьевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат философских наук

Раззамазова Ольга Владимировна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры иностранных языков экономического и юридического профилей, кандидат филологических наук

Рехтина Лилия Сергеевна, Санкт-Петербургский государственный университет, социолог

Савельева Жанна Владимировна, Казанский (Приволжский) федеральный университет, доцент кафедры общей и этнической социологии, доктор социологических наук

Сарыглар Сылдысмаа Артуровна, Алтайский государственный университет, ассистент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий

Семилет Тамара Алексеевна, Алтайский государственный университет, профессор кафедры теории и практики журналистики, доктор философских наук

Сергиенко Алие Мустафаевна, Алтайский государственный университет, профессор кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, доктор социологических наук

Синцова Людмила Константиновна, Алтайский государственный педагогический университет, профессор кафедры философии и культурологии, доктор философских наук

Сиротина Татьяна Викторовна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры социальной работы, кандидат социологических наук

Соколов Николай Викторович, Санкт-Петербургский государственный университет, доцент, кандидат социологических наук

Старосвет Елена Александровна, Алтайский государственный университет, магистрант

Стерлядева Наталья Анатольевна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, кандидат социологических наук

Сыздыкова Макпал Бархияевна, Казанский (Приволжский) федеральный университет, аспирант

Сытых Ольга Леонидовна, Алтайский государственный университет, профессор кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, доктор философских наук

Трофимова Юлия Владимировна, Барнаульский юридический институт МВД России, доцент кафедры психологии и педагогики ОВД, кандидат психологических наук

Фаненштиль Татьяна Владимировна, Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, старший преподаватель кафедры философии и социологии

Фатхутдинова Анастасия Алексеевна, Казанский институт массовых коммуникаций и социально-философских наук, аспирант

Фокина Анастасия Евгеньевна, Алтайский государственный университет, магистрант

Черепанова Мария Ивановна, Алтайский государственный университет, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, кандидат педагогических наук

Чудова Светлана Георгиевна, Алтайский государственный университет, доцент, заведующая кафедрой социальной работы, кандидат социологических наук

Чуканова Татьяна Викторовна, Алтайский государственный университет, заместитель декана факультета социологии, доцент кафедры социальной работы, кандидат социологических наук

Шапиева Анна Викторовна, Забайкальский государственный университет, доцент кафедры социологии, кандидат социологических наук

Шахова Екатерина Владимировна, Алтайский государственный университет, аспирант

Юдина Наталья Александровна, Институт развития образования Забайкальского края, руководитель учебно-методического отдела ГУ ДПО

Научное издание

**СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, ТВОРЧЕСТВО**

Сборник статей

Выпуск 9

Часть 1

Редактор Е. Б. Семьянова
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер
Оформление обложки Ю. В. Плетнева

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.
Подписано в печать 23.05.2017
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 15,2. Тираж 100 экз. Заказ 93.

Типография Алтайского государственного университета
656049 Барнаул, ул. Димитрова, 66